

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

Жумадил Арман Кабдешулы

ВОЕННОЕ ДЕЛО
КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

УДК 93/94
ББК 63.3
Ж 88

*Рекомендовано к изданию Ученым советом факультета истории,
археологии и этнологии и РИСО КазНУ имени аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **К.К. Чатыбекова**

доктор исторических наук, профессор **М.Ж. Абдиров**

доктор исторических наук **Б.Б. Карибаев**

Жумадил А.К.

Ж 88 Военное дело кочевников Евразии: историографический анализ: монография / А.К. Жумадил. — Алматы: Казак университеті, 2014. — 272 с.
ISBN 978–601–04–0858–6

В монографии на основе широкого круга источников анализируются проблемы историографии военного дела кочевников Евразии. Отдельное место занимают вопросы историографии военного дела казахов.

Данная работа является первым исследованием в казахстанской науке историографии, систематизирующем дореволюционную, советскую, современную казахстанскую и зарубежную историографию военного дела евразийских номадов.

Может быть использована в учебном процессе в вузах, колледжах, лицеях и школах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, как профессиональных историков и военных специалистов, так и интересующихся военной историей народов Евразии и Казахстана.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978–601–04–0858–6

© Жумадил А.К., 2014
© КазНУ им. аль-Фараби, 2014

ВВЕДЕНИЕ

До сегодняшнего дня вопрос о военном деле кочевых народов Евразии еще не поставлен мировой наукой во всей его величине и значимости. Но все же можно уже считать доказанным, что обычное представление о завоеваниях кочевников и их влиянии является сильно устаревшим как результат эгоцентричности европейской культуры. Завоевания кочевников не были нашествием диких орд, номады не были ни «дикарями», ни «варварами», иначе они не смогли бы одержать победу над народами старых культур двух континентов и создать небывалые в мировой истории империи. И на самом деле, всю историю номадов с их кочевым бытом, родовым делением и скотоводческим хозяйством нельзя вместить в рамки восходящих ступеней развития «общечеловеческой», то есть романо-германской, культуры. Но из этого следует диаметрально противоположный вывод: прогрессирующая и восходящая, подобно пирамиде, схема «общечеловеческой» культуры, придуманная европейскими учеными, в основе своей неправильна и неприменима к народам Азии, то есть более чем к половине человечества.

Кочевые государственные образования в традиционной историографии считаются эфемерными. А между тем, если сравнить время существования централизованных государств номадов и оседлых обществ, мы увидим, что это время практически одинаковое. И при этом кочевое общество оказывается более консолидированным, нежели оседлое.

Военная история кочевых народов в древние и средние века имела не только общеевразийское, но и мировое значение.

Кочевники Евразии, преобладавая в военном деле, преваляли в мире, определили ход и направленность мировых процессов. Евразийские номады, и казахские воины в том числе, в эпоху древности и средневековья одерживали блистательные победы над армиями целого ряда государств и народов Европы и Азии. Секрет победоносных войн саков, кипчаков и других кочевых племен Евразии заключался в том, что кочевая военная система была одной из самых совершенных военных систем средневековья. Недаром она оказала серьезное влияние на военное дело соседних стран – Китая, Ирана, Византии и Руси, вызывая повсюду создание и развитие конницы, особенно конных лучников. Высокий уровень военного дела кочевников способствовал созданию империи Чингис-хана, которую более правильно было бы называть империей центральноазиатских кочевников. Эта империя, которая потрясла весь мир, не имела себе равных.

Составной частью военной истории кочевых народов Евразии является история военного дела. Военное дело занимало особое положение в жизни кочевого социума. Любые изменения характера и содержания военного дела всегда находились в теснейшей связи с эволюцией самого социума, ибо вооруженный человек, сколько бы не говорилось о важности прочих аспектов жизни, безусловно, находился в центре «линий напряжения» той эпохи, являя собой единственную реальную силу, с которой приходилось считаться всем остальным членам общества. В эволюции оружия нашли отражение линии развития социально-экономической, политической и культурной жизни средневекового населения.

Особенно важную роль военное дело стало играть в эпоху Великого переселения народов, так как в это время происходят масштабные этнические перемещения по всей территории Евразии. В движение приходят огромные массы различных племен. Подобные миграции не могли не привести к возник-

новению многочисленных вооруженных конфликтов. В этой связи многократно возрастает значение оружия в жизни кочевых племен Евразии. Происходит военизация самых широких слоев населения, даже женщины принимали участие в боевых действиях. Вооружение, военное дело на протяжении многих столетий занимает важное место в системе общественных отношений, напрямую определяя особенности развития социальной истории.

Изучение военного дела и предметов вооружения позволяют пролить свет на многие важнейшие вопросы истории кочевых народов Евразии. Исследование набора вооружения в отдельных погребениях, распространенности оружия помогает определить характер военно-социальной организации древнего общества, а значит, и определить уровень общественных отношений в целом. Анализ отдельных видов вооружения, степень их популярности, территориального распространения, рассмотрение комплекса вооружения в целом позволяет проследить динамику культурного и военно-политического взаимодействия с окружающими народами и племенами. Актуальность исследования усиливается в связи с тем, что происходит осмысление достижений кочевой культуры и выбор дальнейшего пути развития казахстанского общества. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем Указе о программе «Культурное наследие» отметил, что «вопрос развития культуры, сохранения и приумножения богатейшего культурного наследия нашего общества имеет сегодня огромное значение. Это важный политический вопрос, тесно связанный с определением пути дальнейшего цивилизационного развития Казахстана»¹.

Проблемы военной истории кочевников Евразии стали предметом многочисленных исследований ученых разных стран мира, о чем свидетельствует значительное число монографий, статей, заметок, сообщений историков, археологов,

¹ Доклад Н.А. Назарбаева о внедрении Программы «Культурное наследие» // Казахстанская правда. 10 августа 2004.

этнологов. С самого начала зарождения номадологии проблемы военной истории, военного дела и вооружения кочевников находились в эпицентре ее внимания. Еще в XIX веке были выпущены первые труды по военному искусству монголов, среди которых выделяется очерк М.И. Иванина, положивший начало изучению военной истории кочевников. Наиболее ценными являются его личные наблюдения и сделанные на их основе выводы о военной организации, структуре войска и военной стратегии кочевников. Значительный интерес представляет книга Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие». Очень важны приведенные в его работе данные о военной организации, тактике и вооружении монголов.

Определенный интерес представляют работы А.С. Гринева и М.И. Маркова, посвященные истории конницы. Кроме того, следует отметить работу А. Пузыревского по истории военного искусства в средние века.

Определенный вклад в изучение истории военного дела кочевников внес В.В. Бартольд в своих работах «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» и «История турецко-монгольских народов».

В начале 20-х годов XX века появляется статья А. Рязанова, в которой были рассмотрены вопросы формирования исторического типа и характера казахского воина, состояние вооруженных сил и форма военной организации казахских ханов, стратегия и тактика военных действий, в частности, военное искусство Тауке хана, проявленное в ходе осады Бухары, и Жангир хана в борьбе против джунгар. Также А. Рязанов достаточно подробно осветил метод ведения «малых войн», использованный Срымом Датовым, Кенесары Касымовым, Исетом Кутибаровым, описал тактику военных действий казахов против казачьих укрепленных линий.

Некоторые сведения о военной истории и вооружении казахов XVI-XVIII веков были приведены в работе А.П. Чулошникова. Автор описал тактику Джангир хана в войне с джунгарами, затронул вопрос о сложении института толенгутства

— военной дружины ханов и изложил положение хана Тауке, вменявшее казахам обязанность носить оружие, что давало право голоса.

Весьма существенную роль имеет работа Б.Я. Владимирцова, в которой акцентируется воздействие охоты на военную и социально-политическую жизнь кочевого общества монголов, приводятся сведения о военной структуре монгольского общества и военном искусстве монголов.

В книге С.Д. Асфендиярова встречаются сведения о вооружении и тактике хуннов, упоминается наличие военных дружин у казахских ханов XVI в. и дается описание оружия и численности войск Кенесары.

Особое внимание военно-историческим аспектам истории казахов уделяется в книге, вышедшей под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. В ней приводятся факты, характеризующие военное дело саков, хуннов, усуней, описываются военные действия Тауке хана, Джангир хана, Аблай хана, Срыма Датова, Исатая Тайманова. Авторы подчеркивают, что «боевые традиции казахского народа создавались еще в глубокой древности», а «борьба за независимость выдвигала таких крупных политических деятелей и полководцев, как Кенесары Касымов».

В 40-50-е годы «военно-кочевая историография» пополнилась работами С.М. Абрамзона и А.А. Рослякова. В публикации С.М. Абрамзона рассматривались вопросы военной организации кыргызов. А.А. Росляков рассмотрел такие аспекты, как формирование войска, состав армейских подразделений, военная тактика и стратегия, оружие, оборона, поставил задачу вычленения ведущих моментов военной системы кочевников Азии. Обратив внимание на преимущества и недостатки военной системы кочевников-степняков, А.А. Росляков дал детальный и всесторонний анализ развития военного искусства кочевых народов Евразии. Автор выявил и проанализировал социально-экономические, политические и природно-климатические предпосылки и условия развития военного искусства номадов.

В эти же годы выходит доклад В.Н. Куна «Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии», в котором разбираются военизированные операции облавной охоты и впервые достаточно наглядно показаны серьезные сопоставительные обобщения о взаимосвязи охотничьего промысла и военного дела в кочевом обществе.

Проблемы истории военного дела кочевников Казахстана получили дальнейшую разработку в работах Е.Б. Бекмаханова, Г.И. Семенюка, Н.Е. Бекмахановой, Н.А. Нусупбекова. В этом плане особого внимания заслуживает монография Н.Е. Бекмахановой, где дан детальный анализ военных действий и выделен специальный раздел, в котором излагается вооружение и тактика казахских отрядов в годы Пугачевского восстания.

Н.Е. Бекмаханова и К.И. Кобландин рассмотрели вопрос об участии казахов в Отечественной войне 1812 года, описали их вооружение и экипировку.

Также необходимо отметить интересную и содержательную статью Г.И. Семенюка, в которой оружие, военное искусство и военная организация казахов в XVII-XIX веков стали предметом специального исследования. В статье подчеркнута мысль о том, что родоплеменная структура была одновременно и формой военной организации казахов. Также автор отметил, что тактика военных действий казахов была достаточно разнообразной и гибкой.

Любопытна статья К. Смагуловой «Оружие казахов XVI-XIX вв.», в которой она подразделила боевое вооружение казахов на три группы: холодное, метательное и огнестрельное, причем доминирующее положение в системе вооружения этого периода, по ее мнению, занимало холодное оружие.

Проблемы казахского оружиеведения получили дальнейшую разработку в публикациях А.Т. Кайдарова и А.К. Акишева. А.Т. Кайдаров проанализировал значительный массив казахских источников, что помогло ему найти многочисленные названия видов (типов) личного боевого оружия, вспомогательных предметов воинского снаряжения, воинской экипи-

ровки воина-батыра. Результатом этой работы стала возможность соотнести казахские названия вооружения с принятой классификацией оружия. А. Акишев на основе анализа костюма «золотого человека» рассмотрел защитный костюм воина-кочевника и пришел к выводу о том, что в конце II – начале I тыс. до н.э. в Казахстане появились катафрактары.

В 70-90-х годах значительный вклад в развитие исследований военной истории кочевников Евразии внесли сибирские ученые. Главным объектом их научных интересов являются предметы вооружения. Целенаправленное систематическое изучение оружия кочевников в Сибири началось в 1970-х годах, когда А.М. Кулемзиным были рассмотрены материалы по оружию тагарской культуры скифского времени.

Анализ и систематизация предметов вооружения енисейских кыргызов, предпринятые Ю.С. Худяковым, позволили выработать комплексную аналитическую модель оружейно-исторического исследования военного дела кочевых этносов и культур. На ее основе была намечена и реализована программа изучения вооружения и военного искусства древних и средневековых кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Вооружение древних кочевников Горного и степного Алтая изучалось А.С. Суразаковым, В.А. Кочевым, Г.Е. Ивановым, А.В. Эбелем. Военное дело населения лесостепной и таежной зоны Западной Сибири было объектом изучения А.И. Соловьева, Л.А. Чиндиной, Ю. Ожередова, Ю.А. Плотникова, Б.А. Коникова. Отдельные виды оружия древних и средневековых кочевников Центральной Азии рассматривались в работах М.В. Горелика, В.В. Горбунова, Е.В. Ковычева, Л.А. Боброва.

В конце 70-х – начале 90-х годов отражением возрастающего интереса специалистов к проблемам оружейноведения стало издание серии монографий и сборников научных статей по военному делу древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии, создание в рамках общества востоковедов комиссии по военной истории народов Востока и проведение тематических конференций по истории оружия и военного искусства.

Несмотря на значительные трудности, характерные для науки в странах СНГ в 1990-х гг., оружейведческие исследования не были свернуты. В эти годы было опубликовано несколько монографических исследований и сборников статей, защищены диссертации по истории оружия. По некоторым актуальным проблемам военного дела состоялась дискуссия в научной печати.

В 2000-х годах в Новосибирске прошли конференции, на которых основным предметом изучения стало военное дело кочевников, изданы сборники, в которых вводятся в научный оборот и анализируются новые материалы по военному делу древних и средневековых кочевников Центральной Азии. На основе изучения широкого круга вещественных, письменных и изобразительных источников реконструируются особенности вооружения, дистанционного, ближнего боя и средств защиты кочевников в древности и средние века. Характеризуется методика типологической классификации видов оружия и их отдельных деталей. Рассматриваются вопросы военной терминологии. На основе анализа не привлекавшихся ранее материалов исследуется комплекс боевых средств воинов эпохи позднего средневековья. Анализируются дискуссионные вопросы военной истории Евразии, события которой по-разному трактовались и оценивались в советской и российской историографии.

В конце XX века произошло усиление интереса к военной истории кочевников в среде казахстанских исследователей. При этом исследовались самые различные аспекты военного дела казахов. Так, Н.Ж. Шаханова рассмотрела традиционные элементы походной пищи казахов. Э.Ж. Валиханов описал основные этапы военных действий в период джунгаро-казахских войн, сделав основной упор на выяснение стратегических и тактических приемов, применяемых казахами; Ж.М. Жетыбаев исследовал сохранившиеся в памятниках погребально-культовой архитектуры казахов Западного Казахстана изображения оружия.

С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов на основе первоклассных восточных нарративных источников дают ценную информацию о казахском войске и его численности в XV – XVII вв., воинской символике и характерных сторонах военного быта воинов-кочевников, что существенно дополняет военно-политическую панораму позднесредневекового Казахстана.

Акцент в исследованиях второй половины 90-х годов XX века был сделан на освещение вопросов истории военного дела казахов в период с XVII по XIX вв., вычленились отдельные его компоненты, шел поиск новых подходов в изучении вопросов генезиса военного дела кочевников. Результатом этого поиска стало опубликование целого ряда статей, монографий, кандидатской и докторской диссертации А.К. Кушкumbaева, внесших большой вклад в развитие историографии военного дела кочевников Казахстана. Автор приходит к выводу о том, что становление военного дела в кочевых обществах и их дальнейшая эволюция находились под постоянным влиянием кочевого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и были детерминированы совместным существованием кочевого образа жизни и зверовой (облавной) охоты.

Крупный вклад в развитие историографии военного дела казахов внес К.С. Ахметжанов. На материале богатого устного героического эпоса казахов в сочетании с большим количеством наглядных данных и письменных источников он реконструировал боевой набор предметов вооружения батыра, провел интересную классификацию защитных доспехов казахских воинов, высказал свое мнение по достаточно сложным аспектам развития военной организации и боевого искусства кочевников.

Историографический обзор был бы не полным без работ Т.К. Алланиязова, в которых осуществлен анализ военного дела кочевников Казахстана с древнейших времен до середины XIX века. Эти работы восполняют существующий пробел в изучении истории эволюции военного дела древнего и средневекового населения Казахстана.

Тезисы о том, что “номады – разрушители цивилизаций” и “кочевники – посредники между цивилизациями” – своего рода полюса в оценках данного мирового феномена. Сегодня количество сторонников второй точки зрения значительно увеличилось, о чем свидетельствуют ежегодные международные конференции, которые проводит Институт по проблемам культурного наследия кочевников. В 2009 году признанные авторитеты в области изучения кочевников Евразии и специалисты из сопредельных сфер знания обсуждали вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. А в 2010 году основной темой конференции стала «Роль кочевников Евразийских степей в развитии мирового военного искусства». Ведущие ученые-номадоведы из стран дальнего и ближнего зарубежья высоко оценили вклад кочевников в развитии военного дела, отметив, что в течение двух с половиной тысячелетий они обладали военным преимуществом над оседлыми странами.

Тем не менее, до сих пор не осуществлена систематизация и критический анализ существующей литературы и источников в историографическом ракурсе. Военно-историческая тематика остается пока одной из недостаточно изученных проблем в казахстанской историографии, соответственно, изучение историографии военного дела кочевников Евразии является актуальной задачей.

При этом вопросы генезиса базовых принципов военного дела в кочевых обществах еще не получили достаточного отражения в историографии. В отношении же истории военного дела казахов хотя и имеется своя определенная историографическая традиция, но она находится, как нам представляется, в начальной стадии процесса изучения, а по периоду XVII-XVIII вв., за исключением нескольких статей, отсутствуют комплексные специальные работы по военной истории Казахстана.

Учитывая все вышесказанное, целью монографии определен историографический анализ эволюции и генезиса военного дела кочевников Евразии.

Предмет исследования составила история исследований военного дела кочевников Евразийского континента. В военном

деле необходимо выделить военно-политическую организацию, военную структуру, стратегию и тактику военных действий, комплекс вооружения и боевую подготовку воина-кочевника.

Исторические границы исследования охватывают громадный период истории кочевников Евразии, с момента зарождения кочевых империй (рубеж II-I тысячелетий до н.э.) и до конца XIX века, когда была ликвидирована военно-политическая система кочевого казахского социума. Историографические рамки исследования также весьма обширны, они охватывают период с середины XVIII в., когда началось фрагментарное изучение военного дела кочевников Евразии, и до настоящего времени, когда произошло научное оформление кочевниковедения. В содержательном смысле этот период охватывает время, когда состоялось формирование такой важной области исторических исследований, как военная история кочевников.

Методологической основой работы являются требования современной исторической науки и научной методологии, основанные на системном анализе в его развитии к синергетической парадигме. Современная историческая наука невозможна без использования новой методологии, не связанной с идеологическим и цивилизационным прессингом, рассматривающей кочевую культуру как отсталую и не способную к динамическому развитию. Сегодня, по нашему мнению, кочевая культура может и должна рассматриваться не как архаическая форма социума, а напротив, как самостоятельный тип экономики и хозяйствования, развивавшийся адекватно и в общем контексте мировой истории, но обладающий своими специфическими особенностями. В соответствии с этой исследовательской парадигмой и развивалась логика и канва настоящего исследования. Кроме того, историографический характер монографии потребовал и применения новых исследовательских процедур, неизвестных историкам-профессионалам прошлого. Речь идет о применении процедур и методов, связанных с современной информатикой, формальной логикой, средствами современных интеллектуальных систем, статистикой и моделированием.

Источниковую основу монографии составили несколько групп источников, хотя сразу следует оговориться, что в историографическом исследовании абсолютно вся предшествующая литература должна считаться источниковой. Но в силу того, что нельзя объять необъятное, пришлось позиционировать источники с более классических, общепринятых в исторических исследованиях норм. Поэтому как источники мы рассматривали нарративную базу прошлых веков. Первую группу источников составляют переведенные и систематизированные письменные сообщения восточных авторов, сборники и документы материалов, которые сосредоточены в специальных сборниках. Среди них следует отметить специальные тематические собрания источников: «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», «Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII вв.» (Сочинения «Михман-Намейн Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, «Шараф-Наме-йи шахи» Хафиза Таныша, «Шайбани-Наме» Бинаи, «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» и др.), «Материалы по истории Средней Азии X-XIX вв.», а также русские архивные источники, сосредоточенные в двух томах по вопросам казахско-русских отношений XVI-XIX вв., «Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв.», «Материалы по истории каракалпаков».

Вторую группу, и очень информативную, составили устно-поэтическая литература и героический эпос казахов «Батырлар жыры». Устный фольклор донес до современных дней очень существенные сведения о вооружении казахских батыров, сцены описания военного быта, традиций и так далее. Уникальная информация степной устной историологии содержится в сочинениях казахских исследователей XIX – начала XX веков – Ч.Ч. Валиханова и М. Тынышпаева. Для изучения истории военного дела значительную ценность представляют сочинения виднейшего казахского просветителя Ч.Ч. Валиханова. Так, в «Исторических преданиях о батырах XVIII в.», в «Песне об Аблае» есть ценный материал о вооружении и тактике известного казахского государственного и

военного деятеля XVIII века Аблай-хана. В наследии Ч.Ч. Валиханова в интересующем нас аспекте особо следует отметить его работу «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», где дано описание и характеристика плетей, ножей, копий, стрел, колчанов и охотничьих поясов.

Довольно ценный эмпирический материал по нашей теме был накоплен в дореволюционный период во многих трудах российских авторов XVIII-XX вв. В. Бакунина, И. Унковского, П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.Г. Георги, И.П. Фалька, И.Г. Андреева, Ф.С. Ефремова, Я. Гавердовского, С. Броневского, А.И. Левшина, А.К. Гейнса, В. Потто, Н.И. Гродекова, К.К. Абазы, В. фон Терна и др., отразивших чрезвычайно важные данные по военному делу кочевников.

Указанная проблематика является главной в моих исследованиях, поэтому данная монография стала продолжением предыдущих работ. Эта книга, с одной стороны, является продолжением моих научных поисков в избранной области, а с другой – представляет определенный вклад в наши совместные с коллегами-историками усилия по изучению проблем историографии военной истории Казахстана.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

1.1 Концептуально-методологические проблемы номадизма в историографическом дискурсе

Возникновение и распространение кочевничества на обширных степных пространствах Евразии относят к рубежу II-I тыс. до н.э. Земледельческо-пастушеские племена этих территорий, перейдя к круглогодичному кочеванию вместе со стадами, почти на три тысячелетия кардинальным образом сменили свой род занятий, уклад жизни и культурный облик. Своеобразное развитие у них получили социально-политические отношения. С одной стороны, эволюция кочевых обществ от создания союза племен до образования государственных объединений часто занимала период жизни одного-двух поколений, а их военный потенциал позволял вести успешную экспансию в отношении соседей-земледельцев. С другой стороны, при сравнении с уровнем развития современных оседлых народов, номады выглядели отсталыми племенами, не достигшими порога цивилизации. Характерными особенностями для кочевых обществ стали: сохранение родоплеменных отношений (личная свобода и экономическая независимость рядовых кочевников, общинная собственность на землю), присутствие небольшого числа рабов-иноплеменников и наличие имущественной дифференциации. Все эти специфические особенности кочевых обществ обусловили дискуссионность трех ключевых вопросов в этой пробле-

ме: причины возникновения кочевничества, существование государственности у номадов и возможность рассмотрения «степной культуры» как альтернативы земледельческой цивилизации.

Несмотря на комплексное использование источников (письменных сведений в виде эпиграфических надписей тюркоязычных кочевников и сочинений иностранных авторов Античности и Средневековья, археологического материала и фольклора), уровень современных знаний позволяет восстановить политическую историю кочевых народов и говорить о развитии социальной структуры и существовании особых культурных традиций у номадов.

Применение с середины XIX века методологии как формационного, так и цивилизационного подходов при изучении истории кочевых народов не дало доказательных ответов на отмеченные выше ключевые вопросы номадизма. Более того, традиционное противопоставление этих направлений в историографии на практике обернулось идентичной эволюцией взглядов у сторонников теории формаций и последователей концепции цивилизации и привело, в конечном итоге, к схожим выводам. Объясняется это очень просто. Несмотря на внимание к различным сферам жизни общества (социально-политическим отношениям или социокультурным особенностям), оба подхода в основу модели его развития положили особенности эволюции земледельческих народов. Понятия «формация» и «цивилизация» были даны с позиции представлений западноевропейского человека. И не случайно, ключевым для них стал термин «государство» как один из признаков уровня развития общества. Но, как оказалось, особенности, характерные для определенных стадий развития эволюции оседлых народов, совсем не обязательно присутствуют в кочевых обществах, а признаки различных этапов могут существовать у кочевников одновременно.

Открытым остался вопрос о причинах возникновения кочевничества. Предложенный сторонниками как формационного, так и цивилизационного подходов в качестве основного

фактора — изменение климата — «усыхание степей», не объясняет практически одновременного и массового отказа населения степей от привычного уклада жизни и перехода к кочеванию. Почему эти племена не предпочли вместо этого освоить поймы рек остается непонятным. Предложенное суждение о комплексном влиянии различных условий (причем, многие из них сформировались в период энеолита) также выглядит неубедительно, особенно если учесть мнение о высоком уровне развития ремесла и орошаемого земледелия.

Определенная динамика была при рассмотрении вопроса о месте кочевания среди других видов деятельности и последовательности их появления. Так, Дж. Тойнби, разработавший вариант концепции цивилизации в начале XIX в., предложил следующую очередность возникновения видов деятельности: охота — земледелие — пастушество — кочевничество. Причем, в качестве доказательства более раннего появления земледелия, чем кочевничества, он приводил библейский сюжет о Каине и Авеле. Так, он пишет: «Следующий шаг в социальной эволюции был совершен в период второго существенного изменения климата. Первый приступ засухи застал в Евразии человека-охотника. Вторую волну засухи встретил уже оседлый земледелец и скотовод, для которого охота стала второстепенным занятием. В этих обстоятельствах вызов засухи, который проявился с большей силой, породил две, причем совершенно различные реакции. Начав domestикацию жвачных, евразиец вновь восстановил свою мобильность, утраченную было в период, когда он совершил свой первый крутой поворот — от охоты к земледелию. В ответ на новый импульс старого вызова он вновь обрел активность»². Отметив, что земледельцы просто решили уйти от засухи и мигрировали в другие, более пригодные для земледелия районы, Дж. Тойнби продолжает: «Однако их степные братья ответили на вызов другим, более отважным способом. Эта часть

² Тойнби А. Дж. Исследование истории цивилизации во времени и пространстве. [перевод с английского]. — М.: АСТ, 2009. — 863 с.

евразийцев, оставив непригодные для жизни оазисы, также отправилась в путь вместе со своими семьями и скотом. Но они, оказавшись в открытой степи, охваченной засухой, полностью отказались от земледелия, как их предки когда-то полностью отказались от охоты, и стали заниматься скотоводством. Они не пытались уйти из степи, а приспособились к ней»³.

Примерно в это же время бытовала «трехступенчатая концепция», по которой сначала появилась как вид деятельности охота, потом из нее выделилось скотоводство (кочевое и пастушеское), а уже после него возникло земледелие⁴. Лишь в 40-50 гг. появилось мнение о возникновении кочевания только из пастушества⁵, что было признано сторонниками обоих направлений с некоторыми частными уточнениями.

Особое внимание исследователей отмечается в вопросе развития кочевых обществ. Эволюция взглядов в рамках формационного и цивилизационного подходов очень схожа и прошла путь от мнения о статичном характере общества кочевников до создания теорий об особом его развитии и исключительном влиянии соседних оседлых народов на появление государства у кочевников.

Между тем, отметим, что сформированные в процессе исторического развития цивилизации не остаются неизменными. Они подвержены внутренним противоречиям, мощному воздействию внешней среды, особенно в условиях глобализации. Поэтому попытки утвердить некий универсальный цикл, единые принципы внутренней динамики для всех цивилизаций до сих пор не приносили успеха. Как утверждают знатоки этого вопроса Е. Рашковский и В. Хорос, большинство современных исследователей не разделяют конструкций,

³ Тойнби А.Дж. Исследование истории: цивилизации во времени и пространстве: [перевод с английского]. — М.: АСТ, 2009. — 863 с. — С.73.

⁴ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — 188 с.

⁵ Марков Г.Е. Кочевники Азии. — М., 1967. — 219 с.

предложенных в свое время Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, А.Дж. Тойнби и другими. По их мнению, более реалистичной является позиция Ф. Броделя и его последователей, которые считают, что в любой ныне действующей цивилизационной системе существуют, по крайней мере, архаичный, осевой и современный уровни, воспроизводящие стадиально-исторический путь цивилизационного развития.

Вместе с тем анализ историографии проблемы и новые подходы не исключают и другие мнения, способствующие прояснению истины существа вопроса. Так, С. Хантингтон среди основных факторов, определяющих цивилизационное и культурное развитие общества, рассматривал географические, климатические, биологические, демографические, физиологические и др.⁶ Первые люди, естественно, не были оседлыми, в поисках пищи и удобных для проживания мест они пешком пришли из Африки в Центральную Азию, затем в Европу, и этот процесс начался около 80 000 лет назад⁷.

Опровергая положение о том, что только Европа внесла вклад в мировую цивилизацию, К. Леви-Стросс пишет: «Вся научная и промышленная революция Запада умещается в период, равный половине тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить, прежде чем утверждать, что эта революция призвана полностью перевернуть эту жизнь»⁸.

Ш.Монтескье в своей книге «Персидские письма» с нескрываемым восхищением говорит о кочевниках Великой Степи. По его словам: «Ни один народ в мире ... не превзошел татар своей славой или величиим своих завоеваний. Этот народ поистине владыка вселенной; все остальные как будто для того созданы, чтобы ему служить, он также основатель и раз-

⁶ Huntington S. Mainsprings of Civilization. – N.Y., 1945. – P.3

⁷ Геном, клонирование, происхождение человека. – Фрязино: «Век-2», 2004. –С.190-212.

⁸ Levi-Strauss C. Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. -Mexico: Siglo XXI Eds. 1990. – P. 321-322.

рушитель империй; во все времена он проявлял на земле свое могущество, во все века он был бичом других народов»⁹.

В развитие теории нomaдизма огромный вклад внес Л.Н. Гумилев. Так, он писал: «Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана. Надо, наконец, сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно»¹⁰.

В работах Л.Н. Гумилева наиболее ярко выражена идея о доклассовом характере ранней государственности у кочевников. Государственность у хуннов возникла, по мнению историка, из-за перехода разобщенных по аилам кочевников к круглогодичным перекочевкам. Эти аилы стали образовывать теперь спаянные группы, возникала потребность в организации этих групп для обороны от врагов и поддержания внутреннего порядка. Этот зародыш государственности, по мнению Л. Гумилева, более древний, чем институт классового государства. Саму державу Хунну ученый рассматривает как общество, где господствовали родо-племенные институты, и определяет как «родовую империю»¹¹. Здесь мы согласны с Л. Гумилевым и полагаем, что как и марксистско-ленинская концепция, так и большинство цивилизационных теорий происхождения государства относятся к европейским этносам и совершенно не учитывают структуру и особенности развития кочевого общества.

Тюркский каганат, по мнению Л.Н. Гумилева, образовался вследствие завоевательной политики ханов из рода Ашина, в результате которой были объединены почти все степные народы Евразии и прилегающие территории с осед-

⁹ Монтескье Ш. Персидские письма / перевод с французского, под редакцией Е. А. Гунста. – М.: Издательство «ИОЛОС», 1993.

¹⁰ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 115.

¹¹ Гумилев Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. АН СССР. Изд. вост. лит-ры, 1960. – 291 с.

ло-земледельческим населением. Чтобы эффективно контролировать эти страны и народы, древние тюрки создали свое государственное объединение — эль. Основным противоречием в первом Тюркском каганате было противоречие между тюркской военной демократией и покоренными племенами, находившимися еще в стадии родового строя. Ввиду недолгого существования государства исследователь рассматривает Тюркский каганат как незавершенный процесс классообразования¹². Феодалные отношения, согласно концепции Л.Н. Гумилева, возникали только по периферии Великой Степи, там, где кочевники завоевывали страны с оседлоземледельческим образом жизни. В качестве примеров Гумилев приводит государство Сельджукидов, Золотую Орду, монгольские династии в Иране и Китае. При этом оставшиеся в степи кочевники продолжали сохранять прежние общественные отношения.

В середине 70-х годов он создает целостную, непротиворечивую пассионарную теорию этногенеза, в основе которой лежит представление об этносе как о биосферном, несоциальном феномене человеческого поведения¹³. Тогда-то и получила объяснение природа возникновения «черной легенды». Оказалось, что «...неявное отождествление в глазах не только средневековых европейцев, но и китайцев, — народов России и Монголии, сливавшихся для них в нечто целое, хотя и раздробленное и неосязаемое»¹⁴, есть вполне закономерное с точки зрения теории этногенеза явление. Оно лишь частный случай проявления поведенческой реальности суперэтнуса Евразии.

«Комплиментарность — явление природное, возникающее не по приказу хана или султана и не ради купеческой выгоды.

¹² Гумилев Л.Н. Древние тюрки /АН СССР. Ин-т народов Азии. — М.: Наука, 1967. — 504 с.

¹³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1989. — 336 с.

¹⁴ Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. Сб. Лев Гумилев предисловие, с. 5-24, и комментарий: В. Ю. Ермолаев. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 563 с.

То и другое может, конечно, корректировать поведение контактирующих персон, руководящихся соображениями выгоды, но не может изменить искреннего чувства, которое, хотя на персональном уровне и бывает столь разнообразным, как индивидуальные вкусы, но на популяционном — приобретает строго определенное значение, ибо частые отклонения от нормы взаимно компенсируются»¹⁵. И потому в рамках пассионарной теории этногенеза сам вопрос о том, кто культурнее: европейцы или степняки, русские или американцы, не ставится вообще. Гумилевская этнология «...беспристрастна, так как единственным ее мерилom является уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в частоте событий, последовательность которых образует плавную мелодию чередования эпох и, наконец, заметную смену фаз этногенеза»¹⁶.

Таким образом, любая идея «отсталости» или «дикости», по Гумилеву, закономерно возникает при использовании традиционного историографического подхода с использованием синхронистической шкалы времени, «...когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники»¹⁷. Л.Н. Гумилев на конкретных примерах, сравнивая по этническому возрасту Хунну, Германию и античную Элладу, убеждает читателей в бессмысленности сравнений методами традиционной историографии. На наш взгляд, это совершенно верное понимание исторического времени, а главное — исторического возраста разных этносов.

Л.Н. Гумилев считал, что: «Культура кочевников за 3000 лет своего существования по сравнению с народами Средиземного моря и Восточного края пережила творческую эволюцию. Кочевники евразийской Сахары пронесли свою цивили-

¹⁵ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: АСТ, 2008. — 571 с.

¹⁶ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. (Историко-географический этюд) / АН СССР. Ин-т истории народов Азии. — М.: Наука, 1966. — 191 с.

¹⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Мысль, 1989. — 766 с.

зацию с VI в. до н.э. до XVIII в. н.э.»¹⁸. По его мнению, кочевники внесли весомый вклад в мировую цивилизацию. Истоки казахской цивилизации берут свое начало, по-видимому, со времени ариев, которые из Великой степи частично перекочевали в Месопотамию и создали государство Шумер.

В рамках европоцентристского подхода разрабатывал проблемы номадизма крупный советский кочевниковед Г.Е. Марков. Согласно его концепции, в кочевых обществах происходят процессы имущественной дифференциации и выделения господствующего слоя — военных и племенных предводителей¹⁹. Усиление военной организации приводило в итоге к возникновению кочевых империй, олицетворявших военную централизацию скотоводов. Но кочевые империи представляли собой эфемерные образования и не имели прочного экономического базиса. Объединение различных племен в кочевую империю могло быть осуществлено лишь при условии создания единой системы управления, опирающейся на прочную военную силу. Однако при ослаблении центральной власти начинался распад кочевой империи, военно-административная система прекращала свое существование и степняки вновь возвращались из «военно-кочевого» в «общинно-кочевое» состояние. Таким образом, кочевые империи, согласно концепции Маркова, не являлись государствами в полном смысле этого слова.

В исследовании «Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории» Г.Марков достаточно подробно рассматривает советскую и российскую историографию по проблемам кочевниковедения²⁰.

Сходные с Г. Марковым взгляды высказывала С.А. Плетнева, которая считала, что условия для появления государ-

¹⁸ Гумилев Л.Н. История Евразии. — М.: Эксмо, 2009. — 696 с.

¹⁹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 219 с. — С.14.

²⁰ Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // Достоек. — № 6. — 1998. — С. 110-123.

ства в кочевом обществе складываются только при оседании кочевников на землю. Но при этом забывается, что процесс возникновения государства обусловлен внутренними причинами развития общества, а насаждение этого института извне возможно при полной ассимиляции коренного населения и «уничтожения» его культуры. Стоит обратить внимание, что если пользоваться критериями государства, выделенными для оседлых народов, то сразу можно сказать – уровня государства номады не достигают.

Взгляды С. Плетневой в полной мере нашли отражение в монографии «Кочевники средневековья»²¹. Так же, как и Г. Марков, она считает, что кочевых государств не существовало, а объединения кочевников представляли собой племенные союзы, которые становились государствами лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию. С. Плетнева выделяет три стадии развития кочевых обществ: первая стадия – таборное кочевание с отсутствием земледелия и оседлости, в сфере общественного быта этой стадии присуща военная демократия; вторая стадия – полукочевое хозяйство с постоянными зимовками и частичным заготовлением кормов, распадение родового строя и военной демократии, становление раннеклассового общества и формирование государственных объединений; третья стадия – полукочевое хозяйство с параллельным развитием земледелия и оседлости, появление городов, феодализм и государство.

Вторая стадия кочевания, по мнению С.А. Плетневой, делится на два этапа, причем для первого этапа характерен коренной способ кочевания, а для второго – айльный. Военно-демократический строй в эту эпоху сменялся классовым. На второй стадии кочевания, согласно концепции Плетневой, находились хунны, древние тюрки эпохи каганата, империя Атилы, Аварский каганат, держава Кубрата, Хазарский каганат в период становления и др.

²¹ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.

Третьей стадии кочевания присущи высокоразвитая земледельческо-скотоводческая экономика, развитие ремесел, рост городов, единство культуры, языка, появление письменности. Все это, согласно концепции С. Плетневой, — признаки развивающейся и утверждающейся государственности. Если для второй стадии кочевания можно говорить о создании рыхлых государственных объединений — «кочевых империй», то для третьей стадии, по мнению ученого, характерны устойчивые и организованные объединения — «каганаты». В качестве наиболее ярких примеров третьей стадии кочевания исследователь приводит Уйгурский каганат, где имел место классовый феодальный строй, а также Кыргызский каганат, Хазарию в период расцвета и др.

Несомненным достоинством работы С.А. Плетневой является попытка классифицировать исследования по проблемам кочевниковедения. В сжатом и динамичном введении к работе автор, в частности, выделяет три существующих направления при изучении кочевников в трудах современных историков. Одно из них — анализ политической истории на основе письменных источников; другое базируется на этнографических материалах и рассматривает экономику, быт и культуру; третье, используя археологический и лингвистический материал, также исследует бытовые и культурные особенности кочевых обществ.

Тем не менее, к сожалению, во взглядах этих ученых превалирует, хотя и в скрытой форме, идея превосходства земледельческих оседлых культур. Но во многом их исследования достигли иного результата, поскольку поставили вопрос о том, как «примитивные» кочевники в течение тысячелетий угрожали самому существованию земледельческих империй.

Появление в российской историографии в конце XX — начале XXI вв. вопроса о «степной культуре» как альтернативе развития цивилизации относится исследователями как обращение к цивилизационному подходу, но обусловлено и эволюцией формационной концепции, в рамках которой в 80-е гг. начинают подниматься вопросы религии и материальной культуры у номадов.

Важным вкладом в историографию истории кочевых народов стали труды крупного российского историка С.Г. Кляшторного. Его книги и статьи посвящены истории тюркских народов в целом, источниковедческому значению памятников древнетюркской письменности, проблемам социального строя и политогенеза в обществе кочевых тюрков²². С.Г. Кляшторный считает, что фактор имперской традиции в истории сложения древнетюркской цивилизации ещё ждёт исследовательского внимания. Далее он указывает: «Между тем всё, что мы можем определить как признаки, присущие цивилизации (и прежде всего, достаточно развитая письменность и запечатлённая в этой письменности историческая память), явилось прямым следствием создания Тюркского эля. Так сами тюрки называли свое государство, которое мы называем Тюркским каганатом или Тюркской империей. Динамика возникновения центрально-азиатских империй — а все они созданы кочевниками — казалось бы, проста и прозрачна. Уже первоначальный завоевательный импульс направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение стран с иным хозяйственно-культурным укладом. Степные племена консолидируются под властью одного вождя, одного рода, одной династии. Подчинив племена, соперничающие во власти над степью, завоеватель стремится поставить в зависимость от себя страны и народы с многообразными типами хозяйственной деятельности и, как правило, с развитой государственностью. Зависимость реализуется либо в форме непосредственного подчинения завоевателю, либо выплатой обусловленной дани. Именно на этой стадии государство, созданное кочевниками, преобразуется в империю»²³. В одной из своих последних работ «Евразия:

²² Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Филологический ф-т СПбГУ. — СПб., 2005. — 346 с.

²³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. — 2-е изд., исправл. и доп. — 368 с.

первая империя тюрков и их цивилизация» С. Кляшторный рассказывает об обстоятельствах становления Тюркского каганата, его исторически обусловленной имперской природе и взаимосвязи государственного устройства и родившейся в его лоне тюркской цивилизации²⁴.

Среди работ по кочевниковедению следует особо отметить книгу владивостокского ученого Н.Н. Крадина «Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)»²⁵. По мнению Н. Крадина, хотя кочевники и могли обходиться продуктами своего труда, они, тем не менее, нуждались в изделиях ремесленников, оружии, шелке, украшениях и продуктах, производимых земледельцами. Получить все это можно было двумя способами: войной и мирной торговлей. Кочевники использовали оба способа. Когда они чувствовали свое превосходство или неуязвимость, то без раздумий садились на коней и отправлялись в набег. Но когда соседом было могущественное государство, скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко правительства оседлых государств препятствовали такой торговле, т.к. она выходила из-под государственного контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем.

Н.Н. Крадин придерживается точки зрения, что поначалу кочевники не нуждались в собственном государстве. Государственность у кочевников зарождалась, согласно концепции Н. Крадина, в тех регионах, где они вынуждены были иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары и турки и Византия и др.). Таким образом, Н. Крадин придерживается позиции, что государственность у кочевых

²⁴ Кляшторный С.Г. Евразия: первая империя тюрков и их цивилизация. – Спб., 2009. – 290 с.

²⁵ Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток, 1992. – 254 с.

народов возникла под влиянием оседлоземледельческих цивилизаций.

В другой своей работе «Кочевники, мир-империя и социальная эволюция», являющейся развитием его предыдущих исследований («Кочевые общества», «Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. Цивилизации», «Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример, 1180-1206», «Империя Хунну»²⁶), Н. Крадин, отмечая несомненные успехи кочевников, тем не менее, вновь повторяет мысль о деструктивном влиянии номадов на исторический процесс. Так, он пишет: «Кочевники сыграли важную роль в истории человечества. Они способствовали освоению Ойкумены, распространению различного рода инноваций, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, в этническую историю народов Старого Света. Однако, обладая огромным военным потенциалом, номады оказали также существенное деструктивное влияние на исторический процесс, в результате их разрушительных нашествий были уничтожены многие культурные ценности, народы и цивилизации»²⁷. При этом он считает, что «Наиболее яркий след в истории оставили так называемые “кочевые империи” — самые крупные политические образования номадов, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас более высокоразвитых соседей-земледельцев»²⁸. Как видим, вновь повторяется тезис о более высоком уровне развития земледельческих государств.

²⁶ Крадин Н.Н. Кочевые общества. — Владивосток: Дальнаука, 1992; Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. Цивилизации. Вып. 3. — М.: 164-П9, 1995; Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример, 1180-1206 // Альтернативные пути к ранней государственности / отв. ред.: Н.Н.Крадин и В.А. Лыиша. — Владивосток, 1996, Империя Хунну. — Владивосток: Дальнаука, 1996.

²⁷ Крадин Н. Кочевники, мир-империя и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / под ред.: Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. — М.: Логос, 2000. — С.76.

²⁸ Крадин Н. Кочевники, мир-империя и социальная эволюция. — С.77.

Н. Крадин дефинирует кочевую империю как кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания “подарков”, неэквивалентной торговли, данничества и т.д.). Он выделяет следующие признаки «кочевых империй»:

1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации “метрополии”, чаще всего по “десятичному” принципу; 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследования власти (империя — достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром»²⁹.

Однако, с течением времени произошла определенная эволюция взглядов Н. Крадина. Так, в совместной с Т. Скрынниковой монографии «Империя Чингис-хана» признается огромная цивилизующая роль кочевых империй. Вот что они пишут: «главная роль Монгольской империи в мировой истории состояла в том, что монголы замкнули цепь путей международной торговли в единый сухопутный и морской комплекс. Впервые все крупные региональные составляющие средневековой мир-системы (Европа, исламский мир, Индия, Китай и Золотая Орда) оказались интегрированными в единое макроэкономическое пространство. Все это способствовало развитию глобального информационного, технологического и

²⁹ Крадин Н. Кочевники, мир-империя и социальная эволюция. — С.78.

культурного обмена между цивилизациями Старого Света»³⁰. Исследователи признают роль монголов в объединении разрозненного Китая в единое государство, особо отмечается их значение в русской истории.

Точка зрения о классовом характере кочевых обществ наиболее аргументировано представлена в работах крупного специалиста по китайским источникам, автора по истории средневековых тангутов и монголов Е.И. Кычанова³¹. Он даже не ставит под сомнение сам факт существования государств у кочевых народов. В этой работе Е. Кычанов рассматривает проблемы уровня развития кочевых народов исходя из убеждения, что общества кочевников были обществами классовыми, и как результат имущественного и классового расслоения этих обществ возникли и кочевые государства. В книге дан подробнейший анализ ранних форм государственности у кочевых народов, в разное время граничивших с Китаем. Само кочевое государство, согласно концепции Е. Кычанова, было не только орудием обороны или ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать неимущих и малоимущих соплеменников и рабов. Главная идея, которую Е. Кычанов проводит в своей монографии, в том, что кочевые государства были прежде всего результатом внутреннего развития кочевых обществ, итогом их сословно-классового разделения и социальных противоречий в обществе.

История кочевого мира в целом охватывает около трех тысячелетий: от появления скифов в VIII веке до н.э. и до настоящего времени. Такие ученые, как Л.С. Васильев, выделяют 3

³⁰ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. — М.: Вост. лит., 2006. — 557 с.

³¹ Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. — М., 1968. 356 с.; Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. — Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. — 234 с.

типа кочевой цивилизации: Киданьский — когда кочевое племя образуется на окраинах могущественной империи, многое у нее заимствует, но стремится сохранить свою самобытность; Тюркский — когда кочевники постоянно меняют места своего обитания, вторгаясь в зону земледельцев и подчиняя их себе; Монгольский — когда под внешним воздействием создается государство, которое вторгается в зону земледельцев, подчиняя их государства одно за другим, но пытаясь сохранить свою самобытность³².

Кочевой (номадный) тип хозяйства имеет следующие специфические характеристики. Он складывается в условиях резко континентального климата, слабой обеспеченности атмосферными осадками (до 200 мм в год) и другими водными ресурсами. Такие территории называются аридными зонами. Плотность населения у кочевых народов колеблется от 0,5 до 2 чел. на один кв. км.

Как считает казахстанский исследователь К.Б. Саханова, этот дисперсный (рассеянный) тип расселения обусловлен основным экосистемным принципом номадизма — точным (симметричным) соответствием между численностью принадлежащего кочевнику скота и природными водно-кормовыми ресурсами — и способствует рассеянию собственности в пространстве; упорядоченные миграции в целях круглогодичного обеспечения животных подножным кормом происходили в форме перекочевов по зимним, весенним, летним и осенним пастбищам³³.

Е.И. Кычанов указывает, что рост кочевой экономики не мог идти по пути интенсификации и концентрации, так как вел к «перевыпасу» — увеличению нагрузки на пастбища, ведущему к снижению урожайности травостоя. Принципиальным является и положение о том, что кочевой тип производства хозяйства не мог быть беспредельно экстенсивным — в целом

³² Васильев Л.С. История Востока. — М., 1998. — 396 с.

³³ Саханова К. Б. Кочевой хозяйственный тип в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы, 1998. — № 9. — С.18-24.

он был весьма ограничен в передвижениях и различного рода перекочевках и базировался, прежде всего, на разумном использовании продуктивных качеств различных видов скота³⁴.

П.Н. Савицкий считает особенностью проявления кочевой культуры то, что ее изначально можно назвать конно-железной. Нынешнее состояние археологического материала позволяет, с большей или меньшей точностью, проследить появление кочевой культуры в Евразии. В этих районах археологический слой кочевой железной культуры перекрывает собой отложения оседлых или полуседлых культур³⁵.

Культуру кочевых обществ следует исследовать в её единстве и целостности. Это единство и целостность, в некоторых отношениях, настолько поразительны, что позволяет некоторым исследователям (в частности, уже упоминавшемуся П.Н. Савицкому) истолковывать, например, скифские обычаи на основании монгольского материала XIII века нашей эры. Конечно же, этнологическое обоснование таких сопоставлений сомнительно. Хронологически скифский материал отделен от монгольского, по крайней мере, 15 веками. Сопоставления эти обоснованы культурно-историческим единством и целостностью кочевого мира.

Р.Н. Безертинов – автор многих статей и монографий по проблемам кочевой государственности тюрко-монгольских народов. В 1997 году была опубликована его книга «Татары, тюрки – потрясатели Вселенной» (История Великих Империй), в 2000 г. – книга «Тэнгрианство – религия тюрков и монголов», в 2005 г. – книга «Тюрко-татарские имена», в 2006 г. – учебное пособие «Древнетюркское мировоззрение тэнгрианство», в 2006 г. – книга «Вектор татарского направления». В книге «Китай и кочевой мир» автор поставил перед собой следующие цели: 1) отразить историю Китая с 1500 лет

³⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература, РАН, 1997. – 286 с.

³⁵ Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения // серия «Сочинения Л.Н.Гумилева». Вып. 10. – М.: Институт ДИ – ДИК, 1998. – С. 466-478.

до н.э. по 220 год н.э., т.е. тот период, когда и откуда началось формирование китайской цивилизации, традиционное мировоззрение китайцев, их письменность, структура управления государством, сельское хозяйство, промышленность, военная тактика и дипломатия; 2) осветить тот же исторический период на территории обитания кочевников, показать особенности их мировоззрения, письменности, структуры управления государством, хозяйства, промышленности, военной тактики и дипломатии; 3) ответить на вопрос, как и почему случилось так, что Китайская империя в начале I века до н.э., после навязанной ей жестокой войны севернымномадам, во время которой хунну победили, признала империю кочевников хунну «равной империи ханьцев», а хуннусцы после победы устроили междоусобную войну, развалили свою державу, затем потерпели поражение от китайцев и рассеялись по территории Великой степи; 4) также ответить на вопрос, почему далее Китай в течение 3,5 тысяч лет расширял свою территорию за счет соседних народов и к XXI веку пришел как ведущая держава мира, а кочевники, за это же время создавшие десятки империй и государств, распались, изменили свое мировоззрение, стали мусульманами, христианами, буддистами, иудеями и т.д., часто меняли свои алфавиты и, в конечном итоге, в XXI веке «пришли в плачевное состояние»³⁶.

Рассматривая военно-политические и дипломатические аспекты проблемы «Китай – варвары», автор отмечает, что в Северо-Восточной Азии, во 2 веке до н. э., имелись уже две централизованные империи – империя Хань (китайская) и империя Хунну («татарская»). Для того чтобы была мощная держава, которая могла противостоять или быть равноправной Китаю, были нужны, по меньшей мере, три обязательных условия. Необходимо было самодостаточное и обеспечивающее себя хозяйство. Второе – сильная армия. И третье – объединяющая всех жителей державы общая национальная идея, т.е. единое мировоззрение или религия.

³⁶ Безертинов Р. Н. Китай и кочевой мир. 1500 лет до н.э. по 220 год н.э. – Казань: Издательство «Слово», 2011. – 208 с. – С.4.

Все это было у Хуннусской державы. Эти две равные империи, жившие согласно договора о «мире и родстве», в то же время на протяжении трехсот лет непрерывно воевали между собой. За 300 лет существования договора о «мире и родстве» китайцы измотали в конечном итоге хунну. Существующий договор о «мире и родстве» с китайцами большей частью работал в пользу владык Поднебесной. Выдавая в жены своих принцесс за тэнрикутов, китайский царствующий дом по рукам и ногам связывал действия хуннуских правителей.

Зарубежная историография номадов сегодня отличается отдельными признаками эволюции представлений «цивилизационного» подхода.

По мнению ряда историков, одной из главных проблем всемирной истории является предполагаемый конфликт между «цивилизацией» и «варварством». Американский историк У. Джонс пишет: «Зародившись впервые на Дальнем Востоке, цивилизованное общество существовало параллельно с другими, отличавшимися от него социальной организацией и уровнем развития культуры. Эти «другие» общества цивилизованный человек называл «варварскими», а их народы — «варварами»³⁷. С одной стороны, в ходе дифференциации культуры возникали земледельческие общества, город, техника ирригации, монументальная архитектура и письменность, с другой — существовали общины охотников и пастухов, которые, хотя иногда и соединяли пастушество с элементами земледелия, в целом занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни. Скифы и турки на Ближнем Востоке, арии, хунну в Восточной Азии, кельты, германцы и гунны в Европе — всех их как конных кочевников причисляли к «варварам».

Однако, несмотря на то, что общепринятым признаком «варварских» обществ являлась их полная или частичная принадлежность к экономике кочевого скотоводства, «варвар», как таковой, был, скорее, «не исторической реальностью, а

³⁷ <http://www.popal.ru/>

мифическим образом»³⁸ (У. Джонс). Следует считать бессмысленными споры о том, можно ли считать кочевые культуры цивилизациями. Кочевые цивилизации возникали, вбирая в себя порою весьма значительные земельные, экономические и человеческие ресурсы, затем распадались. И снова возникали под действием экономических и исторических законов, а также фактора времени, через призму которого эти законы проявляли свою силу.

Наиболее ярким противником подобного евроцентристского восприятия истории кочевых народов выступают не ученые – представители кочевников, а европейские историки. Пол Линднер считает, что «историки недолюбливают кочевников... Первичные исторические источники подчеркивают эту неприязнь своим всеобщим уничижительным отношением: их авторы, являясь оседлыми людьми, также видели кочевников как хищников и описывали их с безопасной дистанции. Почему же мы должны выдвигать эти свидетельства при отсутствии альтернативных источников, охватывающих кочевническую перспективу»³⁹.

Дж. Харматта утверждает, что «кочевое государство могло возникнуть только в процессе, при котором племенная основа кочевого общества должна была сначала разрушиться, а потом поменяться классовыми отношениями. Главный фокус в изменениях внутри социально-экономического порядка, который сделал восхождение автократов, как Аттила среди Хуннов, возможным»⁴⁰.

Наиболее полным и фундаментальным трудом по ному-дизму является работа проф. Анатолия Хазанова из Висконсинского университета «Кочевники и внешний мир»⁴¹. Дан-

³⁸ <http://www.popal.ru/>

³⁹ Barthold V.V., Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Tünen Mittelasiens. – Berlin, 1935. – P. 11-13.

⁴⁰ J. Harmatta. The dissolution of Hun Empire /Acta Archaeologica 2: 1952. – PP. 277-304.

⁴¹ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2000. – 690 с.

ная работа является, без всякого сомнения, выдающимся и во многом уникальным исследованием по номадизму. А. Хазанов стал первым в науке, кто попытался охватить весь комплекс проблем исторического, социоантропологического, социологического, этнографического, экономического, географического, экологического и частично лингвистического характера. По своему замыслу данная работа с самого начала претендовала стать окончательным и самым полным научным вкладом в номадологию.

А. Хазанов, берясь за универсальное исследование кочевничества, поставил перед собой цель доказать, что специализация означает более сильную зависимость. Этот тезис он расшифровывает следующим образом: чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более они зависимы от внешнего мира. Автор понимает эту зависимость как экономическую и социально-политическую категорию. Такой подход определил характер его исследования, которое не является историческим трудом, а представляет собой классификацию и типологизацию кочевых моделей. По ходу своего исследования А. Хазанов неизбежно затрагивает и пытается решать такие принципиальные вопросы, как причины возникновения кочевого скотоводства, неустойчивого положения кочевого общества, невозможности модернизации номадов⁴².

Центральной посылкой, от которой отталкивается А. Хазанов, является тезис, что номадизм представляет собой особый вид производящей экономики. Это позволяет ему отделить бродячих охотников и собирателей от подвижных скотоводов; именно последних он считает настоящими номадами. Главным достоинством первой части книги является предложенная автором классификация форм скотоводства, которую он дает на основе географических и экологических условий. Это означает, что каждому региону была свойственна своя форма скотоводства [109]. Применительно к Казахстану это

⁴² Хазанов А. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2000. – 690 с. – С.149.

означает, что казахстанские степи представляли собой один из немногочисленных регионов на планете, где наблюдалось кочевое скотоводство в его чистом виде. По географической классификации казахстанские степи относятся им к евразийскому степному типу.

Автор подробно рассматривает проблему нестабильности и неавтаркичности кочевого хозяйства, что неизбежно в ходе исторического процесса ставило кочевников перед дилеммой: или осесть, или приобретать у оседлых обществ необходимые для жизни продукты различными способами (торговлей или силой). Главный вывод в этой части исследования, который делает А. Хазанов, состоит в том, что адаптация кочевого скотоводства к природно-географическому окружению является неполной; номады вынуждены также адаптироваться и к внешнему миру⁴³. Именно этот тезис определил название и главное направление книги А. Хазанова.

Автор затрагивает в своей книге и главный вопрос, над которым билось и бьется не одно поколение историков и этнографов, — происхождение номадизма. А. Хазанов исходит из того, что противоречивый характер номадизма проявляется во всех его аспектах, в том числе и в генезисе. Ученый выделяет три неперемennых условия перехода к номадизму: хозяйственно-технологические предпосылки (одомашнивание определенных видов животных, изобретение колеса, создание особых видов жилища и т. д.); конкретный побудительный стимул, или триггер; благоприятный социально-политический фон. В качестве запускающего механизма (триггера) в большинстве случаев могли выступать климатические сдвиги. Кратко говоря, А. Хазанов, в отличие от многих своих предшественников, ставит на первый план природные, а не социокультурные факторы. В то же время А. Хазанов не исключает другого способа распространения номадизма — хозяйственной экспансии.

Внутреннюю структуру номадизма как социальной и по-

⁴³ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. — С. 153.

литической системы раскрывает третья глава книги. В ней А. Хазанов выступает против всех устоявшихся концепций и трактовок кочевничества: экологической, марксистской, экономической и антропологической. То есть нomaдизм, по А. Хазанову, не является ни особой социально-экономической формой, ни особым способом производства и не сводится только к адаптации кочевого скотоводства к природному окружению. В качестве ключа к раскрытию этого исторического феномена автор предлагает выбрать специфику взаимоотношений (то есть адаптации) кочевников с внешним миром⁴⁴. Именно этот тезис А. Хазанов кладет в основу своего исследования.

Исследователь выделяет два основных типа адаптации кочевников к внешнему миру — экономическую и социально-политическую. При этом он отказывает нomaдизму в том, что до него почти все исследователи считали аксиомой, — в относительной автаркичности кочевого хозяйства. Внешний мир выступает по отношению к нomaдам не пассивным фоном, а активной силой взаимодействия, вызывая рост социальной дифференциации и имущественного неравенства среди нomaдов. Основные формы взаимодействия нomaдов и оседлых обществ общеизвестны: это седентаризация (оседание), торговля и торговое посредничество, политическая зависимость (вхождение оседлых обществ в состав кочевых государств, и наоборот).

Здесь автор приближается к последней и центральной, с точки зрения исторической ретроспективы, проблеме — определения характера, роли и значения кочевых государств в истории Евразии. А. Хазанов подходит к данной проблеме, фактически ключевой в понимании исторической роли нomaдизма, исходя из своего основного тезиса: кочевое хозяйство нуждалось в ресурсах земледельческого и городского мира; таким образом, завоевание было одним из средств подчине-

⁴⁴ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. — С.289.

ния и получения необходимых продуктов, доведенным до своего логического конца.

А. Хазанов выделяет три основных пути эволюции симбиоза кочевых государств и оседлых обществ. В первом случае оседлые территории отпадают или же гибнет городская культура; происходит вторичная примитивизация социально-политических отношений. Второй путь предполагает усиление и конечное возобладание сендатаризационного процесса, в результате чего кочевое общество перестает быть самим собой, то есть исчезает. Третий вариант характеризуется сочетанием единой социально-экономической и политической системы кочевого и оседлого обществ, в основе которого лежит разделение труда. Социальная стратификация такого симбиотического общества совпадает с экономической специализацией и этническими различиями (например, самый распространенный вариант в Центральной Евразии – правление кочевой аристократии монгольского или тюркского происхождения).

Этот вариант является переходной стадией к одному из предыдущих и ведет к вынужденному решению дилеммы – оседать или оставаться кочевниками. Обычно, отмечает автор, эта дилемма возникала перед правящим классом, представленным кочевой аристократией или кочевой династией: сосредоточить свое внимание на правлении государством в целом и его оседлым субобществом или же сохранить свое прежнее положение в кочевом субобществе, а значит, идти против интересов государства.

У книги два послесловия: одно написано в 1979 году, а второе – уже в конце XX века. В первом послесловии А. Хазанов не стремится делать окончательных выводов в отношении исторической роли нomaдизма, старается оставаться толерантным в оценках исторической роли кочевников, признавая относительность таких понятий, как однолинейность развития общества и его прогресс, и в целом оставляет вопрос о позитивной или негативной оценке исторического вклада кочевников открытым.

Через двадцать лет в послесловии к казахстанскому изданию автор выступает уже с более категоричными выводами. В своей заключительной оценке А. Хазанов делает основной акцент на идеологической и культурной зависимости кочевников от оседлых обществ. «Неисторичность» кочевников, по его мнению, проявляется в том, что они не создали ни одной из мировых религий, хотя активно участвовали в их распространении. Сомнительным, по мнению А. Хазанова, остается убежденность в том, что именно кочевники внесли выдающийся вклад в развитие конницы и ее военных артефактов. Те же допуски он делает в отношении культурных заимствований оседлых обществ у кочевого, которые с таким же успехом могли быть заимствованы до этого кочевниками. Даже в отношении знаменитого звериного стиля и рунического алфавита древних тюрков А. Хазанов считает, что они возникли в результате адаптации кочевниками достижений оседлого мира⁴⁵.

Признавая грандиозную роль кочевников в политической истории Евразии и Африки, автор и здесь отмечает, что завоевания номадов были возможны только благодаря ослаблению и дезинтеграции оседлых государств. Справедливости ради А. Хазанов обращает внимание на тот факт, что тезис об опустошительности вторжений кочевников нуждается в тщательной проверке в каждом отдельном случае. «Слишком часто для объяснения экономического упадка в оседлых странах кочевникам отводится роль козлов отпущения» — с этим выводом автора нельзя не согласиться⁴⁶. Особенно это было характерно для российской (потом — советской), венгерской, польской, румынской историографии и других исторических школ Восточной Европы. Следствием этого стал миф о «татаро-монгольском иге» и исторической роли этого региона, якобы выступавшего плотиной против варваров и спасшего Западную цивилизацию.

⁴⁵ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. — С. 342.

⁴⁶ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. — С. 361.

Обращаясь к роли степной традиции в истории Руси, А. Хазанов отнюдь не считает, что русская автократическая модель была заимствована у Орды (главный тезис евразийцев). Главными здесь были, по мнению А. Хазанова, византийские традиции и влияние собственных внутрисословных факторов, пока еще недостаточно изученных. И вообще, считает А. Хазанов, после распада СССР история кочевников вновь стала заложником необъективного и идеологизированного подхода с большим налетом национализма. По его мнению, это характерно как для России, Монголии и Китая, так и для молодых независимых государств Центральной Азии. Здесь мы позволим себе не согласиться с выводом автора, поскольку историческая наука Казахстана и других центральноазиатских государств только начинает избавляться от комплекса неполноценности, а этот процесс неизбежно связан с определенными перекосами в национальном сознании. Так что, это болезнь роста, и кстати, она присуща и исследованиям европейских и американских ученых, к которым себя причисляет автор, но только эта болезнь связана с комплексом цивилизационного превосходства. В своей конечной оценке исторической роли кочевников А. Хазанов опирается на собственные выводы в отношении всего исторического процесса на планете. При этом он отрицает и эволюционизм, и марксизм. Все важнейшие прорывы в истории человечества, резюмирует А. Хазанов, были результатом уникальной комбинации различных факторов и происходили считанное количество раз или только однажды. Это касается и возникновения кочевого скотоводства. Отрадно, что на формирование столь далеко идущего тезиса автора подвигло именно изучение номадов. Главную критику автор направляет против марксистской (точнее, советско-сталинистской) теории социально-экономических формаций. В то же время А. Хазанов критикует, хотя и вскользь, сторонников концепции стагнации и заблокированного развития, которые зачастую ищут причину этого

во вторжениях кочевников. Причем критикует их он не из-за предвзятого отношения к исторической роли номадов, а из-за того, что западноевропейская модель воспринимается как естественная для всех других регионов и обществ. Здесь А. Хазанов остается верен своей «концепции уникальности» исторического развития. Исходя из нее, он завершает свое исследование следующими словами: «...кочевники нигде не были единственным или даже самым важным из множества тех факторов, которые определяли долговременные тенденции регионального развития»⁴⁷. То есть А. Хазанов отказывает кочевникам в каком-либо существенном вкладе в историю человечества, попросту выталкивая их из нее.

Оценивая монографию А. Хазанова, признавая достоинства работы, необходимо отметить и существенные недостатки. Поскольку номадизм и кочевники всегда были предметом исследования со стороны трех дисциплин: истории, этнографии и лингвистики. А. Хазанов не является представителем в чистом виде ни одной из указанных наук. Его этнографический опыт, по-видимому, ограничивается некоторыми районами бывшего СССР, где в рудиментарном виде сохранилось кочевое хозяйство, и Монголией. В своих подходах к изучению номадизма он руководствовался, как нам кажется, некоторыми заимствованиями из западной социокультурологической компаративистской антропологии, которые были затем развиты им благодаря эмиграции и более тесному знакомству с этой литературой. Нехватку полевого и оригинального материала для познания кочевников и их истории А. Хазанов, тем не менее, компенсировал многочисленными заимствованиями из других исследований, носящих вторичный характер. Таким образом, его работа «Кочевники и внешний мир» приобрела ярко выраженный компиляционный характер, что в большей степени характерно не для исторических, а для историографических работ. Поэтому с этой точки зрения, труд

⁴⁷ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. – С.412.

А. Хазанова является самым выдающимся историографическим исследованием проблем кочевой цивилизации.

Значительный вклад в исследование проблем кочевых обществ внес известный казахский этнолог Н.Э. Масанов. В докторской диссертации на тему «Специфика общественно-го развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические проблемы нomaдизма» подробно исследуется процесс генезиса и эволюции кочевнического типа хозяйства, дается анализ типологии местообитания нomaдов, описываются природно-климатические условия различных регионов Казахстана, особенности посезонного природопользования и выпаса скота, структура хозяйственных занятий казахов, типология кочевого скотоводческого хозяйства, география расселения, численность, родоплеменной состав казахского населения⁴⁸.

Интересны замечания Н.Э. Масанова по поводу того: «Что же касается принципиально важного вопроса относительно возможной трансформации нomaдного способа производства в период включения кочевых народов в орбиту политического и экономического господства крупных централизованных государств, то анализ казахского общества показывает, что сам способ производства не претерпел сколько-нибудь серьезных видоизменений. Несмотря на массовое изъятие наиболее плодородных земель, широкомасштабную колонизацию, развитие земледельческого хозяйства, установление системы государственно-административного управления, отчуждение налогов, кочевничество полностью сохранило свою специфическую форму воспроизводства и жизнедеятельности... Нomaдный способ производства, в силу неизменности географических условий сохранявший основные параметры своего функционирования на протяжении трех тысячелетий,

⁴⁸ Масанов Н.Э. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические проблемы нomaдизма. автореф. дисс. д.и.н. – М., 1991. – 47 с.

перестал существовать в Казахстане только лишь после насильственной кампании по тотальному изъятию скота в начале 1930-х гг.»⁴⁹.

Н.Э. Масанов типологизировал местообитание кочевников в соответствии с принципами общепринятой экологической систематики на ареал (экосистема) кочевничества и маргинальную зону (экотон), выдвинув тем самым самостоятельную и весьма стройную концепцию⁵⁰. По нашему мнению, именно концепция Н. Масанова имеет все основания для того, чтобы стать базовой при исследованиях кочевого социума.

Казахстанские ученые последовательно доказывают принципы кочевой культуры и обосновывают ее значительную роль в развитии человеческого социума. Как отмечал М. К. Козыбаев: «И постепенно в те далекие времена саки, гунны, кангюи, усунь, дулаты, аргыны, алшыны, жалаиры, кимаки-огузы, кыпчаки, кыргызы, карлуки и другие родственные им роды и племена составили основу будущего казахского этноса. Они сумели сохранить свою самобытность, несмотря на переселение в степь персов, арабов, тунгусских племен жужанов (аваров) и других народов... Но столь же глупо забывать о величии Азии. Мы несколько склонны увлекаться блеском Европы и забывать о прошлом. Следует помнить, что именно Азия дала великих идейных вождей, которые, возможно, оказали на мир большое влияние, чем кто-либо другой или что-либо другое, где бы то ни было. Азия дала великих основателей главных религий. Христос, Мухаммед, великие китайские философы Конфуций и Лао-цзы — можно было бы заполнить целые страницы именами великих мыслителей Азии. Можно заполнить также целые страницы именами великих деятелей Азии. «Я мог бы показать тебе, насколько великим и жизнеспособным и во мно-

⁴⁹ Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII- XIX вв. — Алма-Ата, 1984. — С. 144.

⁵⁰ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевого общества). — Алматы, 1995. — 320 с.

гих других отношениях был наш древний континент в прошлом»⁵¹.

Современная цивилизация стирает номадизм с лица земли как один из эпизодов всемирной истории, пишет Г. Шалабаева⁵². Или, говоря иначе, «великая степная равнина Евразии (включая территорию Казахстана) выпала из данного контекста сложных взаимоотношений и не стала предметом серьезных историко-культурных изысканий.

Понятие «кочевая цивилизация» часто используют казахстанские ученые археологи: А. Маргулан, К. Акишев, К. Байпаков. Термин общество кочевников в основном доминирует у С. Толыбекова и Д. Кшибекова. Последние годы К. Байпаков, М. Козыбаев сочли правильным использовать в евразийской пустыне понятие «степная цивилизация» вместо «цивилизации кочевников». К.М. Байпаков считает, что термины «кочевая культура», «кочевая цивилизация» не совсем удачны. Правильнее говорить о «степной культуре и цивилизации», что подразумевает не только кочевание, но и оседлость, не только скотоводство, но и земледелие и городскую жизнь. Доказано, что саки, уйсуны, тюрки, казахи не только номады. Ведь именно этот т.н. «исключительный номадизм» дает пищу для рассуждений о пустых землях Казахстана, об эфемерности культуры кочевников. Номадизм – лишь часть степного хозяйства, жизни и быта, часть своеобразной степной цивилизации Казахстана. Этот взгляд поддерживал и М.К. Козыбаев⁵³. А между тем, кочевничество считалось социальным преимуществом. Постоянное передвижение для номада было не только лишь хозяйственным мероприятием, а жизнью. При перекочевках люди рождались, достигали со-

⁵¹ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. - Алматы: Комплекс, 2000. – Т.1. – С. 35.

⁵² Шалабаева Г. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. – Алматы: Экономика, 1999. - С. 146.

⁵³ Козыбаев М.К. Өркениет хакында //Қазақ өркениеті. – 2001. – №1. – 7-24 бб.

вершеннолетия, мужали, вступали в браки, праздновали, отдыхали, познавали мир, умирали.... Не передвигаться вовремя считалось результатом ущербности хозяйства, признаком бедности рода. Отстать от перекочевки («аштан өліп, көштен калу») рассматривалось как большое социальное зло, сравнимое с голодом и разрухой. Потому көш (кочь) снаряжался как можно богаче⁵⁴.

В последние годы казахстанскими учеными был совершен своего рода прорыв в области исследований феномена номадизма. При этом вклад казахстанских исследователей в развитие мирового кочевниковедения не ограничивается историческими, социологическими, этнографическими и культурологическими исследованиями, значительное развитие получили теоретические, методологические и гносеологические аспекты. Так, Ж. Артыкбаев в монографии «Казахское общество: традиции и инновации»⁵⁵ изучил системы жизнеобеспечения казахского общества, механизмы организации политической структуры кочевых этносов. При раскрытии функциональных особенностей системно-структурных основ традиционных социумов отмечено, что фундаментальным системообразующим фактором является сочетание кочевого скотоводства и торгово-ремесленного уклада.

Большинство историков и культурологов, согласно Ж. Артыкбаеву, рассматривая Всемирную историю, где двумя полюсами мировой истории выступали Восток и Запад, всегда умудрялись как-то не замечать степную равнину Евразии. Сложные этнополитические процессы в самом центре огромного континента, довольно быстро реагирующие на любые изменения во внешней периферии Великой степи, остались незамеченными. Мост между Востоком и Западом взмывал над Великим евразийским поясом степей, и не касался судеб

⁵⁴ Акагай С. Древние культы и традиционная культура казахского народа. – Алматы, 2001. – С. 25.

⁵⁵ Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. – Астана, 2003. – 280 с. – С. 106-112.

и деяний степных народов и их культур. Из-за такого высокомерия современных гуманитарных наук в научный оборот не вошли самые существенные закономерности и события истории, участниками которых всегда до Нового времени оказывались степные народы. Белые пятна, лежащие на карте истории, черной пленкой закрывают настоящую историю, свидетельствуя о недостоверности общей картины.

В исторической науке самоценность культур Востока и Запада достаточно изучена и осмыслена. Но, однако, как справедливо замечает Ж. Артыкбаев, не все знают о том, что существовал в истории и третий мир — цивилизация степных народов, культурно-историческая система, которая в течение многих тысячелетий служила структурообразующим началом человеческих деяний⁵⁶. Невозможно воссоздать Всемирную историю без центральной зоны, где тысячелетиями вырабатывались основные понятия священных человеческих ценностей и матрица действия этих ценностей — само человеческое общество. К сожалению, в самом начале формирования и становления современных гуманистических наук (истории, культурологи и т.д.) традиционный миропорядок был уничтожен. Быстрое распространение западной цивилизации завершилось политическим крахом и территориальными уступками пастушеских народов. XVIII век стал периодом окончательного крушения гегемонии кочевников Евразии, захвата и порабощения их. Китай с востока, а Россия с запада захватили огромные степные просторы, послужившие в течение многих тысячелетий центром мирового порядка.

На основе применения новейших синергетических методов исследования Е. Абиль приходит к выводу: «Кочевое общество представляло собой сложный социальный и хозяйственный организм. Необходимость регулирования сложнейших отношений между кочевыми общинами, между кочевниками, полуседлым и оседлым населением, между

⁵⁶ Артыкбаев Ж. О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). — СПб.: Мажор, 2005. — С.248-249.

социальными группами привела к возникновению надобщинного института — государства. Генезис политико-потестарных систем кочевников Казахстана не был прямолинейным и поступательным, мы наблюдаем периоды ослабления централизации власти, смену десятичного и племенного принципа организации населения, изменения соотношения институтов местной и верховной власти.

Принцип территориальной организации можно трактовать узко — как организацию населения по административно-территориальным единицам. Однако, на наш взгляд, этот принцип в кочевых государствах заключается, прежде всего, в пространственном распространении власти на определенную территорию и, соответственно, на население, занимающее эту территорию. При этом население организуется так же по территориальному признаку, но на первом месте здесь выступает именно население и через него власть распространяется на территорию, а не наоборот, как в государстве с оседлым населением. Особенностью организации населения в кочевых государствах было господство военно-административного принципа при сохранении и периодическом укреплении военно-потестарного (племенного) принципа, что связано со спецификой экономического базиса кочевого общества»⁵⁷.

О постоянно растущем интересе к проблемам номадизма в мировом научном сообществе говорит факт проведения в Алматы конференции “Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации”. Сама идея принадлежит Н. Масанову, первому директору Института по проблемам культурного наследия номадов.

Тезисы о том, что “номады — разрушители цивилизаций” и “кочевники — посредники между цивилизациями”, — своего рода полюса в оценках данного мирового феномена. Количество сторонников второй точки зрения постепенно увеличи-

⁵⁷ Абиль Е.А. Методологические проблемы применения естественно-научных методов в историческом исследовании: история и синергетика: дис. на соиск. учен. степ. д.и.н. — Караганда, 2009. — 330 с.

вается, а на международной конференции “Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации” они явно доминировали.

Особенностью кочевниковедения остается поляризация оценок в отношении их роли в мировой истории. Касаясь экономического аспекта номадизма, антрополог А. Хазанов (университет Висконсин, США) отметил, что “до новейшего времени кочевничество являлось наиболее эффективным видом производящего хозяйства на аридных землях”. Превосходя по балансу трудозатрат и отдачи даже поливное земледелие.

“Кочевники – один из главных агентов культурной диффузии”, – еще один тезис доклада А. Хазанова. До того, как каравеллы победили караваны, кочевой транзит был основным. Китайские зеркала находят в Восточной Европе, а изделия персидских ремесленников в пазарыкских курганах на Алтае. Номады делали мир более открытым. Товары, технологии, культурные растения перемещались на огромные расстояния. К примеру, благодаря кочевникам, китайские артиллеристы в составе войск хана Хулагу познакомили европейцев с черным порохом.

Сами кочевники не создали мировых религий, зато чрезвычайно активно способствовали распространению христианства, буддизма и, особенно, ислама. В военной сфере они вообще произвели революцию, создав в I-ом тыс. до н. э. конницу и конную стрельбу из лука.

А. Хазанов указывает на три главные причины, почему кочевники два тысячелетия оставались мощной военной силой. Во-первых, неразвитое разделение труда и социальная стратификация приводили к тому, что большинство мужчин одновременно являлись воинами. При этом среднестатистический боец владел оружием, имел его и мог лично создавать как минимум часть вооружения. Второй фактор заключается в том, что кочевой образ жизни сам по себе способствует военной подготовке. И третий момент – кочевники не испытывали недостатка лошадей для своих войск, тогда как во многих земледельческих обществах возможности по содержанию коней были сильно ограничены.

Если взять политический аспект, то за исключением Западной Европы и Юго-Восточной Азии не менее половины государств Евразии созданы кочевниками, либо с их активным участием. То же самое с разрушением и гибелью государств.

Доктор исторических наук Славой Шинкевич (Институт археологии и этнографии Польской Академии наук) сфокусировал свой доклад на культурных моментах. В этом плане “кочевники вкладывают сами себя в мировую культуру”. “Соседство с кочевниками всегда заставляло оседлые народы сомневаться в правильности этноцентризма”, – подчеркнул он.

Способности влиять на окружение лишены только замкнутые культуры. Номады же в данном отношении предельно открыты. Потому что у них “развиты внутренние и внешние коммуникации, талант пересекать границы (в самом широком смысле слова), распространять и навязывать общение”. Деление на “своих” и “чужаков” среди кочевников не столь жесткое, как у оседлых народов.

Многовековое искажение истории отношений оседлого и кочевого обществ доктор Шинкевич трактует как “ответная реакция земледельческих обществ на номадический вызов”.

Профессор Винсан Фурньо (Высшая школа социальных исследований, Франция) обратил внимание на то, что “кочевникам нужно преодолевать комплекс, который развился под давлением оседлых государств”. Сейчас в научной мысли научились отходить от европоцентризма, однако, историк подчеркнул наличие “антиномадных историографических традиций в оседлых азиатских государствах”. И к ним тоже нужно подходить критически, с позиции реинтерпретации.

В 2010 году в рамках научных чтений памяти Н.Э. Масанова прошла международная научная конференция «Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства», на которой ведущие ученые из США, России, Польши, Украины, Кыргызстана и Казахстана обсуждали социально-экономические, технологические, социальные и институциональные предпосылки многовекового превосходства

кочевых обществ в сфере вооружения, военной организации и тактики ведения боевых действий. Фундаментальные теоретические положения по этой проблематике были изложены в докладе А. Хазанова «Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства». По мнению ученого, первая причина военного превосходства кочевников заключается в их относительно неразвитых общественном разделении труда и социальной стратификации. «В кочевых обществах евразийских степей организация и состав войска основывались на совершенно иных принципах. Большинство мужчин в них имели достаточные материальные ресурсы и социальные возможности, чтобы быть одновременно скотоводами в мирное время и воинами – в военное. Более того, в некоторых доисламских кочевых обществах, например, у сарматов, даже женщины иногда могли принимать участие в военных действиях. Относительная неразвитость общественного разделения труда в кочевых обществах в военной сфере проявлялась в том, что, в отличие от их оседлых противников, любой рядовой кочевник владел оружием, имел его и нередко умел сам изготавливать часть своего вооружения. Именно эти обстоятельства позволяли кочевникам быть вооруженным народом, а их обществам, если использовать современную терминологию, быть весьма милитаристскими. Они могли быстро мобилизовать достаточно большие армии и тем самым сводить на нет численное преимущество оседлых государств»⁵⁸.

Говоря о численности воинов-кочевников, А. Хазанов указывает, что «по различным оценкам, в период войн отношение числа воинов к общей численности населения в кочевых обществах могло быть 1: 5 или даже 1: 4. Это своего рода абсолютный рекорд». Что же касается численности войск оседлых

⁵⁸ Хазанов А. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства // «Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства». Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сборник материалов международной научной конференции. – Алматы, 2010. – 400 с. – С.8-26.

государств, ученый акцентирует внимание на том, что «даже в XX в., в период двух мировых войн и тотальных мобилизаций, считалось, что соотношение армии и общей численности населения не могло превышать 1: 10. При этом надо учитывать, что даже это соотношение никогда не достигалось на практике. Все эти обстоятельства приводили к тому, что, несмотря на очень большое различие в общей численности населения, численность оседлых и кочевых войск не так уж сильно отличались друг от друга»⁵⁹.

Вторую причину военного превосходства кочевников А. Хазанов видит в отсутствии узкой специализации в организации их войска и вооружении самих воинов. «В кочевых войсках социальная грань между легковооруженными и тяжеловооруженными всадниками, после появления последних, отнюдь не была непреодолимой. Она во многом зависела от превратностей индивидуальных судеб и боевых качеств самих воинов. В известной степени воины-кочевники были универсалами, а отсутствие узкой, постоянной и, тем более, наследственной специализации было еще одним преимуществом кочевых войск. Военная организация кочевников во многих случаях совпадала с родоплеменной, во всяком случае, частично, даже в тех случаях, когда она была основана на десятичном принципе. Это само по себе препятствовало возникновению замкнутых и специализированных военных групп. Более существенными могли быть различия между доминирующими и зависимыми племенами. Но они проявлялись не в вооружении и не в специализации как таковой, а в функциональном расположении отдельных подразделений в составе войска»⁶⁰.

Третья причина, по его мнению, заключается в том, что «сам кочевой образ жизни благоприятствовал естественному

⁵⁹ Хазанов А. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства. — С.12.

⁶⁰ Хазанов А. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства. — С.12.

воспитанию военных навыков. У кочевников же военное обучение и тренировки происходили в значительной мере спонтанно, в рамках семьи, рода, племени. Они не требовали от общества специальных и, тем более, коллективных затрат. Кочевники становились воинами благодаря самому своему жизненному укладу»⁶¹.

Четвертой причиной А. Хазанов называет отсутствие недостатка у кочевников лошадей: «Собственно, безлошадный кочевник переставал быть таковым. Владение лошадьми в военном отношении обеспечивало мобильность, скорость и большой радиус действия. Более того, как правило, воин-кочевник выступал в поход с несколькими лошадьми. Так, во время монгольских военных кампаний индивидуальные воины нередко имели до пяти лошадей»⁶². Специалист-номадолог считает появление конницы революционным событием в истории военного искусства, и с этим мнением нельзя не согласиться. Таким образом, нововведения, появившиеся в степи, были заимствованы или оказали сильное влияние на вооружение и тактику армий многих оседлых стран.

В.П. Никаноров из России утверждает, что военное искусство, организация и вооружение кочевников оказали огромное влияние на все военное дело античных цивилизаций. Так, он пишет: «Преобладающая роль кочевнического компонента в военном деле государства Аршакидов была определена не только самим фактом апарно-дахского завоевания, но и тем постоянным влиянием, которое оказывала на Парфию степная периферия при посредстве наемных отрядов, набиравшихся правителями Парфии среди кочевых племен западной Центральной Азии, а также Северного Кавказа. Вместе с этими контингентами в Парфию попадали самые последние достижения народов евразийских степей в области военного дела. Без создания

⁶¹ Хазанов А. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства. — С.13.

⁶² Хазанов А. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства. — С.14.

боеспособной армии, да и эффективной военной организации, вообще, Аршакиды, естественно, никогда бы не смогли изгнать из Ирана Селевкидов и установить политический контроль над многочисленными народами и землями, входившими в состав их империи, а также впоследствии в целом успешно противостоять в войнах с могучим Римом. В стратегическом и тактическом отношении парфянская армия представляла собой высоко мобильную и маневренную силу, состоящую в своем подавляющем большинстве из конных воинов»⁶³.

М.-Я. Ольбрихт (Польша/Германия) полностью солидарен с этим мнением: «Кочевнические традиции особенно заметны в военном искусстве парфян, их костюмах, культуре и общественной иерархии. Стержнем армии Аршакидов была конница, а парфянская аристократия не сражалась в рядах пехоты. В парфянской коннице преобладали два формирования: конные лучники {hippotoxotai} и тяжеловооруженная конница катафрактов {kataphraktoi}»⁶⁴.

Г. В. Кубарев (Россия) связывает развитие военного дела в Европе с миграцией тюркских кочевников: «Распространению единых форм предметов, украшений, вооружения, в первую очередь, способствовали прямые миграции древних тюрков и других центральноазиатских народов, в том числе и авар. Однако это явление значительно более многоплановое и было связано не только с материальной культурой, но и с переносом политической, социальноэкономической структуры государственных образований центральноазиатского образца на территорию Средней Азии (Тюркешский каганат), Восточной и Центральной Европы (Аварский, Хазарский каганаты), «миграцией» фольклора и эпических мотивов, по-видимому, письменности, эстетических воззрений и изобразительного

⁶³ Никаноров В.П. К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана). – С.43.

⁶⁴ Ольбрихт М.Я. К вопросу о происхождении конницы катафрактариев в Иране и Средней Азии // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. – С.66.

стиля. И это в полной мере относится и к взаимовлиянию в области военного дела, заимствованию предметов воинского снаряжения и оружия»⁶⁵.

С.А. Нефедов из России склоняется к теории технологической интерпретации исторического процесса, то есть к тому, что исторические события определяются ни чем иным, как развитием техники и технологии — и в особенности военной техники. «Завладев новым оружием, народ-первооткрыватель начинает захватывать и осваивать новые территории и переселяться из мест своего обитания. Это продвижение приобретает характер волны завоеваний; народы, подвергшиеся нашествию, вынуждены подчиняться пришельцам, становясь их рабами или данниками. С другой стороны, народы, находящиеся перед фронтом наступления, вынуждены спешно перенимать оружие победоносного противника, а вместе с тем и элементы его военной и социальной организации. Таким образом, образуется культурный круг — область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов»⁶⁶.

М.В. Горелик (Россия), исследуя роль половецких воинов на золотоордынской службе, отмечает: «на рубеже XIII–XIV вв. половцы пережили всплеск этнического самосознания и нечто вроде ренессанса своей культуры, оказав серьезное влияние на различные аспекты материальной культуры как западного крыла Улуса Джучи, так и всей империи Чингизидов. Прежде всего это коснулось комплекса вооружения»⁶⁷.

А. Кушкумбаев из Казахстана делает вывод о преемственности военной организации и военного искусства казахами. «Прежде всего, здесь мы обращаем внимание на структуру войсковой организации и ее конкретно-практическое функ-

⁶⁵ Кубарев Г.В. Влияние военного искусства и комплекса вооружения центральноазиатских кочевников в Европе (в свете переселения авар и создания Первого Тюркского каганата). — С. 86.

⁶⁶ Нефедов С.А. Монгольский лук и монгольские завоевания. — С.110.

⁶⁷ Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской службе. — С.127.

ционирование, которое непосредственно обуславливало тактику и стратегию проведения военных операций кочевников.

Богатый военный опыт, накопленный предшествующими кочевыми объединениями тюрко-монгольской номадосферы евразийских степей, был продолжен кочевниками Казахстана XV-XVII вв.»⁶⁸

Развитие концепции кочевых обществ продолжается современными казахстанскими учеными, и в этом смысле достигнуты немалые успехи. С.Ф. Мажитов в исследовании «Великая степь и кочевой мир: цивилизация, геополитика, идеология» убедительно доказывает, что сегодня создана цельная концепция существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников. Он утверждает: «...будучи создателями основ цивилизации, оригинальной геополитики и идеологии своего времени, насельники Великой степи вольно обитали и приумножали славу на огромных географических и культурных просторах»⁶⁹.

Батыржан Номад Сейдомар, говоря о вкладе номадов в мировую цивилизацию, отмечает: «Современный мир представляет собой сложную мозаику уникальных культур. Каждая из них имеет свою собственную форму, у каждой собственная идея и свой путь развития. Упрощенная схема: древняя история — средние века — новое время подвергается ныне справедливой критике. Эта схема пыталась уложить разнообразный и противоречивый ритм культур, отличавшихся неповторимой самобытностью, в прокрустово ложе единой конструкции»⁷⁰.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, какой огромный вклад кочевая цивилизация внесла в создание материальной и духовной культуры, изобретение новых технологий

⁶⁸ Кушкумбаев А.К. Некоторые элементы военного искусства позднесредневековых кочевников Казахстана. — С.212.

⁶⁹ Мажитов С.Ф. Великая степь и кочевой мир: цивилизация, геополитика, идеология.

⁷⁰ Батыржан Номад Сейдомар. О вкладе номадов в мировую цивилизацию. Мир Великой степи Интернет-портал «Ұлы Дала Рухы — Дух Великой Степи».

и средств коммуникации, которыми человечество пользуется сейчас. Кочевники оставили заметный след во многих сферах жизнедеятельности, это касается, в первую очередь, военного дела, социальных институтов, сферы внутриконтинентальной торговли и коммуникаций. Отголоски степных традиции и духовные ценности кочевников можно увидеть в истории, традиции и мифологии многих народов Евразии. Особое место в культурном наследии кочевников занимает военное дело, именно в нем кочевники осуществили огромный скачок. Именно благодаря развитию военного дела все кочевые государства добивались своей военно-политической гегемонии на всем пространстве Великой степи.

1.2 Новые подходы к изучению военно-политической организации кочевников в исторических исследованиях

Становление военной историографии кочевников Евразии началось еще в дореволюционной России, и тому есть веские причины – это постоянные на протяжении столетий контакты Древней Руси, Московского государства, Российской империи с кочевым миром. Кочевые тюркские племена были соседями восточнославянских племен еще до образования Древнерусского государства. Со становлением Киевской Руси отношения с кочевыми тюркскими государствами и племенами приобретают постоянный и стабильный характер. В условиях частой смены мирных и враждебных взаимоотношений между восточными славянами и тюрками происходило их многовековое взаимодействие, которое оставило заметный след в языках, обычаях и культурах и тех и других. Перипетии русско-тюркских взаимоотношений нашли свое отражение в начальном периоде русской историографии – летописании. Во-первых, летописи составлялись православным духовенством, поэтому в отношении народов иного вероисповедания проводится линия религиозной нетерпимости. Во-вторых, раннее русское летописание проводит идею объединения русских князей в борьбе против общих врагов – особенно язычников («поганых») печенегов и половцев и мусульман («бусурман») булгар.

В золотоордынский период отношения Руси с кочевыми народами приобретают более тесный и интенсивный характер. А после падения Золотой орды и завоеванием Казани, Астрахани и Сибири внимание русской исторической публицистики переключается на турецко-крымскую тему, что и нашло свое отражение в «Скифской истории» А.И. Лызлова⁷¹. Это было первое в русской историографии сочинение, посвященное проблемам истории тюркоязычных народов. Под именем скифов автор объединил тюрк-кочевников южнорусских степей, монгол, татар и турок-осман. «Скифская история» отражает уровень развития востоковедения, историографии и источниковедения в конце XVII в. и имеет все атрибуты научной монографии. Но все же основы научной тюркологии и номадологии в полном смысле этого слова были заложены лишь в XVIII в. Зарождение тюркологии как науки в России неразрывно связано с реформами Петра I. Эти преобразования привели к радикальным изменениям как в сфере внутренней и внешней политики, так и в сфере науки. Во внутренней политике — это колонизация захваченных тюркских территорий в Поволжье, на Урале и в Сибири и попытки христианизации местного населения, а во внешней политике — дальнейшая конфронтация с Османской империей и Крымским ханством, а также попытки экспансии в Среднюю Азию и Закавказье.

В русской историографии XVIII века военная история кочевых тюркских народов рассматривается сквозь призму отношений русских княжеств с Великой Степью. В своей «Истории Российской» В.Н. Татищев попытался определить происхождение названий кочевых народов, установить их местопребывание, пути кочевий, обрисовать общественный строй, религию, взаимоотношения между ними и другими народами. Что же касается личностного отношения, то В.Н. Татищев видел в печенегах, торках и половцах, прежде всего врагов, представлявших опасность для Руси⁷².

⁷¹ Лызлов А.И. Скифская история. — М., 1998. — 332 с.

⁷² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная. Кн. 1. Ч.2. — М., 1769. — 620 с. — С. 431.

Во второй четверти XVIII века, с развитием русской науки и открытием Российской Академии наук началось систематическое изучение истории кочевых народов Евразии. В это время ключевая роль в зарождающейся русской историографии кочевничества принадлежала иностранцам. Так, уроженец Кенигсберга Готлиб Зигфрид Байер, проработавший в России с 1726 по 1738 гг., перевел на латинский язык главу «Родословной тюрков» Абу-л-Гази⁷³. Имя Г.З. Байера упоминается также в истории изучения тюркских енисейских надписей в связи с его попыткой объяснить знаки этих надписей через кельтское письмо. Историк Герхард Фридрих Миллер, десять лет находившийся в Сибири в составе экспедиции и собравший за это время огромный материал, опубликовал в 1750 г. в Петербурге основанный на летописях и других первоисточниках сибирских архивов свой главный труд «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а, особливо, от покорения его Российской державе по сии времена»⁷⁴.

В 1768–1774 гг. была проведена серия экспедиций, которые охватили районы Сибири, Урала и Поволжья. Их руководителем был известный ученый Петр Симон Паллас. В результате работы этих экспедиций было собрано много материалов по истории и этнографии. Значительная их часть была издана П.С. Палласом в его «Путешествии по Российской империи», а также в специальной работе «Собрание исторических сведений по истории монгольских народностей»⁷⁵.

В целом XVIII столетие в истории российской историографии кочевников было начальным этапом создания источниковой базы, накопления опыта научно-исследовательской и преподавательской работы. Без этого невозможен был бы тот высокий уровень, которого эта наука достигла в XIX–XX вв.

⁷³ История отечественного востоковедения. – М., 1987. – 279 с. – С. 53.

⁷⁴ Там же. С. 55.

⁷⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – СПб., 1809. – 657 с.

В XIX веке завершилось присоединение Казахстана к России, была присоединена и населенная преимущественно тюркскими народами Средняя Азия. Процесс русской экспансии в этом регионе шел поэтапно: с начала века и до 40-х гг. характерны дипломатическая разведка и попытки экономического проникновения; с 40-х гг. начинаются более активные, чем прежде, действия с применением военной силы; и, наконец, в 1860-80-е гг. происходит полное завоевание Средней Азии русской армией. Подобная активная внешняя политика в Средней Азии ставила перед российской наукой целый комплекс целей и задач по изучению региона. И, действительно, в 20-80-е гг. XIX века были заложены основы российской историографии тюркских народов. Освоение письменных востоковедных источников, а также достижения географической науки (вкуче с этнографией) позволили перейти тогда от спорадической интерпретации различных исторических сведений к их критической проверке и первым обобщениям. И хотя до конца XIX столетия в центре внимания большинства исследователей оставался период между XIII-XVIII вв., именно в XIX веке была заложена источниковая база изучения древней и раннесредневековой истории тюркских народов.

Особенность источниковедения древней и раннесредневековой истории кочевых народов Евразии заключается в том, что тюркские исторические записи почти не сохранились и поэтому исследователям приходится базироваться на иноязычных нарративных источниках. И, как отметил В.В. Бартольд, «для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом; необходимо также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, быть синологом, арабистом или иранистом»⁷⁶. В первой половине – середине XIX в. ученые-востоковеды указанных специальностей внесли неопределимый вклад в изучение истории тюркских народов.

⁷⁶ Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1968. – Т.5. – 470 с. – С.21.

Поскольку цели российского правительства в Казахстане и других регионах Евразии были откровенно завоевательными, то среди исследований того периода на первое место выходили работы по военной и военно-политической проблематике. К примеру, интересен тот факт, что задание написать труд на тему «История древних среднеазиатских народов» Н.Я. Бичурин получил накануне 1847 г., когда русские войска начали наступление в Средней Азии, и для Академии наук составление такого труда имело особо актуальное значение⁷⁷.

Созданная им в конце своей жизни книга «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена» намного опередила по охвату материала и качеству перевода современных ему авторов и не уступает аналогичным переводам некоторых позднейших авторов. Несмотря на ошибочность некоторых взглядов Н.Я. Бичурина, возникших в результате некритичного восприятия китайских источников и вытекавших из его собственной исторической концепции, его труды стали фундаментом для исследований таких историков, как В.В. Григорьев, В.В. Радлов, В.В. Бартольд, К.А. Инostrанцев, Г.Е. Грум-Гржимайло, А.Н. Бернштам, Л.Н. Гумилев и др.

Первым к сравнению и сопоставлению западных (античных и византийских) и восточных материалов приступил арабист, иранист, а также знаток греко-римской историографии В.В. Григорьев. Базируясь на переводах Н.Я. Бичурина, он создал сводную работу «Китайский или Восточный Туркестан», бывшую в свое время исчерпывающим исследованием по исторической географии региона⁷⁸.

Развитие российской историографии продолжили труды В.В. Радлова (1837–1918). Его очень интересовали вопросы

⁷⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Ч.1. – 390 с.

⁷⁸ Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. – М.-Л., 1951. – 267 с.

кочевой государственности и военно-политической организации. Этим вопросам посвящена специальная работа «К вопросу об уйгурах», в которой Радлов коснулся проблемы происхождения уйгур, а также выдвинул собственную концепцию становления и развития государственности у кочевых народов⁷⁹.

Процесс формирования кочевой государственности, по В. Радлову, происходит на основе первичной социальной единицы – «аула». Аул – это устойчивое сообщество, выросшее из большой и сильной семьи. В дальнейшем вокруг аула складывается более крупное объединение степняков – «подплемя». В подплемене уже проявляется потребность в начальных формах регулирования и управления кочевым обществом.

Вследствие благоприятных обстоятельств из подплемена возникала более крупная единица – племя. Главная причина разрастания кочевого объединения заключается, по мнению В. Радлова, в личных качествах предводителя подплемена – бия. Следующая ступень кочевых сообществ – это «колена», которые состояли уже из нескольких племен, а несколько колен могли объединяться, в свою очередь, в орды. На основе вышеназванных объединений образовывались, согласно взглядам В. Радлова, государства кочевников.

Главное в концепции В.В. Радлова – это доминирующая роль предводителей кочевников – биев и ханов, так как стабильность кочевых государств, по мнению ученого, держалась исключительно на личности ханов, на их силе и авторитете. Гибель кочевой державы наступала при ослаблении ханской власти. Даже само возникновение и дальнейшее развитие кочевого государства, согласно концепции В. Радлова, явление случайное, поскольку кочевое общество в нормальном состоянии не нуждается в государственной организации, а ханская власть появляется только при чрезвычайных обстоятельствах. По мнению В. Радлова, государственность у кочевников появляется в силу военной необходимости.

⁷⁹ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989. – 749 с.

В 1896 г. в журнале «Живая старина» вышла работа Н.А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей»⁸⁰. В этом исследовании значительное место уделено древнему и раннесредневековому периоду военной истории кочевых народов Евразии, а также дана собственная концепция сложения государственности у кочевых тюркских народов. По проблеме становления государственности у кочевников взгляды Н.А. Аристова во многом расходились с концепцией В.В. Радлова. По мнению Н. Аристова, образование и становление кочевых держав были неразрывно связаны с родоплеменным строем. Н. Аристовым была предложена следующая схема политогенеза в кочевом обществе: сначала глава рода — «родоначальник» подчиняет своему влиянию роды своего племени, а затем происходит покорение остальных племен. Падение степной державы, по мнению ученого, наступает не вследствие ослабления власти хана, а по причине ослабления правящего рода, с одной стороны, и стремлением покоренных племен и родов к самостоятельности, с другой. Через некоторое время после гибели кочевого государства в степи усиливается другой род, и процесс государствообразования начинается вновь⁸¹. Таким образом, согласно концепции Н.А. Аристова, тесно связанный с родоплеменными отношениями политогенез внутренне присущ кочевому обществу и не является случайным и чрезвычайным, как полагал В.В. Радлов.

В том же 1896 г. высказал свою точку зрения Л. Коэн, который утверждал, что кочевые тюрки представляли собой «общество личностей и родов, число которых не ограничивалось этнической принадлежностью»⁸². Тюрки, по его мнению, были связаны между собой лишь политическим объеди-

⁸⁰ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. 3 и 4. 1894. — 440 с.

⁸¹ Там же, с.54.

⁸² Cahun L. Introduction a l'histoire de Asie. — Paris, 1896. — 368 p. — P.79.

нением и военной дисциплиной. Государственную систему каганата он называет «бюрократической», противопоставляя ее как аристократии, так и демократии.

Видное место в истории кочевниковедения принадлежит Г.Е. Грумм-Гржимайло, взглянувшему на историю Центральной Азии глазами географа. За 25 лет им была создана сводная работа «Западная Монголия и Урянхайский край» (исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая, Гоби, считая, что природный ландшафт послужил причиной создания военных объединений кочевых народов⁸³.

Но это лишь отдельные представители российской историографии, которые в рамках уровня науки того периода пытались поставить на научную основу исследования военной и военно-политической истории номадов. Официальная же дореволюционная историография истории России относила кочевников к разряду так называемых «неисторических» народов. В трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других история тюркоязычных кочевников рассматривалась лишь в свете их взаимоотношений с Русью, а отношения эти трактовались как борьба цивилизованной Руси с «варварами», как непримиримое противоборство «леса» со «степью». Влияние кочевников на ход русской истории объяснялось как однозначно негативное. «Борьба со степным кочевником, половчанином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., самое тяжелое историческое воспоминание русского народа. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет

⁸³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л., 1926. — 900 с.

в русской исторической жизни», — такой вывод в свое время сделал В.О. Ключевский⁸⁴.

Диаметрально противоположная такому подходу точка зрения была высказана в 1920-х гг. в работах ученых евразийской школы. Евразийство — общественно-политическое течение, возникшее в среде русской эмиграции после окончания гражданской войны, предложило по-новому взглянуть на историю русско-тюркских взаимоотношений. Евразийцы считали, что русская этничность не может быть сведена лишь к славянскому этносу, в ее образовании большую роль сыграли и тюркские племена. Оценка евразийцами русско-тюркских взаимоотношений в целом, и так называемого татаро-монгольского «ига», в частности, означала не больше не меньше, что «без татарщины не было бы и России»⁸⁵. Россия мыслилась евразийцами не как прямое продолжение Киевской Руси, а как «наследница великих ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии, в ней сочетаются оседлая и степная стихии». В трудах евразийцев история России рассматривается в рамках истории Евразии в целом, при этом всячески подчеркивается важная роль тюркских народов.

Ученый-лингвист князь Н.С. Трубецкой считал, что в истории Евразии тюркские («туранские») племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские племена: «Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной Европейской России (царство волжскокамских булгар и царство хазарское) были гораздо более значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами монголами»⁸⁶. Евразийцев

⁸⁴ Ключевский В.О. Русская история. — М.: Эксмо, 2005. — 912 с.

⁸⁵ Савицкий П.Н. Евразийство // Мир России-Евразия. Антология. — М.: Высш. школа, 1995. — 399 с. — С.83-97.

⁸⁶ Трубецкой Н.С. Общевеэвразийский национализм // Мир России-Евразия. Антология. — М.: Высш. Школа, 1995. — 399 с. — С.190-201.

больше интересовал период монгольских завоеваний и Золотой Орды, «туранский элемент» в русской истории они связывали с «наследием Чингиз-хана», в империи которого евразийский мир впервые предстал как единое целое. Географ и геополитик П.Н. Савицкий всячески подчеркивал позитивную роль татарского господства в становлении Российского государства: «Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они (татары) дали России свойство организовываться воедино, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество становиться могущественной ордой»⁸⁷.

Первый сборник трудов «евразийцев», имевший название «Исход к Востоку», увидел свет еще в 1921 году, но, по понятным причинам, он не был знаком читателям в СССР. Сердцевиной «евразийской» доктрины стало представление о тождестве исторических судеб России и Евразии. Один из основоположников «евразийства», Г.В. Вернадский, с предельной ясностью сформулировал постулат следующим образом: «...Нет естественных границ между «европейской» и «азиатской» Россией. Следовательно, нет двух России, «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия евразийская или Россия-Евразия»⁸⁸. Г.В. Вернадский в монографии «Монголы и Русь» затронул все основные аспекты создания Монгольской империи: военные действия, военно-административное управление захваченными землями, армия и военное искусство⁸⁹.

Россия воспринималась «евразийцами» как «особый культурно-исторический мир», «не просто государство», а одна шестая часть света, не Европа и не Азия, а срединный особый континент — Евразия со своей самостоятельной культурой и исторической судьбой. Соответствовало основной идее и пол-

⁸⁷ Савицкий П.Н. Евразийство. — С.91.

⁸⁸ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — Прага, 1927. — 93 с.

⁸⁹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь / пер. с англ.: Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. — Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1999. — 480 с.

ное переосмысление роли Великой степи в истории России. «Евразийцы» первыми отказались от русской составляющей «черной легенды» – идеи о татаро-монгольском иге, господствовавшей в русской историографии с XVIII века в качестве западноевропейского заимствования российских петиметров. Для «евразийцев» Россия являлась просто православной вариацией единой евразийской Империи, возникшей на базе последнего из прошлых евразийских монолитов – Монгольского улуса. Таким образом, свойственный «евразийцам» взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока привел их к закономерному, хотя и парадоксальному (естественно, в тот период), выводу о безусловно плодотворной, органичной роли кочевников Евразии в становлении России.

Идеи евразийства оказали влияние на творчество таких историков, как Э. Хара-Даван, Г.Е. Вернадский и др. Для широкой аудитории в Казахстане, России и других странах СНГ труды евразийцев 20-х гг. XX века стали доступны только в последние десятилетия. Однако некоторые положения евразийской школы легли в основу исторических концепций Л.Н. Гумилева. Хотя в своих построениях евразийцы не были абсолютно объективны и беспристрастны, а порой их заносило в противоположную официальной историографии крайность, тем не менее, евразийство стало важным этапом развития русской исторической мысли.

Важным вкладом в историографию тюркских народов стала книга К.А. Инностранцева «Хунну и гунны». В этой работе дается подробнейший анализ всех существовавших к тому времени теорий о происхождении центральноазиатских хуннов и европейских гуннов. Автор сделал вывод о тюркоязычности самого племени хунну и значительной части других племен, входивших в состав хуннской державы⁹⁰. В вопросе

⁹⁰ Инностранцев К.А. Хунну и Гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). (Второе дополненное издание.). – Л.: 1926. – С.152.

об этногенезе европейских гуннов К. Иностранцев приходит к мысли о постепенной ассимиляции центральноазиатских хуннов среди местного населения, сначала финского, а позже славянского и германского. Притом преемственность гуннов от хунну не вызывает у автора никакого сомнения: «вторжение грозных завоевателей IV–V вв. находится в связи и вызвано переворотом на крайних восточных пределах Азии»⁹¹.

Важнейшую роль в изучении кочевников сыграл В.В. Бартольд. Историю государственности тюркских народов он начинает рассматривать с эпохи Тюркского каганата. Проблема причины происхождения государственной власти в кочевом обществе также нашла отражение в ряде трудов В.В. Бартольда. В своих построениях он опирался на концепцию В.В. Радлова о чрезвычайном характере ханской власти в степи. Напротив, точка зрения Н.А. Аристова была подвергнута им жесткой критике и названа «крупным недоразумением»⁹². Как и В.В. Радлов, В.В. Бартольд считал, что при нормальных условиях кочевое общество регулируется традиционными связями и нормами обычного права, и поэтому не нуждается в государственной организации. Однако, когда в степи начинает набирать обороты процесс имущественной дифференциации, кочевое общество расслаивается на сословия и классы, появляются признаки классовой борьбы. Под влиянием этой борьбы, по мнению В. Бартольда, и зарождаются основы политической власти в кочевом обществе. Имущественное расслоение, борьба между бедными и богатыми, «степной аристократией и демократическими элементами», и были, согласно концепции ученого, теми чрезвычайными обстоятельствами, о которых писал В.В. Радлов. Как и В.В. Радлов, В.В. Бартольд исходил из того, что представители государственной власти – ханы, захватывали власть сами, никем не назначались и не выбирались. Однако процессы классовообразования и политогенеза, по мнению В. Бартоль-

⁹¹ Там же. С.127.

⁹² Бартольд В.В. Сочинения. – М.,1968. – Т.5. – 470 с. – С.71.

да, являются обратимыми, и кочевое общество со временем может вновь вернуться к доклассовому и догосударственному уровню развития, то есть «нормальному» для него состоянию. Как видно, несмотря на близость отдельных положений концепции В. Бартольда к марксистской теории, его взгляды значительно отличались от классического марксизма.

Одним из факторов стабильности кочевой державы В.В. Бартольд считал захват богатств «культурных стран», таким образом, он указывал на экзополитарный (внешнеэксплуататорский) характер кочевых государств⁹³.

При анализе историографии, посвященной военной организации и государственности кочевников, невозможно пройти мимо вышедшей в 1931 году книги Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм». В этой работе Б. Владимирцов впервые во всей полноте поставил вопрос о характере общественных отношений у монголов в средние века, показал, насколько монгольские племена эпохи Чингизхана отличались друг от друга по уровню своего общественного развития, и в то же время он отметил, что в чертах родового быта монгол «нет ничего особенного и оригинального, что бы выделяло древних монголов из ряда других народов, живущих или живших родовым строем»⁹⁴. Таким образом, закономерности, присущие развитию монгольского кочевого общества, могут быть приложены и к другим степным народам, в том числе и тюркам. В монографии Б. Владимирцова впервые дана достаточно полная, детальная картина становления основ кочевой государственности на основе подробнейшего анализа социально-экономического развития монгольского общества. Концепция Б. Владимирцова о сложении монгольского государства вкратце выглядит следующим образом. В XII веке в степях Монголии протекают два взаимосвязанных процесса — идет разло-

⁹³ Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1968. — Т.5, 470 с. — С. 591.

⁹⁴ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. — Л., 1934, 189 с. — С.128.

жение родового строя и начинается переход от куренного к аильному способу кочевания. При аильном кочевании богатый скотовладелец разделяет свои стада по аилам, где скот пастется под присмотром зависимых людей. Набирает обороты процесс расслоения древнемонгольского общества на богатых скотовладельцев, лично свободных, но не богатых общинников и на зависимых людей. На этом фоне складывается кочевая аристократия, представители которой окружают себя различными категориями зависимых людей – рабов, крепостных вассалов, а также дружиной. Формируется система эксплуатации как зависимых, так и формально свободных людей, вырабатываются отношения иерархической соподчиненности и вассалитета. Все эти явления, по мнению Б. Владимирцова, являются признаками феодального строя с кочевой спецификой. В XII в. происходят постоянные стычки между различными группами кочевой феодальной аристократии за гегемонию в степи. Но, несмотря на всю ожесточенность столкновений, основная цель враждующих группировок была одна – установить единую стабильную власть, которая бы отвечала интересам разбогатевшей кочевой аристократии. На этой волне и происходит образование Монгольской империи во главе с Чингис-ханом. Б.Я. Владимирцов дал описание становления, и последовательного развития классового общества у монгольских племен, которое он определил как феодальное. По мнению ученого, «то, что происходило в нарождающемся государстве Чингис-хана, вероятно, происходило и в других хаанатах, но, может быть, не принимало таких размеров и не было так строго организовано»⁹⁵. Закономерным итогом процесса классового образования стало, согласно концепции Владимирцова, формирование монгольского феодального государства.

Работа Б.Я. Владимирцова подводит своеобразный итог дореволюционному периоду российского кочевниковедения. Хотя книга и была написана уже в годы советской власти, в

⁹⁵ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. – Л., 1934. – 189 с.

ней, как и в последних работах В.В. Бартольда, нет жестких формулировок исторического материализма, присущих сочинениям советских тюркологов, таких, как С.П. Толстов, А.Н. Бернштам и др.

Вышедшие в 1934 году работы Н.Н. Козьмина и С.П. Толстова открывают новую веху в советском кочевниковедении, но речь здесь идет не о качественно новом уровне, а апологетике марксистско-ленинской концепции формационного развития. В работах сибирского ученого Н.Н. Козьмина проводится идея о господстве феодальных отношений в эпоху Тюркского каганата и Монгольской империи. В обществе орхоно-енисейских тюрок он выделяет феодальную аристократию и простой народ, между которыми шла ожесточенная классовая борьба. Якобы в результате этой борьбы, а также по причине столкновения интересов феодальной аристократии распался первый Тюркский каганат. Второй каганат сформировался, по мнению Н. Козьмина, посредством разрастания небольшого феодального владения до крупного феодального государства. Государственные институты Тюркского каганата Н. Козьмин сравнивает с институтами раннефеодальных государств Европы и видит в них много общего. Как у тюрок, так и у монголов, согласно концепции этого историка, родоплеменной строй давно разложился, и господствующими были феодальные отношения. Как и в средневековой Европе, феодализм в кочевых государствах Евразии проявлял себя в институте вассалитета и земельной собственности. По мнению Н. Козьмина, не было существенных различий между европейским и центральноазиатским феодализмом. Основная дискуссия по поводу социально-экономического и военно-политического развития кочевых обществ развернулась между С.П. Толстовым и А.Н. Бернштамом. Крупный советский историк, исследователь Средней Азии С.П. Толстов внес значительный вклад в изучение истории кочевых тюркских народов. Его перу принадлежат работы по древней и раннесредневековой истории Средней Азии, среди которых выделяется

фундаментальный труд «Древний Хорезм»⁹⁶, в котором рассматриваются и некоторые проблемы истории тюркских кочевых народов. Можно также отметить работу «По древним дельтам Окса и Яксарта»⁹⁷, посвященную истории племен Приаралья. Одной из главных тем в работах С. Толстова была проблема социально-экономического и военно-политического развития кочевников. Одним из важнейших тезисов в трудах ученого является мысль о том, что в своем развитии кочевые народы прошли рабовладельческую стадию развития. Выделявшаяся из массы кочевников аристократия была, по мнению С. Толстова, по сути своей рабовладельческой. Но уже в недрах рабовладельческого строя созревали зачатки феодальных отношений в виде различных форм феодальной зависимости и вассалитета. Основным институтом дальнейшей феодализации кочевого общества С. Толстов считал саун – отношения по аренде скота бедными общинниками у богатых скотовладельцев. Феодальная эксплуатация в кочевом обществе осуществлялась, по мнению ученого, не напрямую через собственность феодалов на землю, а опосредованно – выдачей скота в аренду на определенных условиях. Пастбища при этом номинально оставались родоплеменной собственностью. Сами родоплеменные институты, по мнению исследователя, уже давно утратили свой первоначальный смысл и были узурпированы кочевой аристократией, являясь, по существу, прикрытием сначала рабовладельческих, а затем и феодальных форм эксплуатации.

Объединения центральноазиатских хуннов и орхоно-енисейских тюрок С.П. Толстов рассматривает как «военно-рабовладельческие империи». В этих государственных образованиях, по мнению С. Толстова, шел медленный процесс разложения рабовладельческих и созревания феодальных отношений. В результате противоречий между отмирающим

⁹⁶ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М., 1948. – 352 с.

⁹⁷ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 322 с.

рабовладельческим и наступающим феодальным укладом происходит распад и гибель этих империй. На их месте, по мнению ученого, происходит сложение сравнительно небольших, но гораздо более устойчивых государств, феодальных в своей основе. Хазарский каганат, болгары, уйгуры VIII-X вв., по мнению исследователя, — это уже государства и народы оформляющегося феодализма.

С.П. Толстов соглашается с Б.Я. Владимирцовым в том, что в XII-XIII вв. у монголов происходит становление феодальных отношений, однако, образование Монгольской империи, на его взгляд, происходило по образцу завоевательных военно-рабовладельческих государств. Но со временем феодальные отношения у средневековых монгол одержали верх. Стабильные государства феодального типа появляются у кочевников Евразии, по мнению С. Толстова, уже намного позже монгольских завоеваний.

Близкой взглядам С.П. Толстова точки зрения на социально-политический строй кочевников придерживался и крупнейший археолог, историк древнего мира, исследователь сибирских древностей С.В. Киселев. Его главная книга «Древняя история Южной Сибири»⁹⁸ стала результатом многолетних полевых исследований и анализа добытого материала. Уже в обществе хуннов, по мнению Киселева, происходило разложение родового строя и становление рабовладельческих отношений. Главной причиной распада родового строя стала появившаяся уже в столь ранний период частная собственность. Основу частной собственности, которая накапливалась в руках кочевой аристократии, составляли, в первую очередь, рабы, а также продукция, произведенная рабами. Именно кочевая аристократия поддержала слагавшуюся в племенном союзе хунну государственную власть. Таким образом, по мнению ученого, сформировался военный союз хунну, политическая система которого стала надолго характерной для истории

⁹⁸ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА — № 9. — М.-Л., 1949. — 364 с.

Центральной Азии. Похожая картина наблюдалась, согласно концепции С.В. Киселева, и в древнетюркском обществе, где эксплуатация рабов также привела к значительным изменениям в общественном строе. Здесь аристократия встретила сопротивление рядовых кочевников. В ходе развернувшейся борьбы сформировалось объединение аристократии древнетюркских племен – «вечный эль». Тюркский эль, по мнению С. Киселева, – это государственное устройство и организация знати одновременно. Исследователь считал, что завоевательная политика Тюркского каганата была определенным компромиссом между стремящейся подчинить основную массу рядовых кочевников аристократией и сопротивляющимся этому процессу простым народом. Успех походов временно глушил внутреннюю борьбу, доставляя их участникам – знати и рядовым воинам – богатую добычу.

В работах известного советского ученого, автора целого ряда работ по истории, археологии и культуре Киргизии А.Н. Бернштама проводится идея о ранней феодализации кочевников. Рабство, по мнению А. Бернштама, носило патриархальный характер и являлось лишь укладом внутри феодального общества. А.Н. Бернштам считал, что главная причина образования кочевых государств была в классовой борьбе, всплески которой приводили к власти очередную династию. В своем развитии кочевники, согласно концепции ученого, совершили переход от первобытнообщинного коммунизма к феодальному обществу, минуя рабовладельческий строй. Государства кочевников представляли собой, по мнению исследователя, военно-феодальные объединения, что являлось единственно возможной формой диктатуры господствующего класса. Военно-политическую организацию кочевников А.Н. Бернштам рассматривал на примере истории гуннов, которой была посвящена его книга «Очерк истории гуннов»⁹⁹.

А.Н. Бернштам придерживался концепции К.А. Иностран-

⁹⁹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: ЛГУ, 1951. – 256 с.

цева о преемственности центральноазиатских хуннов и европейских гуннов, тюркоязычности и тех и других. Объединение центральноазиатских гуннов представляло собой, по определению Бернштама, доклассовое «варварское общество».

Истории древних кочевых тюрков посвящена монография А.Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков»¹⁰⁰. Древние тюрки, согласно концепции ученого, образовывали уже раннефеодальное объединение. Сам процесс происхождения древних тюрков представлял собой, по мнению исследователя, особый вид этногенеза, совпадающий с процессом феодализации. Древнетюркское государство было своеобразным феодальным островком среди «варварских» племен Центральной Азии. Государством в полном смысле этого слова А. Бернштам считал только второй Тюркский каганат, возродившийся в конце VII в. после недолгого периода подчинения тюрков Китаю. Именно в это время, по мнению историка, происходит формирование феодальных отношений, классовая борьба между феодальной аристократией и простым народом, результатом которой стало образование древнетюркского государства.

Война как «постоянный промысел», грабеж соседних племен, захват земледельческих оазисов играла значительную роль в жизни кочевников. Целям войны была подчинена вся структура кочевого общества. Сама организация племени неразрывно сочеталась с военной организацией. Так, верховный владыка усуней, носивший титул «гуньмо», был, как считает А.Н. Бернштам, прежде всего, военным вождем, его сыновья — военачальниками отдельных «крыльев» войска. Войско было организовано по родовому принципу. Это значит, что члены одного и того же рода составляли одно и то же военное подразделение. Властно отражаясь на всей структуре общественного быта род, в основном, и определял собою характер вооруженных сил. Вот почему вооруженные силы кочевых

¹⁰⁰ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI-VIII вв. — М.-Л., 1946. — 210 с.

народов всегда имели массовый характер и по самой своей структуре способны были охватить всю массу. В каждом случае колеблется количество бойцов, призываемых к оружию, определяясь нуждами войны, это не меняет массового характера вооруженных сил, поставляемых родовыми союзами.

Археолог М.И. Артамонов в своей фундаментальной монографии «История хазар»¹⁰¹ значительное место отводит племенам и государственным образованиям кочевых и полукочевых тюрок, начиная с эпохи гуннов. Специальные главы посвящены савирам, протоболгарским племенам, аварам, тюркутам, Великой Болгарии. Подробнейшим образом исследована история хазар с момента их первого появления на страницах письменных источников до падения Хазарского каганата в X веке. Для своего времени эта работа М. Артамонова являлась исчерпывающим исследованием по данной теме, не утратила своего значения эта книга и сегодня.

Следует также отметить, что послевоенный период ознаменовался заметными успехами в изучении и публикации источников по истории кочевых тюркских народов. В 1950-е гг. С.Е. Маловым был издан целый ряд работ по древнетюркским письменным источникам¹⁰². Тогда же был переиздан фундаментальный труд по истории тюрок-кочевников – сборник переводов китайских летописей, выполненных Н.Я. Бичуриным. Опираясь на достижения кочевниковедения 1930–50-х гг., развивая, дополняя и критикуя результаты работы своих предшественников, исследователи последующей эпохи добились новых результатов в изучение рассматриваемой проблемы.

Конец эпохи сталинизма ознаменовался коренным поворотом в общественно-политической жизни страны. «XX съезд КПСС и опубликованное вскоре постановление ЦК

¹⁰¹ Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

¹⁰² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л., 1951. – 451 с.; Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959. – 112 с.

КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», положившие начало обновлению страны, были знаменательной вехой и для исторической науки. Началась борьба с догматизмом и начетничеством, стал восстанавливаться метод творческих дискуссий как главное средство решения спорных вопросов». Перемены, происходившие в исторической науке в период «оттепели», в полной мере коснулись и советского кочевниковедения. Господствовавшие ранее установки о формационной принадлежности кочевых обществ к рабовладельческой, феодальной (патриархально-феодальной) формациям были подвергнуты критике и переосмыслению, в связи с чем вновь всплыли вопросы, связанные с государственностью и военно-политической организацией кочевников. В работах некоторых исследователей были пересмотрены казавшиеся незыблемыми положения о прямой зависимости социально-политического развития от экономического базиса кочевых сообществ, а порой подвергался сомнению даже сам факт существования института государства у кочевников. Эта крайняя точка зрения получила разработку в трудах С.А. Плетневой и Г.Е. Маркова, которые с небольшими расхождениями считали, что объединения кочевников представляли собой племенные союзы, которые становились государствами лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию. В определенном смысле их взгляды были тождественны представлениям дореволюционных русских авторов, считавших кочевые народы «неисторическими». А в целом, это было продолжением европоцентристских подходов, полагавшим европейскую цивилизацию единственно правильным и исторически обоснованным путем развития. В то же время теория кочевого феодализма также не была забыта и получила свое развитие в исследованиях целого ряда авторов. В силу всего этого общая картина различных точек зрения выглядит куда ярче и многообразнее чем в предшествующий период.

На конец 50-х гг. XX в. приходится начало публичной научной деятельности Л.Н. Гумилева, одной из самых интересных фигур историографии прошлого столетия. Истории

кочевников евразийских степей посвящено большинство его книг и статей. Рассматривая проблемы кочевниковедения, поднятые в работах известных востоковедов Л. Коэна, Н.А. Аристова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама, А.Н. Кононова, Е. Прицака, Л.Н. Гумилев разрабатывал важные методологические подходы в целом к истории кочевничества. В любой работе Л. Гумилева «Хунну», «Хунны в Китае», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства», «Открытие Хазарии», «Тысячелетие вокруг Каспия» раскрываются «тайны» кочевой государственности. К примеру, если Л. Коэн и Н.А. Аристов видели тюркское общество как «общество личностей и родов», недостаточно оценивая его военную и политическую организацию, В. В. Радлов ведущую роль в образовании кочевого государства отводил «влиянию вождей», а Е. Прицак обрисовал общую картину «создания кочевых империй», то в работах Л. Гумилева мы видим аргументированное отрицание предложенных трактовок и новое видение проблемы кочевой государственности. Он был не согласен с ограниченным пониманием образования кочевой империи, выдвинутом в работе Е. Прицака «Как возникла степная империя?». По его мнению, во-первых, степные объединения (то есть государства) возникали не одним способом, а несколькими, во-вторых, выборность хана встречается реже, чем наследование власти. Далее. Уничтожение знатных родов было проведено только Чингис-ханом, но оно не характерно для тюрков, уйгуров и хуннов. Несмотря на огромное количество учтенных фактов и детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающие принять их полностью. Причин к тому две: общие соображения Е. Прицака включают некоторые предвзятые мнения, не преодоленные исследователем, а частные замечания содержат «переходящие ошибки», то есть гипотетические предположения, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся, потому что опровержение потонуло в море мелких статей, разлившихся в библиографический океан.

Так, Е. Прицак пишет: «Когда в степи появлялся талантливый организатор, он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о котором идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой – размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Ононе, потом на Чу. Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати, придававшей его власти силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте, вблизи от укрепления, курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал обычно по предложению шамана царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя, устанавливалось название для нового государства или федерации»¹⁰³.

Современный казахский историк Кинаят Зардыхан выражает принципиальное несогласие с Е. Прицаком. По его мнению, «степные объединения возникали не одним способом, а несколькими. Отмеченная Е. Прицаком выборность хана встречается реже, чем наследование власти. Уничтожение знатных родов было проведено только Чингис-ханом, но оно не характерно для тюрок, уйгуров и хуннов. Весьма преувеличена роль религии и «шаманов». (Очевидно, так Е. Прицак называет вообще всех колдунов и жрецов, что делает термин слишком широким и для пользования непригодным). Собственно говоря, Е. Прицак описал процесс установления военной демократии, но отмеченное им сочетание

¹⁰³ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd 24. 1952. H.1-2. S.49-104.

дружины и племена, живущего родовым строем, характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников тот же процесс протекал иначе»¹⁰⁴.

В свое время Л. Гумилев поддержал одну интересную мысль В. Бартольда. Суть ее следующая: «Кочевники не «переняли» государство у их соседей, а были вынуждены развить свою особую форму государственной организации для эффективного ведения дел с более организованными оседлыми соседями. Эти отношения требовали более высокого уровня организации в решении вопросов, связанных с противоречиями и диспутами внутри кочевого общества»¹⁰⁵. На наш взгляд, данный аргумент отличается своими несколькими далеко идущими выводами. Например, кочевое государство хуннов, образовавшееся в условиях жесткого противоборства степи с оседлым Китаем, оставалось реальной политической силой на протяжении 500 лет, из них первые 250 лет оно полностью доминировало не только в степи, но периодически над самим Китаем, самым большим и наиболее сложным в отношении с внешним миром государством средневековья. Государство хуннов имело слаженную военно-политическую структуру, урегулированные экономические отношения, зависевшие от торговли, даров или субсидий из Китая, а также налогов из завоеванных земель. Все названное дополняло внутренние хозяйственно-экономические связи страны.

1989 год ознаменовался появлением основной части фундаментального трактата Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», целиком построенной на основе пассионарной теории этногенеза и посвященной анализу взаимоотношений Руси и Степи в VIII – XIV веках. Ее сюжеты, трактующие об источниках и природе «черной легенды», помещены в этом сборнике и, бесспорно, составляют сердцевину нового тема-

¹⁰⁴ Зардыхан К. Взгляды Л.Н. Гумилева на вопросы государственности у кочевых народов // Доклад на конференции в г. Казани. 29.10.2003 г.

¹⁰⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки /АН СССР. Ин-т народов Азии. – М.: Наука, 1967. – 504 с. – С.136.

тического издания¹⁰⁶. Л. Гумилев приводит в пример историю огромной империи Чингисхана, его завоевательных войн, создания после его смерти отдельных меньших государств — орд (например, Золотой Орды). «Благодаря «Сокровенному сказанию» и «Истории монголов», написанной персом Рашид-ад-Дином, нам хорошо известны первые шаги образования монгольской империи. В них подчеркивается существование в степях двух социальных групп населения: баатуrow, которые роятся между собой и решают судьбы остального населения, и простых пастухов — неравноправных членов племени. Задолго до Темучина монголы разделились на классы, у них выделился значительный пласт родовой аристократии (баатуры), живущей войнами и набегами. Баатуры всем ходом истории были подготовлены к обширным завоеваниям, к далеким походам. Требовалась организация и человек, который бы возглавил эту организацию. Появление в монгольских степях Темучина, выбранного за безжалостность, жестокость и непобедимость (он был еще и гением администрации) каганом (или ханом) в 1206 г., не было неожиданностью»¹⁰⁷.

Для С.С. Уолкера не представляет сомнений, что завоеваниями Чингис-хана была создана величайшая степная империя, но не влияние соседних завоеванных оседлых государств привело к ее созданию. Так, С. Уолкер описывает империю монголов: «Завоевания Чингисхана за два десятилетия расширили государство на тысячи километров. В него были включены государства, уже тысячелетия существовавшие, с разработанной классовой иерархией. Однако представляет интерес тот факт, что Чингисхан в своей империи предпочел установить собственную иерархию. Она была аналогична той, которая была выработана в предшествовавших монгольскому степных государственных образованиях. Прежде всего, была сохранена родоплеменная система. Общество делилось на племена, на сходках которых выбирались вожди — ханы, не-

¹⁰⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Мысль, 1989. — 766 с.

¹⁰⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — С.218.

редко объединявшие административную и жреческую функции. Сам Чингисхан также был выбран на сходке или курултае. С другой стороны, вся административная система была военизирована, делясь на десятки, сотни, тысячи, тьмы, так же, как и в других степных государствах-завоевателях. Вассальные отношения связывали ханов только с их нукерами (дружинниками). Пожалуй, ко времени воцарения Чингисхана можно было говорить, что побеждает в степях не тот хан, чей род сильнее, а тот, у кого больше нукеров и у кого они сильнее и вернее. Личная дружина Чингис-хана насчитывала 10000 воинов. Это было ядро армии, и в то же время они были обязаны следить за внутренним порядком в огромной империи»¹⁰⁸.

Здесь С. Уолкер и Л. Гумилев приходят к единому выводу о том, что типичными чертами степного государства являются развитая экономика, войны за мировое господство, т. е. за политическое преобладание, когда не разоряли экономику захваченных стран, а заставляли ее служить себе вместе с податным населением. Огромные размеры этого государства, состояние постоянной войны, абсолютизм, доходящий до культа, позволяют называть его империей и сблизить с империей Хунну времен шаньюя Модэ, империей Аттилы, Тюркской империей XI в. Многотысячекилометровые степные государства, объединявшие сотни народов и этносов, только что потерявших самостоятельность и поэтому полных центробежных стремлений, могли существовать лишь под властью исключительно сильной личности. Поэтому, как правило, они распались сразу же после смерти «императора». В общем, история образования, развития и упадка монгольской державы характеризуется в целом теми же чертами и событиями, что и остальных степных государств, начиная с Хунну, исянь-бийцев и кончая каганатами VIII-X вв.

При анализе происхождения кочевых государств и их даль-

¹⁰⁸ Уолкер С.С. Чингиз-хан / пер. с англ. А.И. Глебова-Богомолова. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. – 294 с.

нейшего генезиса большое научное значение имеют термины, применявшиеся для обозначения этих государств – «улус» (ulus) и «эль»/«иль» (il, el). В исторических и филологических исследованиях эти термины объясняются по-разному. Например, в древнетюркском словаре термин «il» определяется на трех уровнях: племенной союз, народ, государство. В работах В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама отстаивались определения этого термина в качестве обозначения племенного союза. Автор средневекового сочинения «Диван-и лугат ат-тюрк» термин «il» переводит как «государство». Схожее мнение высказывали С. Е. Малов и С. П. Толстов. Л. Гумилев, анализируя все эти и многие другие высказывания средневековых и современных авторов, пришел к выводу, что «наиболее адекватным переводом термина «il» будет латинское «imperium» или русское «держава». Самоуправляющееся племя илем быть не могло». Прямой смысл подобного значения термина «il» значителен в самих исторических источниках. На памятнике в честь Билге кагана, находящемся в Хошо-Цайдаме в Монголии, высечено следующее: «Я был державным народом, где моя держава?» и в другом месте: «народом был я имевшим кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я труды и силы?»¹⁰⁹.

По В. В. Бартольду: «иметь хана и кагана является важным признаком государственности для кочевых народов». Что касается термина «ulus», то надо отметить, что в древнетюркском, монгольском и тунгусском языках он воспринимался как обозначение государства. Вряд ли приемлемо мнение некоторых историков о том, что в средневековой Монголии «улус» употреблялся для обозначения территориальных объединений – «отогов». Нельзя забывать о том, что в 1189 г. Чингис-хан был провозглашен ханом «Хамаг Монгол Улуса» (Всемонгольского государства), а после уже в 1206 г. он повторно провозглашается ханом уже нового расширенного государства, созданного на основе первого – «Их Монгол Улус» (Великого монгольского улуса). В обоих случаях рассматрива-

¹⁰⁹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – С.152.

емый термин употребляется в качестве обозначения государства. И ныне современная Республика Монголия как международный субъект называется «Монгол Улус». В монгольских исторических сочинениях «Сокровенное сказание» и «Алтан тобчи» встречается выражение «Ил болгон салгах» (Отделять как государство). Такими государствами, отделившимися от Их Монгол Улуса, стали Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу и другие¹¹⁰. Таково мнение казахского специалиста Кинаята Зардыхана.

Дальнейшее развитие тема Тюркского эля получила в работах С.Г. Кляшторного. Так, по его мнению: «Состоявший из племен (бод) и родов (огуш) тюркский племенной союз (тюрк кара камаг бодун) был политически организован в эль. Родо-племенная организация (бодун) и военно-административная организация (эль) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей»¹¹¹.

Опираясь на анализ тюркских рунических памятников, С. Кляшторный приходит к выводу, что хан, возглавляя эль, выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате дани и податей. Хан опирался на племенную аристократию — бегов. «Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освящённым традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли особое наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем — айгури — «советники», апа таркен — «высшие командиры армии», девять «великих

¹¹⁰ Зардыхан К. Взгляды Л.Н. Гумилева на вопросы государственности у кочевых народов // Доклад на конференции в г. Казани. 29.10.2003 г.

¹¹¹ Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. Сборник к 60-летию Д.Г. Савинова. — СПб., 2001. — С. 213-215.

буюруков» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства»¹¹².

С. Кляшторный в работе «Евразия: Первая империя тюрков и их цивилизация» прямо называет «первой евразийской империей Тюркский каганат, распространившийся к 576 году от Маньчжурии и Жёлтой реки до Кавказа и Боспора Киммерийского (Керченского пролива)». Выводом С. Кляшторного является преемственность древнетюркской цивилизации Центральной Азии и Тюркского эля. Так, исследователь характеризует ее «как систему, включавшую в себя наряду со структурами архаичными и консервативными, структуры прогрессирующие и подвижные, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный динамизм её развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем – первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии»¹¹³.

Все эти мысли С. Кляшторный развил вместе с Т.И. Султановым в одной из своих последних монографий «Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье»¹¹⁴.

Среди казахстанских историков оригинальным подходом отличаются труды Ю. Зуева. Так, к примеру, значительное внимание в его работах занимает изучение триальной структуры кочевников Центральной Азии, в том числе ее происхождения и военного значения¹¹⁵.

¹¹² Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины. – С. 213.

¹¹³ Кляшторный С.Г. Евразия: Первая империя тюрков и их цивилизация.

¹¹⁴ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 368 с.

¹¹⁵ Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): Сборник статей. – Алматы, 1998. – С. 49–100.

Источниковедческие проблемы персоязычных сочинений монгольского периода, в частности «Тарих-и Джахангушай» и тюркоязычных источников, сосредоточены в работах М.Х. Абусеитовой [34], введение которых в научный оборот имеет теоретическое и прикладное значение для более точной верификации и интерпретации военной истории улусов Джучидов.

В современный период казахские исследователи продолжают разрабатывать проблему преемственности казахской государственности и военно-политических объединений и империй тюрков, монголов, ранних кочевников Евразии. Первым государственным объединением на нынешней территории Казахстана была Сакская конфедерация. Эстафету государственности от них взяли государства Усуней и Кангюй. До образования Казахского ханства в 1466 г. на этой территории не прерывалась преемственная связь государственности. Современные казахстанские ученые-историки пришли к важному концептуальному выводу о том, что на территории Казахстана уже в XIII–XIV вв. в рамках сначала улуса Джучи, затем улуса его старшего сына Орды, основавшего свое самостоятельное государство Ак-Орду, складывается первое казахское государство. Так, К.З. Ускенбай в диссертации «Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды» прослеживает исторический путь державы Ордаидов, выделяет основные этапы ее военно-политической истории¹¹⁶. В работе дана расширенная реконструкция политической истории Ак-Орды в XIII – первой трети XV в., исследованы военно-политические аспекты ее усиления в середине XIV в. в период правления Урус-хана. Дана интерпретация событий послеурусовского времени до конца первой трети XV в., показаны причины ослабления, упадка и последующего распада Ак-Орды.

¹¹⁶ Абусеитова М.Х. «Та'рих-и Джахангушай» Джувайни как источник по истории Казахстана // Валихановские чтения. – Кокшетау, 1992. – С. 186–187.

К. Ускенбай продолжает тему преемственности казахской государственности в своих последующих работах. Так, в статье «Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда» он утверждает, что «так называемая улусная система, или структура, легшая в основу административно-территориального устройства всей Монгольской империи, стала определяющим фактором всех дальнейших не только социально-политических, но и этнических процессов, протекавших в различных регионах государства, главным образом на территории прежних кипчакских степей, которые входили составной частью в один из первых и самых крупных улусов — Улус Джучи»¹¹⁷. По его мнению, «применение термина Ак-Орда и Кок-Орда было явлением, характерным только для территории Восточного Дешт-и Кипчака. При этом Ак-Ордой (Белой Ордой) назывались владения старшего сына Джучи — Орды, а Кок-Ордой (Синей Ордой) — владения пятого сына Джучи, Шибана. Во второй половине XIV в. происходят события, повлекшие за собой и изменения в применении разбираемой терминологии. Шибаниды, захватившие власть в Золотой Орде, переносят название своего улуса на нее. В свою очередь, их территория на рубеже 60–70-х годов XIV в. была окончательно присоединена к Ак-Орде Урус-хана, потомка хана Орды». Возвращаясь к историографии проблемы Ак-Орды и Кок-Орды, необходимо отметить, что в новейших исследованиях был продолжен поиск ее решения. Т.И. Султанов, надо полагать, несколько пересмотрел свое прежнее мнение и предложил применять эту терминологию только для Восточного Дешт-и Кипчака: Кок-Орда — ставка Джучи, затем владения Орды, Ак-Орда — владения Шибана. Так же осторожно была предложена и другая этимология Кок-Орды как «юрты синего цвета».

В другой своей работе Т.И. Султанов все же согласился с мнением, что названия Ак-Орда и Кок-Орда связаны с

¹¹⁷ Ускенбай К. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда. // Тюркологический сборник. Тюркские народы России и Великой степи. 2005.

делением Улуса Джучи на правое и левое крылья: «Судя по всему... термин Кок-Орда стал обозначением владений всех царевичей левого крыла... Очевидно, Орда — ставка царевича Бату... в поволжских степях также имела свое особое название. Скорее всего, она называлась Ак-Ордой (Белой Ордой)». Исследователь признал тот факт, что такой важный момент, как название государства, «не зафиксирован средневековыми авторами»¹¹⁸. Привела свои доводы и аргументацию в этом вопросе К.А.Пищулина¹¹⁹. По ее мнению, Кок-Орда хана Орды расширила свои земли за счет территории и населения Ак-Орды Шибана. Именно эту объединенную Ак-Орду на территории Восточного Дешт-и Кипчака и зафиксировал Му ин ад-Дин Натанзи. Автор также исходит из того мнения, что в основе названий орд лежала цветовая геосимволика по сторонам света (кок — восток, ак — запад).

В работах В.В.Трепавлова цветовая геосимволика в связи с разбираемой проблемой получила свое дальнейшее развитие. Продолжая мысль Г.А. Федорова-Давыдова о вторичном делении Улуса Джучи при Токте, исследователь предложил ее более расширенную аргументацию. По его мнению, не только улус Бату при Токте был поделен на крылья (хан и бекларбек), но и улус Орды также прошел через это. Последний был поделен между самим Ордой и его младшим братом Шибаном. Первичное деление — это Ак-Орда Бату и Кок-Орда Орды, вторичное — это Ак-Орда Шибана и снова Кок-Орда Орды¹²⁰. Гипотеза В.В. Трепавлова была принята К.А. Пищулиной. Однако имеющийся в распоряжении историков материал не позволяет принять подобную трактовку. Не случайно некоторые исследователи больше склоняются к тому выводу, что

¹¹⁸ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 276 с.

¹¹⁹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). — Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. — 288 с.

¹²⁰ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. — М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. — 168 с.

цветообозначения в названиях орд были характерны только для территории Восточного Дешт-и Кипчака. Об этом и говорил Т.И. Султанов.

М.С. Жакин в диссертации «Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII-XIX вв.)» раскрывает социокультурный смысл понятий, обозначающих таксономический уровень родовой структуры — «жеті ата», показывающей связь временной протяженности жизни семи колен с циклами и фазами развития государственности кочевой этносистемы. Исследователь выявил закономерности формирования кочевого «ру» и установил связь власти в обществе с происхождением родовых обычаев. При этом М. Жакин отмечает, что взаимоотношения ханов с лидерами «ру» во властной сфере регулируются принципами родовой демократии. По мнению автора: «ру» должен рассматриваться как общественный институт, в соответствии с универсальными принципами самоорганизации этносистемы кочевой цивилизации»¹²¹.

В 2001 г. в Алматы вышел сборник научных трудов «История и культура Арало-Каспия», в который вошли труды ведущих специалистов Казахстана и России. Ажигали С.Е. в «Очерке этнической истории аридной зоны Арало-Каспия (в свете проблем этногенеза)» отмечает, что «в древней и средневековой этнической истории Западного Казахстана четко выделяются три основных этапа: массагето-дахо-сармато-аланский, огузо-кыпчакский и казахско-туркменский, тесно связанные между собой неизбежной традиционностью экономического уклада (кочевое скотоводство), этногенетическим родством и преемственностью культуры. Этногенетический процесс в Арало-Каспии шёл в русле интерференции древних («индоиранских») и новых (тюркских) хозяйственно-культурных традиций конных кочевников. При этом следует

¹²¹ Жакин М. С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII-XIX вв.): дис... к.и.н. — Караганда, 2002. — 188 с.

отметить выдающееся значение массагетского субстрата и связующую (передаточную) роль огузского этноса¹²². Концепция С.Е. Ажигали отличается своей проработанностью, анализом значительного количества эмпирических материалов, обоснованностью и аргументированностью.

В 2003 г. Институтом востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК была проведена представительная международная конференция «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы», материалы которой были опубликованы в 2004 г. Среди статей этой конференции выделяются работы Б.Е. Кумекова «Степная и городская культура кимаков» и Н. Алимбая «Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (введение в проблематику)».

В целом, можно считать устаревшим традиционный взгляд на культуру казахов как на исключительно степную, номадическую. Причем это касается не только сравнительно недавней истории, но и периода древности и средневековья. Так, Б.Е. Кумеков в своей работе отметил следующее: «Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кимаковском обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов... В целом наметившийся симбиоз степной и городской культур составил подвижную структуру, определившую сравнительно высокий динамизм кимаковского общества»¹²³. Таким образом, еще предки казахов имели определенный опыт симбиоза кочевой и оседлой культур, что позволило в дальнейшем развить комплексную систему хозяйствования.

Нурсан Алимбай отметил, что «представление об общине как об органическом единстве разнохарактерных типов и уровней социальных отношений у номадов, локализованных (но

¹²² Ажигали С.Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия (в свете проблем этногенеза)// История и культура Арало-Каспия. – Алматы, 2001. – С. 32-44.

¹²³ Кумеков Б.Е. Степная и городская культура кимеков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. – Алматы, 2004. – С. 112.

не локальных) социально-экономически, институционально, территориально, экологически, идеологически, в известном смысле даже социокультурно, является надежным критерием системной идентификации кочевой общины как самовоспроизводящегося и саморегулирующегося организма, т.е., в сущности, социума»¹²⁴. Данная точка зрения Н. Алимбая подтверждается историко-этнографическим материалом. Община действительно может считаться специфическим видом социума.

Таким образом, проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод об эволюционировании взглядов на военно-политическую организацию кочевников – от полного отрицания кочевой государственности до исторической, генетической и культурной преемственности кочевых империй – тюркской и монгольской. На наш взгляд, подобная эволюция связана как с развитием общественных процессов, так и оформлением научной методологии, позволившей утвердить системный взгляд на историю кочевого социума. Несомненным является утверждение в военной историографии кочевничества взглядов о том, что военная организация кочевников Евразии была тождественной родоплеменной структуре, что сохранялось в течение очень длительного исторического периода, в том числе у казахов до XIX века. В развитии историографии номадов четко прослеживается несколько этапов: дореволюционный (середина XVIII – 20-е годы XX вв.); советский (1920-1980 годы) и условно современный (условно, потому что еще в начале 80-х годов советского периода появляются работы, перевернувшие представление о кочевниках). Особое место в нашей условной периодизации занимают исследования Л.Н. Гумилева и евразийцев, во многом предопределившие направления и векторы научных исследований современности.

¹²⁴ Алимбай Н. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (введение в проблематику) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. – Алматы, 2004. – С.202.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

2.1 Историография исследований военной системы евразийских кочевников

Огромные степи Евразии с I тысячелетия до н. э. до XIX в. н. э. были заняты кочевыми скотоводческими племенами. Конечно, за 2500-3000 лет степное общество не оставалось неизменным, его военная система развивалась и совершенствовалась. В VI-XIV веках военная система кочевников была самой совершенной и эффективной, оказавшей огромное мировое влияние на развитие военного дела. Историческим моментом возникновения и складывания кочевого скотоводства принято считать конец II – начало I тыс. до н. э. Пути и причины этого процесса объясняются по-разному. Большинство исследователей полагает, что кочевничество формируется в поймах рек степной зоны Евразии из комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, сложившегося на этих территориях в эпоху бронзы. Так считает М.И. Артамонов¹²⁵. По мнению Л.С. Клейна, причины, которые могли привести к выходу населения из пойм на водоразделы и пере-

¹²⁵ Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // ПАЭ. – Л., 1977. – Вып. I. – С. 4-9.

ходу к кочевому скотоводческому ведению хозяйства, сводятся к относительному перенаселению пойм, увеличению поголовья скота, нарушению экологического равновесия в речных долинах за счет их интенсивного освоения, общему подъему материальной культуры¹²⁶. Но другие ученые полагают, что складывание кочевого скотоводства и военной системы кочевников могло протекать на базе облавной охоты на стадных животных либо путем захвата скота у оседлых земледельцев, этой версии придерживается А. Хазанов и А. Кушкумбаев¹²⁷. В монографии А.К. Кушкумбаева истоки военной организации кочевников определяются практикой и функционированием коллективной облавной охоты. Охотничий промысел как одна из сфер человеческой жизнедеятельности являлся яркой и характерной чертой кочевничества оказавшей заметное воздействие на все стороны общественной жизни, в том числе и военную. Как считает А. Кушкумбаев, в кочевом хозяйственно-культурном типе (ХКТ) существовал особый военизированный институт облавной охоты, сыгравший важную роль в формировании и развитии кочевой военной организации. На этнографических материалах по облавной охоте (главным образом его реликтах) довольно явственно просматривается взаимосвязь и ведущее значение структуры и организации массовой групповой охоты в происхождении военного деления номадов¹²⁸.

В работе приводятся описания видов и форм облавной охоты, показана внутренняя социальная иерархия и ее параллельная связь с военной системой кочевников. «Сопоставления элементов действий коллективных облавных охот с военными институтами кочевых объединений позволяют

¹²⁶ Клейн Л.С. Проблема Х. //Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979. – С. 19-22.

¹²⁷ Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М., 1975. – С. 14, 8.

¹²⁸ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 172.

предполагать, что появление основ военно-организационной структуры номадов было обусловлено, прежде всего, существованием института облавы. Главным сравнительным фактом в данном случае является триальная организация (правое, левое крыло и центр)»¹²⁹. А. Кушкумбаев считает, что если раньше исследователи, затрагивавшие это вопрос, в подавляющем большинстве случаев объясняли регулярное проведение облавных охот кочевниками только своеобразными военными маневрами, то, по его мнению, можно более расширенно интерпретировать охотничий фактор в генезисе главных аспектов военного дела в кочевых социумах. В этом мы вполне солидарны с автором, поскольку и охоту следует рассматривать не только как промысел, но и способ хозяйства.

Особое внимание А.К. Кушкумбаев уделяет руководителю охоты, выполнявшего задачу координатора и регулятора «механизма» облавы. По его мнению, «в образе этого распорядителя облавы можно увидеть будущего полководца военных сил номадов. Жесткие правила поведения и строгая дисциплина порядка на облавных охотах указывают на то, что провинности и нарушения, совершенные участниками в процессе охоты, приравнивались к воинским преступлениям в период военных действий. Очевидно, именно сочетание охоты и кочевничества стимулировало создание традиционной военной организации номадов. Тем самым, становление военного дела в кочевых обществах и их дальнейшая эволюция находились под постоянным влиянием кочевого ХКТ и были детерминированы совместным сосуществованием кочевого образа жизни и зверовой (облавной) охоты»¹³⁰.

В числе сопутствующих становлению кочевого скотоводства явлений Ю.С. Худяков также называет «освоение верховой езды, повысившее подвижность населения и возрастание роли металлического оружия, в том числе появление железного оружия, знаменовавшее собой начало эпохи раннего

¹²⁹ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — С. 67.

¹³⁰ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — С. 69.

железа, что явилось следствием напряженной экологической и демографической ситуации»¹³¹. По его мнению, «эти новые явления взаимосвязаны и могут быть отнесены к числу имманентных особенностей нового культурно-хозяйственного типа, то есть к онтологическим атрибутам кочевого скотоводства»¹³².

В другой работе «Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта» Ю. Худяков приходит к выводу о том, что «кочевники выделились из среды населения речных долин только тогда, когда ими был достигнут высокий уровень военного искусства, давший возможность военного преобладания над оседлыми соседями. Необходимость постоянной готовности к войне обусловила важную роль последней в кочевом обществе и сформировала его характерные черты»¹³³.

Однако, длительное время исследования военной системы кочевников ограничивалось отдельными эпизодическими и фрагментарными работами. На наш взгляд, позитивные перемены начинаются лишь в 40-50-х годах XX века, когда появляются специальные работы А.А. Рослякова, который одним из первых поставил вопрос о влиянии кочевого способа на военную систему и организацию номадов. Так, по его мнению, «На каждом этапе своего развития степное общество принимало специфическую окраску, из-за особенности своей хозяйственной базы — кочевого скотоводства. Кочевое скотоводство наложило свою печать и на социальный строй степняков, способствуя сохранению родоплеменной органи-

¹³¹ Худяков Ю. С. Роль военного дела в сложении культур скифского времени в Южной Сибири // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. — Кемерово, 1979. — С. 27—28.

¹³² Худяков Ю. С. Роль военного дела в сложении культур скифского времени в Южной Сибири. — С.28.

¹³³ Худяков Ю.С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. — С.105-111.

зации, и на политический строй, и на материальную культуру, и на искусство. Чрезвычайно своеобразной была и военная система кочевников»¹³⁴.

Большинство исследователей считают, что степная военная система сложилась не сразу. А. Росляков и М. Артамонов относят ее зарождение к скифскому обществу, понимая при этом термин «скифы» в его наиболее широком смысле. Так, предполагает М. И. Артамонов, «в рамках скифского общества впервые сложилось кочевое скотоводство как ведущая черта развития и отрасль хозяйства, в котором широкое развитие получили войны и грабительские набеги, и оборонительные войны против агрессивных соседей (Ахеменидский Иран, Македония), и крупные вторжения в соседние земледельческие страны (например, в Переднюю Азию)»¹³⁵. Однако, А. Росляков считает, что «у скифов определенно видны черты незавершенности степной военной системы. Об этом говорит, во-первых, наличие в скифских войсках значительных масс пехоты. Это свидетельствует об архаичности скифского общества, хозяйство которого осталось еще в значительной степени комплексным; недостаточно развившееся скотоводство (и особенно коневодство) отражается и на составе войска»¹³⁶.

Следующий крупный шаг в развитии степной военной системы связан с сарматами, парфянами и хунну. В это время (примерно III в. до н. э.-IV в. н. э.) можно отчетливо наблюдать несколько вариантов в военной системе степняков, в зависимости от различия экономической основы различных районов степи. О военной системе хунну пишет в своей работе С.Г. Кляшторный. При этом, по его мнению, значительное

¹³⁴ Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков // Известия Туркменского филиала АН СССР. — № 2. — 1951. — С.11-17.

¹³⁵ Артамонов М.И. Достижения советской археологии // Вестник древней истории. — № 2. — 1939. — С.9-15.

¹³⁶ Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков. — С.17.

влияние на создание державы гуннов оказала необходимость мобилизации против продвижения китайской династии Цинь. Так он описывает предшествующие образованию империи гуннов. «Китай объединяет династия Цинь. Создавший эту империю Цинь Ши-хуанди после проведения необходимых реформ начинает активную внешнюю политику. Он отправляет на север против гуннов свое войско, которое оттеснило гуннов в пустынные земли, и шаньюй Тумань был вынужден отдать местному племени юэчжи своего старшего сына Модэ. На этот шаг он пошел еще и потому, что хотел отдать престол любимому младшему сыну. После этого Тумань, мобилизовав все кочевья, нападает на юэчжи, надеясь, что те убьют Модэ. Но Модэ удается сбежать, убив стражу и захватив коня. Отец, восхищенный удалью своего сына, отдает ему в управление один тумен, т.е. 10000 семей. Модэ начинает немедленное обучение своих воинов. Подготовив надлежащим образом свое войско, он совершает государственный переворот и в 209 году до н.э. объявляет себя шаньюем»¹³⁷.

Л.Н. Гумилев, посвятивший свою жизнь исследованию кочевых обществ, отмечал, что великие реформы Модэ превращают патриархальное племя в военную державу Хунну и определяют ее будущее. Что же представляло собой гуннское государство после этих реформ?

«Население делилось на тумены — десятки тысяч семей. Каждый гунн был военнообязанным. Начальниками туменов становились принцы крови и родовые старейшины, что разделило власть между шаньюем и знатью, ограничив произвол и тех и других. Рядовой гунн, родившись воином, должен был быть только им и никем иным. Военная добыча становилась его неотъемлемой собственностью»¹³⁸.

Основным оружием гуннского всадника был лук. Такой

¹³⁷ Кляшторный С.Г. Гуннская держава на востоке (3 в. до н.э. — 4 в.н.э.). История древнего мира. Упадок древних обществ. — М., 1982. — С. 169-170.

¹³⁸ Гумилев Л.Н. История народа хунну. — М.: АСТ, 2008. — 346 с.

воин не мог выдержать рукопашной схватки с пехотинцем или с тяжеловооруженным всадником, но превосходил их в мобильности. Поэтому тактика гуннов состояла в изматывании противника. Издалека засыпая его свистящими стрелами (нововведение Модэ), они не подпускали его к себе на близкое расстояние. Потому война была сравнительно безопасна и приносила гуннам немалый доход. «Военная добыча гуннского воина не облагалась никаким налогом, доходы шаньюя и вельмож заключались в основном в поступлении дани с соседних племен. Также источником дохода был Китай: он не платил дани в открытую, но постоянно посылал богатые подарки. Такова была основа державы Хунну во II-I веках до н.э»¹³⁹.

Важнейшим событием в военном искусстве кочевников периода III в. до н.э.-IV в. н.э. было появление в западной части степей (сарматы и парфяне) значительных масс тяжеловооруженной панцирной конницы, предназначенной для атаки и рукопашного боя. А. Хазанов связывает ее появление с развитием оборонительных доспехов и распространением длинного копья с массивным железным наконечником и длинного меча¹⁴⁰. Также А. Хазанов отмечает, что «Отличительной чертой сарматов было наличие у них, наряду с развитым скотоводством, развитого земледельческого хозяйства. Поэтому у сарматов была очень велика роль пехоты, и огромное значение имел рукопашный бой, на что не раз обращали внимание античные авторы»¹⁴¹. По его мнению, происхождение катафрактариев восходит к коннице кочевых народов Евразии. Тяжеловооруженная конница саков, вероятно, появилась как оружие кочевников в борьбе с войсками оседлого земледельческого населения и развивалась в борьбе с греческой фалангой и римским легионом. Как свидетельствовал еще Геродот, сакская конница, за-

¹³⁹ Гумилев Л.Н. История народа хунну. — С.90.

¹⁴⁰ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — М., 1971. — 169 с.

¹⁴¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — С.69.

кованная в доспехи, составляла наиболее боеспособную часть персидских войск¹⁴².

А. Хазанов считает, что динамика исторического развития закономерно привела к появлению катафрактариев. «Потребности борьбы с пехотой противника, сам ход военного и исторического развития вынуждали кочевников евразийских степей, наряду с издревле присущей им легковооруженной конницей, создавать контингенты, вооруженные оборонительными доспехами и наступательным оружием ближнего боя, способным атаковать и побеждать противника в рукопашной схватке. Там, где эта общая тенденция превращалась в необходимость, в силу того, что противник имел сильную пехоту, там появлялись катафрактарии»¹⁴³.

По мнению А. Рослякова, безраздельное господство лука в восточной части азиатских степей имеет причиной меньшего значения там земледелия и в значительной роли охоты. Так, А. Росляков отмечает: «И во время Чингис-хана и много позднее охота являлась здесь у целого ряда племен одним из основных занятий. Недаром именно у бурят и монголов мы находим самую тонкую специализацию стрел»¹⁴⁴.

Наиболее совершенным вариантом кочевой военной системы того времени, по мнению того же А. Рослякова, «было военное искусство парфян, сочетавших лучшие стороны военного искусства хунну (конное войско, широкое использование метательного оружия, высокая подвижность) и сарматов (могучий натиск панцырной конницы в рукопашном бою). Парфяне в значительной мере предвосхитили все основные черты степной военной системы в пору ее расцвета

¹⁴² Геродот. История. – М.: Эксмо, Санкт-Петербург: – Мидгард, 2008. – 702 с.

¹⁴³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – С.75-76.

¹⁴⁴ Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV веках // Учен. зап. Туркмен. Гос-го ун-та им. А.М.Горького. Ашхабад, 1962. – Вып. XXI. – С.15-21.

и создали подлинные шедевры военного мастерства. Плутарх рисует парфян как чисто конное войско, но Тацит говорит о наличии у них пехоты, что более правдоподобно»¹⁴⁵.

Развитие и победа кочевого скотоводства в западной части степей, а также продвижение части хунну (а позднее — тюркских племен) на запад и смешение их с сармато-аланскими племенами привело к синтезу обоих вариантов степной военной системы. В V-VII в.в. н.э. уже складывается, в частности, единый тип вооружения и снаряжения конного воина от Северного Кавказа до Монголии.

Известно, что у племен сакской общности в последние века до н.э. и первые века н.э., наряду с поголовным ополчением, складываются и дружины, подчиненные родоплеменному вождю. Их существование, с большой долей вероятности, устанавливается данными археологии и по аналогии с другими народами скифами и сарматами. Родоплеменные вожди, составлявшие аристократическую верхушку общества, являлись, как правило, и военными вождями. Помимо общих для всего племени или союза племен войн, эти вожди могли предпринимать свои собственные походы и военные набеги. В этом плане весьма интересно оставленное Лукианом (процитированное по А.М. Хазанову) описание, как набиралось войско для военного набега у скифов: «Если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за нее, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен для этого, то он приносит в жертву быка, разрезает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Родственники сидящего и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают сообразно со своими средствами: один — доставить бесплатно пять всадников на своих харчах,

¹⁴⁵ Росляков А.А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войсках туркмен в XI-XII) // Труды Ашхабад. Гос. пед. ин-та им. Горького. Ашхабад. — 1947. — Вып.1. — С. 21-26.

другой – десять, третий – еще больше, иной – тяжело вооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный – только самого себя. Таким образом, иногда у шауры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой»¹⁴⁶.

О том, что происходит изменение родового принципа организации войска кочевников, А. Хазанов судит по тому факту, что «могли набирать войско предводители из выходцев различных родов и даже племен, что отнюдь не исключало предпочтения, отдававшегося сородичам. В силу этого, обычную родовую структуру в них трудно было соблюдать с большой строгостью. Здесь принцип родовой организации войска и родовой сплоченности уступал место личным отношениям предводителя с примкнувшими к нему воинами. Из таких, набравшихся от случая к случаю, войск постепенно вырастали постоянные дружины, группировавшиеся вокруг наиболее удачливых предводителей. Эти дружинники постепенно становились профессиональными воинами, окончательно забросившими мирные занятия. Их вооружение, боевой опыт и выучка были значительно выше, чем у рядовых воинов. Соответственно возрастала их роль в военных действиях»¹⁴⁷.

В последующий период, примерно с середины I тыс. н.э. до середины II тысячелетия н.э., с сохранением родоплеменной структуры у кочевников Евразии форма военной организации существенных изменений не претерпела. У племен, населяющих евразийские степи, почти все войско состояло из ополчения. Состав его был неоднородным. С одной стороны, в него входила степная знать со своими дружинниками; с другой стороны, основная масса ополчения состояла из родовых кочевников. А.Н. Бернштам полагал, что сама организация племени неразрывно сочеталась с военной организацией. Так, он сообщает, что «По данным источников, треть

¹⁴⁶ Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М., 1975. – 167 с. – С.65.

¹⁴⁷ Хазанов А.М. Социальная история скифов. – С.67.

населения усуней состояла в постоянной войске — из 630 тыс. человек населения 188 тысяч человек входило в состав войска. Мужское население с раннего детства привыкало к военным упражнениям — езде на лошади и стрельбе из лука. Военные качества влияли на выдвижение или иных людей на пост военачальника. Китайские источники сообщали, например, что: «Гуньмо имел больше 10 сыновей. Старший сын Далу по телесной силе мог быть предводителем. Он имел 10000 конницы и кочевал отдельно». Цифра «10000» указывает также и на наличие десятичной системы деления войска»¹⁴⁸.

Военная система, организация и структура хазарского войска подробно описана М.А. Артамоновым в его монографии «История хазар». Так, М. Артамонов отмечает, что в эпоху арабо-хазарских войн основной силой хазарского могущества было ополчение. По требованию хазар зависимые народы выставляли военные контингенты. «Численность войска могла доходить до 100-300 тыс. человек. Основу армии составляла конница. Военная тактика была типичной для кочевников: часть войска скрывалась в засаде и вступала в бой в удобный момент. Хазары умели брать города, применяя осадные машины»¹⁴⁹. Войско каганата оказалась способным к противостоянию с регулярной арабской армией, под командованием лучших полководцев Халифата. Однако, в IX-X вв. ситуация изменилась, правительство, отказавшись от крупных завоевательных походов, стало опираться на иноэтничные, не связанные с местными родоплеменными интересами силы. С.А. Плетнева сообщает: «Ядром хазарского войска стала тяжёлая конная гвардия, состоящая из ларисиев — мусульманского племени хорезмийского происхождения, которое поселилось в Итиле и несло беку службу на особых условиях. Гвардия имела собственного везира и оговорила право не воевать с единоверцами (большинство противников хазар в этот

¹⁴⁸ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. — Л.: ЛГУ, 1951. — 256 с.

¹⁴⁹ Артамонов М.И. История хазар. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. — 523 с.

период были язычниками). Воины получали жалование. Численность гвардии достигала по разным данным от 7 до 12 тыс. человек. В Саркеле нёс службу ежегодно сменяемый гарнизон из 300 воинов»¹⁵⁰.

По мнению С. Плетневой, по существу, хазарская армия стала профессиональной, и это позволило каганату продержаться 150 лет в борьбе с многократно превосходящими по численности противниками. Гвардия являлась очень влиятельной, но не единственной военной силой в стране. В распоряжении хазарских царей были наёмные контингенты славян и русов (также стоявшие в столице). Собственно хазарские силы состояли из всадников, которых знатные вельможи были обязаны поставлять сообразно своему положению. Зависимые народы (буртасы, болгары) продолжали выставлять ополчение. Хазары не имели флота, хотя умели изготавливать небольшие лодки, которыми пользовались для сообщения по Волге.

Военные действия велись лично каганом и его ближайшими родственниками, либо полководцами из числа хазарской знати. После отстранения каганов функция командования войском перешла к беку.

Большинство исследователей отмечают, что оружие и конь «значили для кочевника гораздо больше, чем для общинника-земледельца». Об этом достаточно образно писала С. Плетнева¹⁵¹. С.С. Черников видит своеобразие кочевого мира в том, что «вся организация общества носила в значительной степени военный характер. Каждый кочевник – прирожденный воин, что обуславливало массовость и хорошую организованность армии, большую подвижность крупных конных масс и своеобразную тактику»¹⁵². Он полагает, что этому способствовали мобильность кочевого общества, возможность высвобождения из сферы хозяйственной деятель-

¹⁵⁰ Плетнёва С.А. Хазары. – М., 1976. – 92 с.

¹⁵¹ Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА № 142. – М., 1967. – 200 с.

¹⁵² Черников С. С. Загадка золотого кургана. – М., 1965. – 189 с.

ности большого количества взрослого мужского населения. Поскольку при кочевом скотоводческом хозяйстве кочевники не могли обеспечивать себя продуктами земледелия, они занимались военным грабежом соседей. Это достаточно распространенное заблуждение, не учитывающее возможностей торговли и обмена. По мнению этих исследователей, военная система кочевников проистекает из отсталого скотоводческого хозяйства, и поэтому она не является свидетельством преимущества военной организации и военного дела номадов.

Напротив, Ю.С. Худяков считает военное дело кочевников стоящим гораздо выше, чем военное дело оседло-земледельческих народов. Так, он отмечает: «Превосходство сил кочевников по отношению к оседлым земледельческим народам еще более увеличилось за счет подвижности и оперативности воинских формирований кочевников, их умения создать многократный численный перевес в нужном месте, в нужный момент. Весь быт кочевников был военизирован. Каждый достигший совершеннолетия физически полноценный мужчина-кочевник являлся профессионально подготовленным воином. Этому способствовали целенаправленность в традициях воспитания подрастающего поколения, военные упражнения, военно-спортивные состязания, массовые облавные охоты, постоянное участие в военных действиях»¹⁵³.

О том, что военная и административная власть у кочевников была неразрывна, писал еще Н.Я. Бичурин. Он отмечал, что эти функции совмещались в руках одних и тех же лиц на всех ступенях чиновничьей иерархии ¹⁵⁴.

По мнению Худякова Ю.С., «наиболее законченным классическим образцом подобной организации являлась система

¹⁵³ Худяков Ю. С. Роль военного дела в сложении культур скифского времени в Южной Сибири //Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979. – С. 27–28.

¹⁵⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: 1950. – Ч.1. – 390 с. – С.270.

деления войска и народа на десятки, сотни, тысячи, тумены во главе с чиновниками-военачальниками, в руках которых была военная и гражданская власть. Такая организация существовала в течение длительного времени у ряда кочевых народов: жужаней, тюрок, кыргызов, монголов и др.»¹⁵⁵.

Войско кочевых племен отличалось многочисленностью, в него входило все взрослое мужское население. Оно представляло собой серьезного противника для любой армии оседлых народов, особенно если учесть, что эти ополчения состояли из отличных наездников и стрелков из лука, хотя и плохо вооруженных, но привыкших к тяготам и лишениям походной жизни, выносливых и нетребовательных. Основным и единственным родом войск в этот период была конница, преимущественно легковооруженная, так как ремесло в этот период было развито слабо (наряду с железными наконечниками употреблялись и костяные). Оружие ближнего боя — мечи, палаши, сабли, было слишком дорого для рядовых воинов. Даже у монголов XIII века оружия, кроме луков и стрел, было мало, как отмечал Б.Я. Владимирцов¹⁵⁶.

Восточные миниатюры изображают степняков обычно легковооруженными, хотя часть воинов (дружинники, например) носила защитное вооружение и, помимо лука со стрелами, была вооружена также и оружием ближнего боя. Войско кочевников Евразии было конным поголовно. Недаром Рашид-эд-Дин приводит слова, приписываемые Чингис-хану: «Тот, кто упадет с лошади, каким образом будет иметь возможность встать и сражаться. А если и встанет, то пеший каким образом пойдет под конного и выйдет победителем»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Худяков Ю.С. Роль военного дела в сложении культур скифского времени в Южной Сибири. — С.107.

¹⁵⁶ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. — М., 1931. — С.43.

¹⁵⁷ Рашид-эд-Дин. Джамии-ат-Таварих. Сборник летописей. — М.-Л., 1952-1956. — Т.1. — Кн.1. — 429 с. — С.174-242.

В.Н. Кун в работе «Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии» отмечает огромное значение коней в военной организации кочевников. Так, он пишет: «Трудно преувеличить боевое значение коня. В походе он покрывал любое расстояние, содержимый на подножном корму, обеспечивал быстроту и силу атаки, неутомимость преследования и неуловимость отступления. Каждый воин имел при себе, по крайней мере, двух коней. Число зависело от богатства поголовья, доходя до 5-6 походных лошадей. Походная лошадь постоянно менялась, как при долгом преследовании зверя на облавной охоте. Перемена коней необыкновенно увеличивала быстроту и дальность пробега. Конные стрелки с лука были неуловимы»¹⁵⁸. Он же приводит высказывание Роберта де Клари о печенегах: «Они не перестают ехать днем и ночью с такой неуловимостью, что за ночь и день совершают шесть, семь и восемь конных переходов»¹⁵⁹.

При анализе военной системы и организации кочевников очень актуальным является вопрос о численности войск кочевых племен Евразии. Исследователи считают, что данные средневековых хроник зачастую сомнительны. Например, Т.К. Алланиязов считает: «Так, численность войск кочевых племен определяется китайскими авторами очень высокими цифрами — по словам летописи Тан-Шу, в Тухоло (Тохаристан, где в VII в. жили карлуки) имелось 100 тыс. воинов, что, несомненно, преувеличено. При определении численности войск, видимо, следует исходить из того, что отношение числа потенциальных воинов к общей численности населения у кочевников обычно равняется 1:5 или 1:4. Лишь сопоставляя наиболее достоверные данные и широко

¹⁵⁸ Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. Ташкент, 1947. — Вып.2. — С.17-23.

¹⁵⁹ Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. — С.16.

привлекая сравнительно-исторический материал, можно прийти к некоторым выводам»¹⁶⁰.

И.Я. Златкин в «Истории Джунгарского ханства» сообщает наиболее достоверные данные о численности джунгарских войск. Так, он пишет: «Легкую конницу, — основу халхаских и чахарских армий, — составляло народное ополчение скотоводов-аратов. Отряды средней кавалерии комплектовались из профессиональных воинов: дружинников владельцев ханов и представителей мелкой феодальной знати. Обычно латники действовали вместе с легковооруженной конницей, но иногда из них комплектовались отдельные отряды, достигавшие внушительной цифры в 4-5 тысяч человек. Общая численность войск Халхи по сведениям русской разведки превышала 100 тыс. человек. Однако политическая раздробленность Восточной Монголии, непрекращающиеся междоусобицы привели к тому, что армии халхасцев к моменту решающей схватки с джунгарскими агрессорами не превышали 10 тыс. человек»¹⁶¹.

А В.А. Михайлов приводит данные о численности кыргызов и бурят: «Армии северной периферии степи были еще менее многочисленны: войска Алтын-ханов насчитывали 10-18 тыс. человек, енисейских кыргызов 5-6 тыс. чел., бурятов 2 тыс. чел.»¹⁶².

Тактика ведения боя восточными монголами практически не изменилась со времен Чингис-хана. Она включала в себя 3 фазы: обстрел противника из луков, атака копейной конницы, рукопашный бой на клинковом оружии. Однако такая тактическая схема для XVII в. была уже явным анахронизмом, а в купе с низким уровнем дисциплины и слабой индивидуальной подготовкой воинов неизменно приводила монгольские войска к поражению, даже в столкновении с двукратно

¹⁶⁰ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — Алматы: Фонд «XXI век», 1998. — 140 с. — С. 83.

¹⁶¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М., 1964. — 264 с.

¹⁶² Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. — Улан-Удэ, 1993. — 236 с.

уступающим по численности противником. Т.К. Алланиязов представляет себе развитие войска кочевых племен Евразии в VI-XV вв. следующим образом: «В VI-XII вв. основу войска составляет поголовное родоплеменное ополчение. Ополчение кочевников представляло собой массу конных воинов, вооруженных луками, стрелами, ножами и легкими копьями. Защитного вооружения, мечей, сабель было немного. Каждый родоплеменной вождь имел небольшую дружину, состоявшую из панцирных всадников с саблями, копьями, булавами и луками. Организация войска, очевидно, соответствовала родовой структуре. Каждое родоплеменное подразделение выставляло свой отряд. Постепенно дружины приобретают все большее значение»¹⁶³.

«Нукеры, — писал Б.Я. Владимирцов о дружинах монголов накануне образования государства Чингиз-хана, — как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, было эмбрио-армией и эмбрио-гвардией; каждый нукер — будущий офицер и полководец. Дружина древнемонгольского предводителя была, следовательно, своеобразной военной школой»¹⁶⁴.

Б. Владимирцов подробно исследовал военную организацию войска Чингис-хана. Так, он сообщает: «Чингисхан первым своим государственным решением провел военную реформу общества. Командиры получили награды соответственно заслугам, а не по праву рождения. Воины были разверстаны по десяткам, сотням и тысячам и были обязаны служить с четырнадцати до семидесяти лет. Для наблюдения за порядком, кроме стотысячной армии, была создана десяти тысячная гвардия, несшая службу по охране ханской юрты. Гвардия (кешикташ) была создана из знатных воинов, лично

¹⁶³ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — Алматы: Фонд «XXI век», 1998. — 140 с. — С. 87.

¹⁶⁴ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. — Л., 1934. — 189 с. — С.91.

преданных Чингисхану. В составе гвардии выделялась также тысяча самых преданных и сильных воинов — «багатуров»¹⁶⁵.

Л.Н. Гумилев отмечает, что в основу законодательства Чингис-хана был положен воинский устав. «Наказаний было установлено два: смертная казнь и «ссылка в Сибирь» — на пустынный север Монголии. Отличительной чертой этого установления было введение наказания за неоказание помощи в беде боевому товарищу. Этот закон назывался Яса, и хранителем Ясы (верховным прокурором) был назначен второй сын Чингис-хана, Чагатай. В столь воинственном и разноплеменном людском скопище было необходимо поддерживать строгий порядок, для чего всегда требуется реальная сила. Чингис-хан это предусмотрел и из числа наиболее проверенных воинов создал две стражи, дневную и ночную. Они несли круглосуточное дежурство в орде, находились неотлучно при хане и подчинялись только ему. Это был монгольский аппарат принуждения, поставленный выше армейского командного состава: рядовой гвардеец считался по рангу выше тысячника. Тысячниками же были назначены 95 нойонов, избранных войском»¹⁶⁶.

В XII–XIV веках ополчения кочевых племен, в связи с развитием феодальных отношений у степняков, начинают по своему характеру приближаться к типу феодальных ополчений. Так, В.Г. Тизенгаузен приводит данные географа Эль Омари о войске золотоордынского хана Токты: «Каждый всадник взял с собою двух слуг, тринадцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия»¹⁶⁷.

Ю.С. Худяков считает доказанным, что развитие кочевого общества в условиях степного ландшафта в большой степени определялось повышенной ролью военного дела, являвше-

¹⁶⁵ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. — С. 92.

¹⁶⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна»). — М.: Наука. 1970. — 431 с.

¹⁶⁷ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т.1. — 330 с.

гося одним из условий жизнедеятельности этого общества. «Отсутствие возможности гарантировать постоянное существование общества только за счет ведения скотоводческого хозяйства детерминировало цели войны. Кочевники воевали преимущественно ради захвата военной добычи. Наиболее распространенной формой реализации военной победы был грабеж побежденных»¹⁶⁸.

С.В. Киселев также полагает, что основной целью военных действий кочевых кыргызов была добыча. Так, он писал о том, как, судя по эпитафии, Основная масса населения еще не лишена права носить оружие и участвовать в войне, хотя это право все более приобретает оттенок своеобразной отработочной повинности в пользу родоплеменной верхушки. Война часто еще затрагивает интересы племени в целом, что обеспечивает заинтересованность и активное участие в ней самых широких слоев населения; но на первое место постепенно выдвигаются феодальные войны с целью захвата земли и для последующей эксплуатации живущего на ней населения. «...Под прямым давлением масс... Эрен-Улуг начинает войну, «чтобы добыть золота». Война, которая дает рабов, ради которой предпринимаются далекие походы, обогащает Эрен-Улуга, но она сулит много чего «свободному народу»¹⁶⁹.

А. Хазанов в работе «Характерные черты сарматского военного искусства» указывает, что добыча, установление дани, торговли являлись формами реализации военной победы кочевников. «Второй формой реализации военной победы являлось установление дани — фиксированного грабежа в результате завоевания или выгодного мирного договора с побежденными. Третьей формой можно считать принудительную тор-

¹⁶⁸ Худяков Ю.С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. — Новосибирск, 1985. — С.108.

¹⁶⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 640 с. — С.89.

говлю, дипломатические визиты с вымогательством подарков – ослабленные варианты дани». В то время, как полагает А. Хазанов, «В отличие от войн между оседлыми народами захват земли редко служил стимулом для ведения кочевниками войны. Порядок пользования пастбищами внутри кочевого общества регулировался традициями и обычным правом»¹⁷⁰.

Ю.С. Худяков в работе «Военное искусство енисейских кыргызов IX–XII вв.» поражается размерами военной добычи кочевников. «Результаты удачных военных походов кочевников в эпоху становления кочевого скотоводства были ошеломляющими. Курганы царей эпохи раннего железа по всей степной зоне Евразии (Куль-Оба, Солоха, Чертомлык, Тайманова и Толстая могилы в Причерноморье, Иссык, Вещатый в Казахстане, Пазырык на Алтае, Аржан в Туве, Салбык в Минусинской котловине) поражают количеством ценностей, «зарытых в землю». Вряд ли это можно объяснить только культом предков или имущественной дифференциацией, поскольку подобные причины существовали и позднее. Вероятнее всего, это результат избыточной военной добычи. Позднее, в эпоху средневековья, монументальность и богатство внутреннего убранства курганов менее значительны, несмотря на прогрессирующую социальную и имущественную дифференциацию кочевого общества»¹⁷¹.

По мнению Ю. Худякова, выраженном в работе «Структура военной организации у кыргызов в IX–X вв.»: «С развитием социальной дифференциации внутри кочевого общества и эволюцией военного дела совершенствовалась организация войска в направлении дальнейшей централизации, повышения строевой дисциплины и т.п.»¹⁷².

¹⁷⁰ Хазанов А.М. Характерные черты сарматского военного искусства / Советская археология. – 1990. – № 2. – С. 52–63.

¹⁷¹ Худяков Ю.С. Военное искусство енисейских кыргызов IX–XII вв. В кн.: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976. – С. 102–110.

¹⁷² Худяков Ю.С. Военное искусство енисейских кыргызов IX–XII вв. В кн.: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху.

Высоко оценивая вклад А. Рослякова в развитие изучения военной системы, структуры и организации кочевников Евразии, отметим, что в целом ему был присущ марксистско-ленинский взгляд на кочевую организацию, как на отсталое, варварское, дофеодальное государство, в войнах которой реализуются интересы родоплеменной верхушки и поработщается трудовое население. «Основная масса населения еще не лишена права носить оружие и участвовать в войне, хотя это право все более приобретает оттенок своеобразной отработочной повинности в пользу родоплеменной верхушки. Война часто еще затрагивает интересы племени в целом, что обеспечивает заинтересованность и активное участие в ней самых широких слоев населения; но на первое место постепенно выдвигаются феодальные войны с целью захвата земли и для последующей эксплуатации живущего на ней населения»¹⁷³.

В то же время именно А. Рослякову принадлежит конкретное выделение характерных черт кочевой военной системы, которое и сегодня является определяющим для историографии военного дела кочевников. «Военная система этого периода имеет следующие основные черты:

1. Массовое конное войско, созданное на основе поголовного ополчения. Наряду с ополчением, существуют дружины вождей, порой приобретающие характер почти регулярного войска.

2. Основным оружием ополчения являются лук и стрелы, хотя воины имеют, конечно, и кое-какое холодное оружие и доспехи в зависимости от состоятельности; основным оружием дружинников являются сабля, копьё и другое холодное оружие, хотя все они имеют и луки. Все дружинники имеют оборонительное вооружение. Пехота исчезает почти повсеместно. Войско чрезвычайно подвижно и способно к широкому маневру.

¹⁷³ Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV вв. // Ученые записки Туркменского университета им. Горького. Вып. XXI. – 1962. – С.12.

3. В связи с полным почти отсутствием крепостей и возделанных полей (особенно на востоке) и характером войска (почти поголовное ополчение мужчин) главным средством достижения победы было решительное полевое сражение с целью уничтожения живой силы противника. Взятие укрепленных пунктов и опустошение местности, столь характерное для феодальных войн Европы, России и Ирана, в степи имело ничтожное значение.

Ввиду важности боя в степной войне на него и смотрели не как на простой рыцарский поединок, но как на решающее событие; к бою тщательно готовились и не жалели сил и средств, чтобы в этот момент оказаться сильнее противника, захватить его врасплох, ошеломить. Поэтому в степной войне огромное значение приобрели внезапные, часто ночные нападения на кочевье противника, с целью полного разгрома его. Бой, имеющий решительную цель (уничтожение живой силы противника), завершался, как правило, окружением или неотступным преследованием; так как армией противника являлось, собственно, все мужское население, то часто победа влекла за собой поголовное истребление мужчин побежденного племени, включая детей «выше колесной чеки». Кровавопролитие и жестокость степной войны общеизвестны; здесь играло роль не «азиатское варварство, а общая специфика степной войны.

4. Отчасти вследствие характера войска (легкая конница), отчасти вследствие решительного характера боя, мы видим у степняков широкий маневр на поле боя (обходы, охваты) и такие приемы, как окружение, притворное бегство в сочетании с засадами. Искусное гибкое маневрирование наложило отпечаток и на боевые порядки — они были расчленены по фронту и в глубину. Сохранение родоплеменных отношений приводило к тому, что каждая отдельная группа являлась ополчением какого-либо рода или племени, а дружина составляла особый отряд — резерв. Управление, поэтому, было весьма сложным и степной военачальник, в отличие от европейского, в схватке участия не принимал, а располагался позади войска.

5. В бою кочевники чрезвычайно широко использовали метательное оружие. Бой начинался с длительной перестрел-

ки и мелких стычек, которые лишь постепенно перерастали в общую рукопашную схватку. Лук и стрелы были излюбленным оружием степняков, которым они владели виртуозно. Обычно стрельба велась с коня, хотя в XIV-XV вв. очень часто целые отряды спешили для стрельбы. Следует лишь добавить, что на западе, например, у туркмен-огузов X-XII вв., вместе с сохранением значительной роли земледелия, сохранились и сармато-аланские традиции упорного рукопашного боя, что выделяло туркмен среди остальных кочевников.

6. Огромное значение в степной войне имели набеги. Грабительский набег – обычное явление на стадии разложения первобытно-общинного строя»¹⁷⁴.

Пристального внимания заслуживает исследование А.И. Першица, Ю.И. Семенова, В.А. Шнирельмана, в котором рассмотрены современные подходы к изучению войны, источниковедческие проблемы изучения древних войн, проблема возникновения войн, формы, которые принимала война в предклассовых и раннеклассовых обществах, роль войны в появлении классового общества.

В 1993 г. вышло в свет первое исследование, посвященное военному делу бурят. Его автор, В.А. Михайлов, опираясь на работы отечественных оружейников, этнографов, письменные источники (русские документы XVII в., записки отечественных и иностранных путешественников XVIII в.) и бурятский фольклор предпринял попытку рассмотреть вооружение, структуру военной организации и военное искусство бурят¹⁷⁵.

В.Ю. Мясников в диссертации «Военное дело кочевников Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв.» проанализировал военно-политическую обстановку, сложившуюся в Центральной Азии в XVII – начале XVIII вв., рассмотрел военное искусство, его особенности, подготовку воинов и структуру военной

¹⁷⁴ Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV вв. // Ученые записки Туркменского университета им. Горького. – Вып. XXI. – 1962. – С.13.

¹⁷⁵ Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. – Улан-Удэ, 1993. – 236 с.

организации¹⁷⁶. Кроме того, ему удалось проследить изменения в военном деле кочевников населяющих данный регион на рубеже позднего средневековья – начала Нового времени.

Обстоятельные разработки по общественному и государственному строю кочевого улуса центральноазиатских кочевников сосредоточены в публикациях Е.И. Кычанова¹⁷⁷. В середине 1980-х гг. появилась итоговая монография В.Л. Егорова¹⁷⁸, охватывающая дискуссионные вопросы военно-политической и историко-географической проблематики Золотой Орды.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. внимание историков Д.В. Чернышевского¹⁷⁹ и В.Б. Кошеева¹⁸⁰ сосредоточилось на численности вторгнувшейся в русские земли монгольской армии. В исследовании А.А. Астайкина¹⁸¹, суммированы почти все сведения русских летописей о нападениях и набегах монголов и золотоордынских татар на Русь с 1223 по 1480 гг.

В серии специальных изысканий тюрколога Т.И. Султанова¹⁸² хорошо отображены интересные военные эпизоды из

¹⁷⁶ Мясников В.Ю. Военное дело кочевников Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. – Новосибирск, 2007. – 168 с.

¹⁷⁷ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 319 с.; Кычанов Е.И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. – М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1993. – С. 148–156.

¹⁷⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 246 с.

¹⁷⁹ Чернышевский Д.В. «Придоша бесчисленны, яко призи...» // *Вопросы истории*. – 1989. – № 2. – С. 127–132.

¹⁸⁰ Кошечев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // *Вопросы истории*. – 1993. – № 10. – С. 131–135.

¹⁸¹ Астайкин А.А. Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // *Мир Льва Гумилева. Арабески истории*. Вып. 3–4: Русский разлив. В 2-х т. – М.: «ДИ ДИК Танаис», 1996. – Т. I. – С. 456–554.

¹⁸² Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 368 с.

золотоордынской военной истории. Военные аспекты истории империи Чингиз-хана и проблемы образования крыльевой (дуальной) системы власти, десятичного принципа организации войска средневековых монголов нашли отражение в ряде работ кочевниковедов В.В. Трепавлова¹⁸³, Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой¹⁸⁴.

В новейшей историографии на основе большого количества письменных свидетельств Р.П. Храпачевским¹⁸⁵ написана наиболее детализированная и первая системная работа по военному делу монголов.

Прочное место в золотоордынской историографии заняли статьи и работы В.П. Костюкова¹⁸⁶ и Р.Ю. Почекаева¹⁸⁷, освещающие не только проблемы политической, правовой и социальной истории Улуса Джучи, но и вплетенные в этот контекст военные сюжеты.

Таким образом, кочевая военная система с ее массовым и подвижным конным войском, тщательной подготовкой и искусным ведением боя, с гибким сочетанием стрелкового боя в рассыпном строю и стремительной атаки плотных отрядов, с широким маневром конных масс, неотступным преследованием, хорошо поставленным управлением, охранением и разведкой, несомненно, являлась одной из самых совершенных военных систем средневековья. Она оказала огромное влияние на военное дело в соседних странах — в Китае, Иране, Ви-

¹⁸³ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. — М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. — 168 с.

¹⁸⁴ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингиз-хана. — М.: Восточная литература, 2006. — 557 с.

¹⁸⁵ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 557 с.

¹⁸⁶ Костюков В.П. «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — 2008. — № 1. — С. 42–96.

¹⁸⁷ Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2007. — 350 с.

зантии и Руси, вызывая повсюду создание или развитие конницы, особенно конных лучников.

В XIV-XVIII веках кочевая военная система претерпевает некоторые изменения. Массовое родоплеменное ополчение отступает на второй план, оттесняемое дружинами. Правда, в противовес Западной Европе, народное ополчение в степи сохраняется; но оно собирается редко, и чем позже, тем реже. Кочевые армии теряют свой массовый характер, родоплеменную сплоченность и связанную с этим огромную наступательную мощь.

Важно подчеркнуть, что, сформировавшись в условиях адаптации к степному ландшафту, характерные черты военного искусства кочевников в дальнейшем неуклонно развивались вне зависимости от изменений в способах кочевания и смены этнической расстановки сил в степной полосе Евразии, поскольку эти черты определялись военным превосходством над оседлыми соседями.

По мнению Ю. Худякова, решающий поворот во взаимоотношениях кочевого и оседлого общества был связан со вступлением последнего на путь промышленного развития. Натуральное хозяйство кочевников оказалось неспособным конкурировать с кооперацией труда в рамках мануфактур и фабрик. Появление огнестрельного оружия положило конец военному превосходству кочевников. Изменившееся соотношение привело к тому, что кочевники все больше вовлекались в сферу влияния своих оседлых соседей, но уже в качестве подчиненной и зависимой стороны. Максимально сузилась занимаемая ими территория. Плодородные разнотравные и ковыльные степи подвергались распашке, а кочевники оказались оттесненными на менее плодородные земли. Включенные в экономические отношения в рамках аграрно-промышленных государств, кочевники постепенно седентаризовались, утратив характерные черты своего культурно-хозяйственного типа¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Худяков Ю.С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1985. – С.105-111.

В работе «Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов»¹⁸⁹ рассматривается полная драматизма военная история кыргызов. Автор в доступной и увлекательной форме рассказывает о войнах кыргызов с кочевыми империями и создании ими в IX в. великой державы — Кыргызского каганата.

В.П.Никоноров и Ю.С. Худяков в книге ««Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов»¹⁹⁰ главное внимание уделили военному искусству и вооружению центральноазиатского кочевого народа хунну (сюнну), могущественного северного противника Китая, начиная с середины III в. до н. э., а также генетически связанных с хунну европейских гуннов, которые доминировали в степях Юго-Восточной Европы с 370-х до 460-х гг. н. э. Также в книге уделяется внимание особенностям военного дела и соседних народов, исторически связанных с хунну и гуннами, — дунху, сяньби, германцев-готов и др.

Авторы отмечают, что реформы Модэ превратили патриархальное племя хуннов в военную державу Хунну. Каждый хунн стал воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Однако старая родовая система не была нарушена, и во главе боевых подразделений стояли не выходцы из низов, как случилось позднее у монголов при Чингисхане, а принцы крови и родовые старейшины. Разделение власти между шаньюями и знатью ограничивало произвол и тех и других. Такие реформы Модэ, как введение поголовной воинской обязанности, безусловного подчинения начальникам и создание системы чинов, а главное — взгляд на территорию как на основу государства, следует понимать как консолида-

¹⁸⁹ Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. — СПб.: «Петербургское Востоковедение»; — М.: «Филоматис», 2003. 192 с.

¹⁹⁰ Никаноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; — М.: Филоматис, 2004. — 320 с.

цию племени, которая предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков.

А. К. Нефёдкин в 2004 году выпустил книгу, в которой в научно-популярной форме рассматривает военное дело сарматов — кочевников, живших в последние века до нашей эры и первые века нашей эры в степях Восточной Европы и западной части Азии. В книге затронуты различные аспекты военной культуры номадов: вооружение, тактика, стратегия, способы комплектования и организация войска и т. д.¹⁹¹

Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири в XIII-XVIII вв. рассматривает А.В. Шлюшинский. Целью его исследования явилось комплексное, всестороннее изучение всех составляющих военной сферы жизни и культуры населения Западной Сибири со времени формирования Сибирских ханств до присоединения к Российскому государству¹⁹². Для достижения поставленной цели автор выдвинул ряд задач, в том числе изучение и анализ существующих методических разработок в отечественной науке, в целом, и сибирском оружьеведении, в частности; рассмотрение и корректировка классификационных схем фортификационных сооружений средневекового населения Западной Сибири; анализ основных систем обороны и дополнительных укреплений для реконструкции фортификационных сооружений; анализ характеристик вооружения, его тактико-технических возможностей; реконструкцию комплекса вооружения, военного искусства и военной истории сибирских татар.

Исследования военной системы кочевников в конце XIX века носили эпизодический характер и основывались лишь на сообщениях, нарративных источников, не подвергая их углубленному анализу. Тем не менее, в конце XIX века были

¹⁹¹ А. К. Нефёдкин. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.-V в. н. э. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004; М.: «Филоматис», 2004.

¹⁹² Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII-XVIII вв.: дис.к.и.н. — М., 2007.

заложены научные основы исследований военной структуры номадов, позднее развитые в работах Л. Гумилева, А. Хазанова и Ю. Худякова. Казахстанская историография военной структуры кочевого общества представлена, прежде всего, в работах А. Кушкумбаева и Т. Алланиязова. В книге под названием «Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии»¹⁹³ А. Кушкумбаев рассматривает проблемы и особенности становления и формирования военного дела в кочевых обществах Центральной Азии, с привлечением значительного массива разнообразных источников: письменных сведений, этнографической материалов, археологических работ, исторических исследований и специальной военной литературы. Как следует из изученных материалов в выработывании и генерации основных составных частей военного дела центральноазиатских номадов – военная организация, тактика ведения боевых действий, оружейный арсенал видное значение имел милитаризованный институт облавных охот, выполнявший многофункциональную роль в подготовке вооруженных сил древних и средневековых кочевых государств.

Докторская диссертация А.К. Кушкумбаева «История военного дела кочевников Золотой Орды XIII-XV вв.» посвящена исследованию состояния военного дела кочевников Золотой Орды, а также предыстории возникновения своеобразной военной системы кочевых народов Центральной Азии и ее качественной эволюции в монгольскую эпоху¹⁹⁴. В работе показывается, что в развитое Средневековье на евразийском континенте военная жизнедеятельность тюрко-монгольских номадов, включающая обновленные военно-социальные институты, усовершенствованный боевой арсенал предметов вооружения и оружейного дела, апробированные тактико-

¹⁹³ Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. – Кокшетау: Келешек-2030, 2009. – 170 с.

¹⁹⁴ Кушкумбаев А.К. История военного дела кочевников Золотой Орды XIII-XV вв. – Алматы, 2010.

стратегические каноны осуществления войны, достигла закономерно прогрессивного этапа в развитии военного дела.

Объектом исследования А. Кушкumbaева стала военная история Золотоордынской империи XIII–XV вв., т.к. именно в эту историческую эпоху кочевники внутренней Евразии максимально распространили геостратегическую сферу политического влияния в средневековом мире. Научная новизна диссертационного исследования основана на том, что впервые в казахстанской историографии привлечена вся база доступных источников и литературы (письменных сведений, археологических работ, этнографических материалов, исторических исследований) по военной истории Улуса Джучи, осуществлена их полная разносторонняя систематизация и подвергнуты анализу наиболее узловые проблемы военного дела золотоордынской державы.

Можно констатировать, что сейчас в научном сообществе наблюдается рост интереса специалистов к военной истории Золотой Орды и тюрко-монгольских кочевников евразийских степей в ракурсе крупных военно-исторических событий, что видно из работ И.М. Миргалеева, И.Л. Измайлова¹⁹⁵. По исследованию В.В. Горбунова¹⁹⁶ прослеживается как тенденция к регионализации, так и стремление углубить исследовательский кругозор в понимании собранных данных о кочевнической паноплии. Работа И.А. Воронцова¹⁹⁷ пока единственная, напрямую посвященная военному делу Золотой Орды на примере Нижневолжского района. Автор оперирует значительным

¹⁹⁵ Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 88 с.; Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 108 с.; Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.

¹⁹⁶ Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 55 с.

¹⁹⁷ Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): автореф. дис. канд. ист. наук. – Волгоград, 2006. – 26 с.

массивом информированных источников, логично выделяет этапы развития военного дела и приходит к обоснованному заключению о синкретизме военной культуры Золотой Орды.

Как видно, подавляющее большинство этих изысканий проведено специалистами, работающими в области военной археологии. Стоит обратить внимание на то, что военное дело Золотой Орды только недавно стало предметом отдельного исследования в науке, но в масштабах одного локального района.

Новое качественное изучение «монгольского» (золотоордынского) периода произошло в 1960–1990-х гг. прошлого века и связано с работами казахстанских ученых – В.П. Юдина, Ю.А. Зуева, Б.Е. Кумекова, К.А. Пищулиной, С.М. Ахинжанова, М.Х. Абусеитовой, А.Ш. Кадырбаева. Эта историографическая традиция продолжена А.К. Муминовым, Ж.М. Тулибаевой, З. Кинаятулы, К.З. Ускенбаем. Заметное положение в общей истории изучения Золотой Орды принадлежит выдающемуся казахстанскому востоковеду В.П. Юдину, известному не только переводом такого ценного источника, как «Чингиз-наме», но и отдельной публикацией, затрагивающей особенности конно-лучной тактики даштских номадов¹⁹⁸.

К.А. Пищулина¹⁹⁹ на основе восточных источников охарактеризовала функционирование военно-административного аппарата, способы комплектования и численность войск, построение боевых порядков военных отрядов в сражениях в улусах Чингизидов XIV–XV веков.

Проявил интерес к выяснению места и года первого боевого столкновения между армией хорезмийцев и вторгнувшимися монголами на землях Дашт-и Кыпчака, а также к

¹⁹⁸ Юдин В.П. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.) // Утемиш-хаджи. Чингизнаме / Факсим., перевод, транскрип., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Подготов. к изд. Ю.Г. Барановой. Коммент. и указат. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – С. 76–82.

¹⁹⁹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – 288 с.

военным событиям начала монгольской экспансии на запад С.М. Ахинжанов²⁰⁰.

В научном творчестве А.Ш. Кадырбаева²⁰¹ специальные разделы посвящены роли воинских контингентов из числа тюркских и асских рекрутов, набранных с территории Золотой Орды и служивших в монгольской армии на Дальнем Востоке.

На Масановских чтениях в 2009 году многие авторы продемонстрировали эволюцию взглядов на роль кочевников в мировом развитии. В докладе “Кочевники и динамика земледельческих цивилизаций” (Дальневосточное отделение РАН) отмечено, что в быстром (с исторической точки зрения) распространении колесниц, черной металлургии, осевого времени (общая история человечества), стремян, тяжелой кавалерии и артиллерии огромна и очевидна роль кочевников²⁰².

Любая система имеет периоды роста и кризиса. Так, увеличение численности населения приводит к повышению нагрузки на ресурсы и росту цен. Параллельно с этим увеличивается элита (численность государственного аппарата). Богатые всегда стараются не платить налоги и, если у них это получается, возрастает давление на средний слой, потому что бедные объективно платить не могут, а потом наступает кризис.

Хотя Н. Крадин привел тезис “случайность в мировой истории опровергает все тенденции, все закономерности”, сам он все-таки специализируется на различных моделях и статистике. Например, в силу того, что кочевая элита имеет тенденцию к полигамии, эта ее особенность наряду с надель-

²⁰⁰ Ахинжанов С.М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 326–335.

²⁰¹ Кадырбаев А.Ш. Тюрки в Монгольской империи Чингисхана и его преемников. XIII–XIV века. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 38 с.; Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – 160 с.

²⁰² Научные чтения памяти Н.Масанова: Сб. мат. – Алматы, 2009.

ной системой (каждому сыну правителя – по улусу) приводила к жизни каждой династии в коридоре 3-4 поколений.

Математически это выглядит следующим образом. Если хан имел 100% ресурсов, то его сын (если их у него пять, а обычно было гораздо больше) – 20%. Внук основателя династии располагал 4% от ресурсов деда, а правнук – 0,8%. До праправнука на престоле никогда не доходило. Когда в 14 веке потомков Чингисхана изгнали из Китая в Монголию, то у многих чингизидов было всего по несколько десятков голов скота, зато высокие амбиции. Ресурсная же база не могла их выдержать. В итоге началась гражданская война, и большинство официальных потомков Потрясателя Вселенной в ходе нее погибло.

В результате небывалых завоеваний монголы объединили под своей властью весь комплекс сухопутных и морских торговых путей, фактически произведя средневековую глобализацию. Но как раз в силу созданного единства, появившаяся в 1331 году в Китае чума к 1348 году достигла Европы. Затем последовало резкое сокращение численности населения и “распад первой индустриальной системы”.

В ходе доклада В. Трепавлова (Институт российской истории РАН) была поднята проблема монгольского ига, хотя историк подробно ее не касался. Иго в том понимании, какое в него вкладывали русские идеологи-создатели, не существовало. “Русь была частью Золотой Орды, но несколько другого статуса, чем собственно улусные территории”, – считает В. Трепавлов. Вообще разностатусность и разнородность составных территорий являлись характерными чертами Золотой Орды.

Ханские ярлыки и дань (“выход”) в отношении русских княжеств не были чем-то унижительным. “Ярлыки – это часть инвестиции монголов, а не форма подавления”, – подчеркнул историк. Что касается дани, то город Хаджи-тархан, например, платил “выход” в 60 тысяч алтын, хотя и находился на территории доменного улуса великого хана. “Дань – это, скорее, государственный налог”²⁰³, – дал определение В. Трепавлов.

²⁰³ Научные чтения памяти Н.Масанова: Сб. мат. – Алматы, 2009.

Целенаправленное исследование военного дела кочевников, прежде всего, монголов началось в XIX в. в некоторых европейских странах (Франция, Германия). Из исследований западных ученых, имеющих отношение к теме, нужно отметить работу К. Д'Оссона, последовательно излагающего военно-политическую историю монголов, показывающего ведущую историческую роль Чингиз-хана.

Историографическим событием первой половины XX в. считается единое концептуальное исследование евразийской истории монгольской эпохи, включая и военное дело кочевников Центральной Азии, французского ориенталиста Р. Груссе²⁰⁴, выдержавшее несколько переизданий. После прихода в Германии к власти национал-социалистов в 1930–1940-е гг. стали выходить политизированные популярно-публицистические описания М. Правдина, Дэрса, Ф. Таубица, Л. Петри, Х. Аубэн о завоеваниях монголов и Чингиз-хана²⁰⁵. Одной из самых удачных зарубежных работ по Золотой Орде следует считать книгу немецкого востоковеда Б. Шпулера²⁰⁶, впервые выпущенную в 1943 г. и доказательно объясняющую, что история русских княжеств XIII–XIV вв. — это органичная часть золотоордынской истории.

Стратегия и тактика средневековых монгольских армий притягивает взгляд не только военных историков, но и является предметом преподавания в таких знаменитых военно-учебных заведениях мира, как французское Сен-Сир, американское Вест Пойнт. В работах англоязычных исследо-

²⁰⁴ Grousset R. L'Empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. — Paris: Editions Payot, 1965. — 648 p.

²⁰⁵ Prawdin M. Tschingis-Chan. Der Sturm aus Asien. — Stuttgart-Berlin, 1934. — 237 S.; Ders. Das Erbe Tschingis-Chans. — Stuttgart-Berlin, 1935. — 295 S.; Taubiz F. Die Mongolenschlacht bei Wahlstatt am 9. April 1241 // Schlesische Geschichtsblätter. Mitteilungen des Vereins für Geschichte Schlesiens. — 1931. — № 3. — Breslau, 1931. — S. 57–68; Petry L. 1241: Schlesien und der Mongolensturm. — Breslau, 1938. — 64 S.; Aubin H. Die Schlacht auf der Wahlstatt bei Liegnitz am 9. April 1241. — Breslau, 1942. — 28 S.

²⁰⁶ Spuler B. Die Golden Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2. erweiterte Auflage. — Wiesbaden, 1965. — 638 S.

вателей, таких как Дж. Саундерс, Л. де Хартог, Т.Т. Оллсен, Д.С. Бенсон, Д. Райт²⁰⁷, военная история кочевников-монголов нашла дальнейшее отражение и рассматривается на масштабном историческом фоне Средневековья.

Дж. Чамберс считает, что монгольская армия была близка по боевым характеристикам к вооруженным силам XX в.²⁰⁸. Американская исследовательница Д. Питтард отметила, что монгольская военная машина XIII в. – это вооруженная сила, которая в развитии оперативного искусства далеко опередила свое время²⁰⁹.

Таким образом, при ознакомлении с имеющейся литературой по военному делу кочевников можно констатировать, что на данный момент военно-историческая проблематика наиболее энергично разрабатывается преимущественно археологами, оружиеведами и искусствоведами. В этой связи, чтобы это направление получило новое качественное наполнение в современном востоковедении, есть необходимость систематизировать и объединить полученные многолетние практические результаты и теоретические наработки всей совокупности ведущих разделов военного дела кочевников Евразии.

²⁰⁷ Saunders J.J. *The History of the Mongol Conquests*. – New-York, 1971. – 275 p.; de Hartog L. *The Army of Genghis khan* // *Army Quarterly and Defense Journal*. – Vol. 109. – 1979. – P. 476–485; Allsen Th. T. *Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237* // *Archivum Eurasiae medii aevi*. – 1983. – № 3. – P. 5–23; Benson D.S. *Six Emperors: Mongolian Aggression in the Thirteenth Century*. – Chicago, 1995. – 332 p.; Wright D.C. *The Mongol General Bayan and the Massacre of Changzhou, 1275* // *Altaica VII. Institute of Oriental Studies*. – Moscow: Akademiya Nauk, 2002. – P. 109–121.

²⁰⁸ Chambers J. *Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe*. – New-York: Atheneum, 1979. – 190 p.

²⁰⁹ Pittard Dana J. M. *13th Century Mongol Warfare: Classical Military Strategy of Operational Art?* / *School of Advanced Military Studies, United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth*. – Kansas, 1994. – 53 p.

2.2 Исторические исследования военной структуры казахского общества

Военная организация казахов стала непосредственным отражением социально-политической структуры казахского общества и являлась аналогичной военно-организационной модели кочевых обществ. Хану, помимо военной власти, принадлежало право распоряжения кочевьями. Так, В.В. Вельяминов-Зернов приводит свидетельство Мухаммед-Хайдара, который рассказывая о свидании хана Касима с моголистанским ханом Султан-Саидом, отмечает, что казахи по распоряжению Касима двинулись на зимовки. Это было вызвано, однако, не только хозяйственными соображениями с учетом условий кочевания, но и соображениями, обусловленными внешнеполитической обстановкой, о чем говорит ответ Касима моголистанскому хану: «Казахи как жители степи должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует». Таким образом, Касим отклонил предложение Султан-Сайда продолжать в союзе с ним войну с узбеками. Позднее, когда союзнические отношения с моголистанским ханом сменились отношениями враждебными, Султан-Сайд, узнав о намерении преемника Касима – хана Тагира утвердиться в Моголистане, перевел своего сына Рашид-султана и всех своих монголов в Кашгар²¹⁰. Это один из примеров массовой перекочевки, вызванной серьезными осложнениями внешнеполитической обстановки, причем выбор нового места решила воля того, кто пользовался правом распоряжения кочевьями. Это право расширяло сферу воздействия власти хана и во внутривнутриполитических отношениях. В ответственные моменты межплеменных войн (например, в борьбе с Джунгарией) и определялась роль военачальника (хана) как племенного вождя, который должен был сплотить

²¹⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748-1765). – Уфа, 1853. – 187 с.

родовое ополчение и быть примером личной отваги. Но эта сторона ханской власти выступала на первый план лишь в чрезвычайных обстоятельствах. «Хан оказывался нужным, – пишет П. Румянцев, – а потому влиятельным и властным только в случаях крупных военных предприятий... Тогда хан объединял под своей властью массы народа»²¹¹.

А.А. Росляков отмечает, что в XIV-XVI веках «Массовое родоплеменное ополчение отступает на второй план, оттесняемое дружинами: казахские толенгуты»²¹². Из дореволюционных авторов о толенгутах упоминает С. Броневский, который писал: «Некоторые же султаны живут с несколькими слугами своими тюленгутами»²¹³. Толенгуты обычно сопровождали хана или султана во время их разъездов по степи. О том, что толенгуты, как личная свита сопровождали султана Нуралы, отправившегося к хану Абулхаиру в Аральское владение в 1740 году, упоминает бывший вместе с ним поручик Д. Гладышев²¹⁴.

О том, что толенгуты сопровождали также послов (биев и батыров) и широко использовались при исполнении различных дипломатических поручений, сообщает и М. Тевкелев. Так, он описывает, что хан Абулхаир отправляет к царскому двору батыра Беке со своим служителем. Хан Семеке намерен был послать к царскому двору тюленгута Кулбака»²¹⁵.

Толенгуты нередко пользовались особым доверием хана и выполняли ответственные поручения. Абулхаир некоторых своих толенгутов использует в конспиративных сношениях с

²¹¹ Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – СПб., 1910. – 163 с.

²¹² Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV вв. – С.17.

²¹³ Броневский С.Б. Записки генерал-майор Броневского о киргизкайсаках Средней Орды // Отечественные записки». – 1830. – Ч. 42. – С. 82-97.

²¹⁴ Докладная записка Д. Гладышева, 1742 г. Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сб.1 (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.). – М.– Алма-Ата, 1935. – 299 с.

²¹⁵ Доношение Тевкелева в Колл. ин. дел 5 янв. 1732 года // «Красный архив». – 1936. – № 5 (78). – С. 36-45.

М. Тевкелевым по приезде его в ханскую ставку. В «Журнале» М. Тевкелева рассказывается о том, что Абулхаир тайно посылал своего служителя к Тевкелеву с просьбой, чтобы он возможно скорее присылал свои товары для подарков старшинам. В другой раз тюленгут Абулхаира Байбек-Аглюк тайно сообщил М. Тевкелеву о появившихся в казахских владениях «возмутителях», посланных от калмыцких тайшей, которые призывали «воевать русские города»²¹⁶.

Толенгуты использовались также и в качестве сборщиков дани. С. Броневский пишет об этих обязанностях толенгутов следующее: «Они кочуют при своих владельцах и везде за ними следуют, составляя свиту султанов при разъездах по подведомственным волостям». Во время этих разъездов тюленгуты вносили натуральные сборы²¹⁷. Имеются указания на то, что толенгуты участвовали при разборе султанами различных тяжёлых дел и исполняли в некоторых случаях судебные решения. «Взыскание с виновных, — пишет С. Броневский, — отнюдь не приведется в исполнение, если султан бессилён»²¹⁸.

Толенгуты использовались также для наказания провинившихся. В источниках имеются некоторые указания на то, что батыры имели в своем распоряжении «служителей», которые, однако, толенгутами не были. Провожать обоз М. Тевкелева в Россию должны были отправляемые Абулхаиром «ханской человек» и «служитель Букенбая»²¹⁹. «Того же числа (20 ноября 1732 г.) приехал к переводчику Тевкелеву от уфимского воеводы полк. Кошелева с письмами Уфимского уездного жителя Борец, и с ним приехали двое киргиз-кайсаки из Уфы; один ханской человек, а другой служитель Букенбая-батыра,

²¹⁶ «Журнал» Тевкелева, Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1 (V в. до н.э. — XVIII в. н.э.). — М.-Алма-Ата, 1935. — 299 с.

²¹⁷ Броневский С.Б. Записки генерал-майор Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. — С.84.

²¹⁸ Броневский С.Б. Записки генерал-майор Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. — С.88.

²¹⁹ «Журнал» Тевкелева. — С.121.

которые были от хана и от Букенбай-батыра отправлены из Киргиз-кайсацкой орды... провожать переводчика Тевкелева обоз». В «Журнале» П. Тевкелева рассказывается, как во время одного набега на обозы Тевкелева люди Букенбая, подошедшие на помощь его башкирам, отогнали противников²²⁰. По-видимому, такие крупные батыры, как Букенбай, Есет и Джаныбек, положение которых было «не ниже хана», имели при себе и личную дружину. Это было одним из оснований той уверенности Букенбая, с которой он обещал М. Тевкелеву привести в подданство казахов «в три года саблею».

Возникает вопрос о происхождении толенгутов и о социальном составе этой группы казахского общества. По этому вопросу высказывались различные суждения. С. Броневский приравнивает толенгутов как личных слуг хана и султанов к положению рабов. Он говорит о происхождении их из среды того ясыря, который захватывался у бухарцев, ташкентцев, каракалпаков, башкир и калмыков²²¹.

Противопоставляя рабам этих «прислужников ханских и султанских», А.И. Левшин считает, что они «принадлежат к простому народу и пользуются одинаковыми с ним правами»²²². В том же роде высказывался и Г. Загряжский, который считает толенгутов «отбившимися от своего рода служителями хана и султанов, которые представляли собой, скорее, вооруженную дворню, чем крепостных»²²³. А.М. Красовский считал толенгутов крепостными²²⁴. Разноречивость этих суждений объясняется не только тем, что в институте толенгутизма остается еще целый ряд моментов, не освещен-

²²⁰ «Журнал» Тевкелева. – С.75.

²²¹ Броневский С.Б. Записки генерал-майор Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. – С.96.

²²² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб.: Тип. К. Крайла, 1832. – 656 с.

²²³ Загряжский Г. Юридические обычаи киргизов // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. – СПб., 1876. – 168 с.

²²⁴ Красовский М. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов. Т. I-III. – СПб., 1868. – 187 с.

ных источниками, но и тем, что социальный состав толенгутов не был однородным. Последнее указано в исследованиях М. Вяткина²²⁵. Значительную часть толенгутов составляли «простые люди», незнатные по происхождению. Очень интересные указания в этом отношении имеются у Н. Гродекова. «Туленгуты были клиенты и джигиты из бедных, служивших у тюрей и усыновленные ими»²²⁶.

В 1948 г. вышла книга Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России». Ее же перу принадлежит книга «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в.» (1960 г.) и ряд других исследований. В контексте нашего исследования представляет большой интерес ее мнение о толенгутизме. Так, она считала, что «тюленгутизм представляет собою один из тех видов личной зависимости, который вырастает на почве патронатных отношений, причем эти последние маскируют эту зависимость различными способами. Здесь имеет место усыновление, надел имуществом («инчи»), оплата калыма, содержание (пропитание)»²²⁷.

Приобретались толенгуты и в том случае, когда требовалось обеспечить сохранность стад. По свидетельству Д. Зобнина, «Многие искали сего звания, и на скот свой налапали султанскую тамгу»²²⁸. Также толенгуты приобретались путем оплаты султанами взысканий по судебным решениям за несостоятельных ответчиков, последние, воспользовавшись покровительством султана, становились его служителями. Такие толенгуты не могли по своей воле переходить от одно-

²²⁵ Вяткин М. Тюленгуты в XVIII веке // Известия КазФАН СССР. — 1940. — Вып. I. — С. 19-29.

²²⁶ Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. — Т. 1. — Ташкент, 1889. — 298 с.

²²⁷ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 456 с.

²²⁸ Зобнин Д. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи. //Памятная книжка Семипалат. обл. на 1901 год. — Вып. VI. — С. 42-49.

го султана к другому. По мнению Д. Зобнина, зависимость толенгута от хана или султана не была безусловной. Толенгуты могли по тем или иным обстоятельствам, по своему желанию уйти от хана или султана. Более тяжелой эта зависимость была для тех толенгутов, которые, оторвавшись от своих родов, получали усыновление. Степень зависимости толенгутов определялась в значительной мере социальным положением их. Толенгутов можно было покупать, продавать и передавать в наследственное владение²²⁹.

В то же время для некоторых служителей хана звание толенгутов было почетным. Н.А. Аполлова считала, что «Роль тюленгутов как личной дружины говорит за то, что институт тюленгутизма представлял собой одно из явлений вассалитета, который имеет аналогию, например, в институте нукеров (дружинников) у монголов (Дальнейший процесс развития тюленгутизма в начале XIX века идет в направлении сближения положения тюленгутов с положением крепостных). Выступая в такой роли, тюленгуты являлись опорой власти хана и султанов. Но в большинстве случаев личная дружина хана не могла обеспечить устойчивости ханской власти, прежде всего потому, что авторитет хана как вождя имел место только в условиях войны. В мирное время выступала на первый план роль его как крупного феодала — «главного владельца». Кроме того, разнородность социального и этнического состава личной дружины хана и неустойчивость ее материальной базы не могли обеспечить ее классовой сплоченности, особенно в условиях первой половины XVIII века, когда такую крупную роль играли бии и батыры»²³⁰.

Современные исследователи военного дела казахов чрезвычайно высоко оценивают военную структуру каза-

²²⁹ Зобнин Д. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи. — С.43.

²³⁰ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. — С.234.

хов. Так, А.К. Кушкумбаев отмечает: «Верховным главнокомандующим объединенных военных ополчений становился один из ханов, избравшийся на высшем военном совещании кочевой знати. Избрание на эту должность зависело от заслуг, личных качеств кандидата, его популярности и политического влияния. Хан выполнял задачу главного (центрального) организатора, руководителя и координатора военных действий. Султаны и батыры составляли верхнее и среднее звено военной иерархии и непосредственно возглавляли воинские соединения». При этом А. Кушкумбаев считает, что традиционный для кочевых обществ Евразии десятичный военно-организационный принцип разделения вооруженных сил не получил широкого распространения в военной структуре казахов. По его мнению, этот принцип, неоднократно фиксируемый в источниках в период военной консолидации, носил в целом эпизодический и кратковременный характер. Причиной этого, как считает А. Кушкумбаев, является то, что «такая военная система показывала свою эффективность только тогда, когда существовала сильная центральная власть»²³¹.

По свидетельству Рузбехана, казахское ханство XVI-XVII вв. делилось на улусы, где «есть свой полновластный султан из потомков Чингис хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности»²³². По мнению, Т.И. Султanova, каждый улусный султан был, прежде всего, политическим правителем с правом управления улусом и командой, улусным войском²³³. Т.К. Алланиязов полагает, что на основе этих данных можно судить о структуре и военной организации казахов в рассматриваемый период. «В определенные

²³¹ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – Алматы, 2001. – С.106.

²³² Рузбехан. Михман-намэ и Бухара // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент, 2003. – 180 с. – С. 94-115.

²³³ Султанов Т.И. Сословие султанов в Казахском ханстве в XVI-XVII вв. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). – А-Ата: Наука, 1981, 179 с.

периоды верховный хан мог быть главнокомандующим всех вооруженных сил казахов. Осуществлять руководство военными действиями хан мог либо непосредственно, либо через своих подчиненных. В случае, если военные мероприятия не носили государственного характера, походы могли возглавлять султаны или прославившиеся батыры. Военная организация казахов в этот период представляла собой структуру с относительно большой автономией отдельных звеньев»²³⁴. А. Кушкумбаев же считает более важной роль батыров в структуре казахского войска. И здесь, его взгляды совпадают с мнениями более ранних исследователей социально-политической структуры казахов, таких, как Н.Г. Аполлова, В.Я. Басин. Все они полагают, что ведущую системообразующую роль внутри военной организации казахов занимал особый военный институт – батырство. «Продолжительные вооруженные столкновения и перманентная угроза внешней агрессии XVII-XVIII вв. детерминировали преобладание в военно-политической сфере жизнедеятельности казахского общества многочисленной дееспособной группы батыров – руководителей ополчения. Такое положение, во-первых, объясняется тем, что батыры (профессиональные воины) выступали носителями и хранителями боевого опыта и военных традиций кочевников. Во-вторых, только такие «военно-полевые командиры» могли организовать боееспособные вооруженные отряды и действовать в экстремальной, неожиданно меняющейся военной обстановке. В-третьих, ханы и султаны, решая свои внутри-, внешнеполитические проблемы, опирались на военную помощь и политическую поддержку известных батыров. Сила и могущество хана обуславливались знаменитостью и численностью поддерживающих его батыров»²³⁵.

²³⁴ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – Алматы: Фонд «XXI век», 1998. – 140 с. – С.69.

²³⁵ Кушкумбаев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. – С.17.

О роли батыров в казахской военной организации, по мнению Н. Аполловой, свидетельствуют факты, когда даже ханы особенно отмечали свои военные заслуги, позволявшие им именоваться батырами. Так, она приводит в пример следующий исторический факт. «В одном из своих писем к имп. Елизавете Петровне Абулхаир пишет: «От высокопочтенного Абулхаир воина и батырь хана». В некоторых своих письмах, как, например, к сыну своему султану Коз-Ахмету, состоявшему в аманатах, Абулхаир подписывался следующим образом: «Абулхаир Мухаммет Газы багадур хан». Эта подпись означала полное имя Абулхаира, где было отмечено словом «багадур» почетное звание, которое закреплялось за тем, кто сумел быть отважным воином и выдвинулся своими военными заслугами. Это не единственный пример того, как действенны еще были функции вождя, и как высоко расценивалась эта роль хана в условиях напряженной внешнеполитической обстановки, если он являлся активным участником борьбы с опасным врагом»²³⁶.

И.В. Ерофеева в своих исследованиях значительное внимание уделяет батырам, которых она определяет как военных вождей и считает батырство особым социальным институтом. Так, она пишет: «Большое социальное и политическое влияние в казахском обществе в период XVIII – первой половины XIX в. имела социальная группа батыров – военных вождей»²³⁷. При этом она полагает, что тюркско-монгольские слова «батыр», «багатур», «бахадур» еще в XIV в. проникло в русский язык. Русское слово «богатырь» И. Ерофеева считает калькой тюркского.

Кардинальные (всеказахские) проблемы, связанные с войной и обороной, решались на больших ежегодных съездах представителей жузов. Самым широким по своему составу

²³⁶ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.204.

²³⁷ Ерофеева И.В. Политическая организация кочевого казахского общества. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st15erofeeva.htm>

ву было так называемое «великое собрание», которое в русских источниках называется также сеймом. Оно созывалось в исключительных случаях – во время серьезных осложнений внешнеполитической обстановки, когда требовалось избрание вождя и решительный отпор врагу. Такое собрание было созвано в «годы великого бедствия» для избрания Абулхаира предводителем объединенного ополчения трех жузов. «Если они хотят идти сильными партиями, – пишет П.С. Паллас, – или действительно настанет война, то бывают у них большие собрания для совета и выбирают одного из старшин или начальников себе предводителем»²³⁸.

Некоторые интересные детали о таких собраниях сообщает А.И. Левшин. При обсуждении вопросов, относящихся к хозяйственно-политической жизни всех жузов, «они принимают вид сеймов». В них участвовали родоначальники, все старшины и батыры, которые обсуждали свои дела в присутствии народа. В течение нескольких дней происходили совещания, протекавшие в спорах и обсуждениях. После долгих прений составлялось «общее положение», которое объявляли присутствующему на собрании народу. Собрание не выносило никакого решения, когда разногласия приводили к ссорам. Тогда разъезжались по домам, «не сделав ничего, кроме шума»²³⁹. Одновременно, помимо этих общекзахских совещаний, в локальных племенных группах в случае угрозы нападения противника при подготовки военного набега действовали свои постоянные (экстренные) собрания, на которых старейшины и руководители родов согласовывали практические военно-мобилизационные мероприятия.

Интересным для исследователей является вопрос о численности казахского войска. Так, А. Кушкumbaев по этому поводу

²³⁸ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1773. – Ч. I. – С. 579.

²³⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – С.175.

считает: «Касаясь вопросов численности казахского войска в этот период, приходится констатировать, что имеющиеся источники предоставляют весьма противоречивые сведения. Как нам представляется, казахский хан, отправляясь в поход, собирал в среднем 10-15 тыс. воинов, а объединенное войско составляло приблизительно 60-80 тыс. человек, что представляло тяжелую дополнительную нагрузку на кочевое хозяйство»²⁴⁰.

Данные о численности казахского войска приводят среднеазиатские источники. Так, в историческом сочинении «Мехман-наме и Бухара» описывается, что казахские ханы обладали многочисленными военными силами. «В настоящее время главным ханом у казахов состоит Бурундук-хан родом из узбеков. Говорят, если Бурундук-хан отдаст приказ казахскому улусу, то быстро может мобилизовать до 40000 вооруженной конницы. У них много вооружений и продовольствия, лошадей много; их они пасут на яйлаках и при кишлаках»²⁴¹.

М. Тевкелев определил численность военных сил казахов следующим образом: «А в двух ордах средней и меньшей на конь сядут в нужное время вдруг со сто с тридцать тысяч человек, а в резерве останется в запас еще столько же военных людей»²⁴².

В.В. Вельяминов-Зернов указывал, что по свидетельству Мухамед-Хайдара: «Говорят, что между казацкими ханами и султанами не было никого, кто бы в том улусе, был так могущественен, как Касим-хан; войска у него считали до 300 тысяч»²⁴³.

А известный казахстанский историк В.Я. Басин проанализировав архивные документы сообщает следующие данные о численности военных сил казахов. Так, он сообщает, напри-

²⁴⁰ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.96.

²⁴¹ Рузбехан. Михман-намэ и Бухара. – С.86.

²⁴² Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – 1762. – С.129.

²⁴³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – 190 с. – С.112.

мер такой факт, что «Тауке, желая подчеркнуть могущество Казахского ханства, заявил русским послам: «Я стал бог здрав, в 80 тысячах» войска своего»²⁴⁴.

В.Я. Басин также подчеркивает, что «На широком народном собрании в самый острый момент борьбы с Джунгарией вождем крупного ополчения был избран Абулхаир. Роль хана-вождя выступала на первый план, когда этого требовала реальная обстановка, ставившая задачи обороны от опасного врага или осуществления завоевательных планов. Ханы или сами совершали походы, возглавляя крупное войско, или посылали воевать кого-либо из султанов, сыновей своих. (Походы Тевеккеля на Бухару во главе 70-80-тысячного войска, Тауке на Ташкент, Абулхаира — на Хиву и др.)»²⁴⁵.

Военная помощь хану в таком случае была одной из форм вассальных отношений, и он мог требовать ее на правах сюзерена. По мнению В.Я. Басина, «таким положением было обусловлено заявление Абулхаира о том, что он «по приказу хана Каина калмык воевать готов». Далее он приводит пример, как происходила подготовка и организация крупных военных походов. В.Я Басин, на основе анализа документов из «Киргиз-кайсацких дел» пишет следующее: «Примером того, во что выливалась военная помощь в крупных походах и как она была организована, может служить подготовка большого похода в 1738 году в верховья реки Кумы, на улусы калмыцкого хана Дондука Омбо, когда по приказу хана Абулхаира было собрано войско в количестве 22.800 человек. Это войско составлялось из отдельных ополчений, собранных батырами. Джаныбек представил войско в количестве 10.400 чел., султан Батыр — 1033 чел., батыры Есет, Букенбай и Алтай — 2000 чел.»²⁴⁶.

²⁴⁴ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 240 с. — С.86.

²⁴⁵ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. — С. 88.

²⁴⁶ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. — С.92.

Исследователи Н. Аполлова, В. Басин считали, что требовать военной помощи хан мог от своих ближайших вассалов-султанов и от представителей военной знати – батыров. По их мнению, таким образом использовались и родственные связи. А, кроме того, с расчетом на военную помощь и с целью укрепления вассальных отношений заключались и дипломатические браки. Также Н. Аполлова упоминает и другие формы военной помощи. Анализ архивных документов дал ей возможность говорить о существовании военного сотрудничества. «В других случаях имело место военное сотрудничество, причем поход совершался двумя крупными отрядами с равным количеством войска под начальством двух или трех батыров (например, поход батыров Кошкара и Тюлепа на калмыцкие улусы в 1737 году, из которых первый во главе 100-тысячного войска пошел к Астрахани, а второй с таким же войском – к Черному Яру)»²⁴⁷.

В условиях напряженной внешнеполитической обстановки XVII и первой половины XVIII века были серьезные основания к тому, чтобы выросла роль хана как вождя, которому нужны были и войско и военная помощь его вассалов. В самый острый момент борьбы с Джунгарией, когда хан должен был возглавить крупное ополчение, роль его стала еще более ответственной, так как перед ним стояла задача сохранения целостности и независимости Казахского ханства. Отдельные сведения о численности казахских войск имеются в документах, относящихся к истории русско-казахских, русско-калмыцких отношений. Так, в «Памятниках Сибирской истории» имеются документы, в которых некий Брянцев, посланный в казахские владения для разведывания о войне казахов с калмыками, в своей отписке сибирскому губернатору Гагарину весной 1718 года сообщал, что «ходило на калмык их казачьи войска 30 тыс. человек... и были при реке, зовимой Ангус»²⁴⁸. Губер-

²⁴⁷ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.231.

²⁴⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. – Новосибирск, 1968. – Т. II. док. – № 41. – С. 157.

натор Оренбургской области И.И. Неплюев в одном из своих донесений в Сенат от 14 янв. 1744 года так определил военные силы Младшего и Среднего жузов: «По рассуждению от Оренбургской комиссии, усмотренного их состояния, по их природной к войне склонности, мнится, что при случае генерального их к войне предвосприятия... легко может собраться в обеих тех ордах, т. е. Средней и Меньшей до 300 тысяч человек и более дельного люду с огненным ружьем»²⁴⁹. Начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов полагал, что у казахов может собраться до 80 тысяч войска. Н. Рычков и П.С. Паллас пишут о том, что войско, которым располагал хан во время своих походов, представляло собой родовое ополчение. Оно состояло из боеспособной части населения. В условиях степной войны в снаряжении войска лошади играли крупную роль. Каждый воин, отправляясь в поход, должен был взять с собой 3 или 4 лошади, которых до похода старались не утомлять верховой ездой. Одна из них была предназначена для воина-всадника, другие — для подвозки груза — снаряжения и продуктов, необходимых в пути²⁵⁰.

Эти же исследователи отмечали, что военачальником был или сам хан, или один из его султанов. Большое войско, совершавшее крупные походы, разделенное на 4 партии (отряды), возглавлялось обычно двумя военачальниками. Но во главе каждой из них могли быть и три представителя из военной знати (батыры), которые участвовали в походе со своим войском. Хан как вождь ополчения имел свое ханское знамя, захват его во время сражения был свидетельством победы. Ханы и султаны имели свой боевой клич, называемый словом «акар», которого не могли употреблять рядовые воины, составлявшие ополчение. А.И. Левшин указывает, что у каждого рода, участвовавшего в ополчении, было свое боевое знамя. Это зна-

²⁴⁹ Памятники Сибирской истории XVIII века. — Новосибирск, 1968. — Т. II. — док. — № 41. — С. 321.

²⁵⁰ Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. — СПб., 1772. — 297 с. — С. 23—34.

мя в мирное время бережно хранилось. Его вывозили только на войну. У воинов, участвовавших в походах, были, кроме того, значки одинакового цвета со знаменем. Значками служили также платки, ленты и лоскутки материи того же цвета, которые навязывались на руки. По ним отличали свои войска от войска противника²⁵¹. Вместе с родовым знаменем боевые кличи отмечали и те родовые деления, которые составляли ополчение. Подтверждением этого служит тот факт, что воины одного и того же рода имели свой боевой клич («уран»), которым обычно начинали сражение. Объясняя происхождение слова «уран», Н. Гродеков указывает, что боевой клич состоит из названия предка 7-10-го колена. Кличем служило также имя какого-нибудь аксакала. Существовали общие ураны всех трех жузов, затем ураны каждого отдельного жуза и, наконец, ураны отдельных родов, входящих в состав жузов Общей уран Младшего жуза, по Торгаю – Устаны; по Александрову – Тулпар; Среднего – Кундузи; Старшего – Бухари. Боевые кличи Младшего жуза, рода Шекты – Аиртау, рода Тама – Карабура, рода Сунак – Ходжа-Ахмет и др. Среднего жуза, рода Кыпчак – Уйвас, Нейман – Каппгагай и др.²⁵² Эти ураны закрепляли боевую солидарность отдельных родов.

Н.Г. Аполлова, оценивая военные силы казахов, приводит архивные документы. Так, она пишет: «Русский казак Кобяков, посланный из Тобольска боярином С. Салтыковым к Тауке для выяснения причин набегов казахов на слободы Тобольского уезда, в своих «распросных речах» в Сибирском приказе рассказал о том, что у хана Тауке «под владением... казачьих городов 25, в которых живут торговые бухарцы». При этом Кобяков отметил: «А города у них, Тевкихана, все сделаны из сырого кирпичю... А всего их, воинских людей, будет с 20.000 человек, да каракалпаков 6.000 человек, которые кочу-

²⁵¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – С.151.

²⁵² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. – С.1-4.

ют по Сыру реке... А хлеб у Тевкихана родитца многое число, пшеница и ячмень и проса... А рогатова скота и коров у них, казахов, нет, и баранов, и овец, и лошадей, многое число, а питаютца скотом»²⁵³. Интересны некоторые детали в этой характеристике владений Тауке, в частности сведения о количестве воинских людей. Пользуясь привычной русской терминологией, Кобяков, к сожалению, не показывает социального положения тех, кого он называет воинскими людьми. В массе своей это, очевидно, боеспособная часть родового ополчения, имевшая оружие и изготавливавшая боеприпасы (порох) своими средствами. Н.Г. Аполлова сообщает, что по данным Кобякова «большого ружья, пушек, и иных в городках у Казачьей срды нет, а мелкого ружья доброго многое число. И то ружье они, каракалпаки, и Казачьей орды люди покупают в Бухаре, а порох делают у себя в городах». Казак Сартов в своих распросных речах также отметил, что свинец и порох казахи покупают в городе Теркестане²⁵⁴. В.Я. Басин отмечает, что сведения Кобякова о воинских силах казахов подтверждаются другими архивными документами, в которых приводятся свидетельства неких Скибина и Трошина. Так, В. Басин сообщает: «Пробираясь к Туркестану в улусы Тауке, они идут «тайной дорогою, чтоб в улусах не быть и на воинских людей не наехать», однако два раза подвергаются преследованиям воинских людей, сначала у Ишимского брода, а затем в районе реки Сары-Су. (Скибиным отмечен также караул на пути через реку Чу, у выхода на калмыцкую дорогу). В военной схватке с ними царские послы, дойдя «отходным боем» до реки Сары-Су, вынуждены были укрепиться в засаде. «И те воинские люди нам говорили, — рассказывает Скибин, — им де то не дорого, что пожитки наши и скот они пограбили,

²⁵³ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.144.

²⁵⁴ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.148.

надобны им головы наши»²⁵⁵. Также исследователи А. Кушкумбаев и Т. Алланиязов считают, что расположение кочевий воинских людей вблизи городов и в улусах Тауке может быть объяснено, если учесть ту сложность и напряженность внешнеполитической обстановки, в которой оказалось Казахское ханство в конце XVII и начале XVIII веков (постоянная угроза Джунгарии). Особенно важно было сосредоточить военные силы на подходах к богатым районам Семиречья, куда направлялся основной натиск джунгар. А в статье в сборнике, посвященном В.В. Бартольд, указывалось: «К владениям Тауке примыкали кочевья батыров знатных родов. На восток от г. Туркестана, где находилась ханская ставка, между реками Талас и Арыс, по реке Боролдаю и на склонах Каратаусских гор были расположены кочевья Джомарта, одного из крупных батыров поколения Садыр, сильного рода Найман Среднего жуза. К югу от Туркестана по реке Чирчику располагались кочевья другого батыра — Борте из рода Найман-Матай»²⁵⁶.

Важное значение для военной организации казахов имело то, что хан Тауке установил регулярные осенние собрания. Одна из статей его «законов» гласит: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных». Другая статья «законов» требует, чтобы ни один человек не являлся на собрание иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места, указывал А.И. Левшин²⁵⁷. Это постановление, прежде всего, открывало возможность участия в собраниях представителей военной знати (батыров), а также тех воинских людей, которые составляли боеспособную часть на-

²⁵⁵ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. — С.72.

²⁵⁶ Ак-табан-шубрынды - Великие бедствия и великие победы казахов: Сборн., посв. В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927. — С. 59-65.

²⁵⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — С.175.

селения улусов Тауке, его родовое ополчение. Наличие оружия, дающего право голоса, определяло и активную роль их в этих собраниях. Вместе с тем это мероприятие было смотром военных сил государства. Т.К. Алланиязов сообщает: «В народных преданиях сохранились воспоминания о том, что ежегодно «осенью собирались бии в ставке Тауке – «Ханабад», на холме-Куль-Тобе, на левом берегу реки Ангрэн, в 40 верстах на юг от Ташкента, где и происходили в течение полумесяца народные собрания. О них говорилось: «Куль-тобенин басында кунде кенес»: то есть, «на Куль-тобе собрания происходят ежедневно». Здесь разрешались вопросы войны и мира, крупные межродовые споры и пр. В этом плане интересны все сведения, которые могли бы осветить обстановку народного собрания в Кара-Кумах, состоявшегося в 1710 году и представлявшего собой одно из знаменательных событий в жизни Казахского государства первой половины XVIII века, так как это собрание было вызвано серьезными осложнениями внешнеполитической обстановки и определило активную роль некоторых батыров в борьбе с Джунгарией»²⁵⁸.

Годы борьбы с Джунгарией, выдвинувшие Абулхаира в ряды вождя, сыграли значительную роль не только в его возвышении, но и в усилении авторитета батырства, военная помощь которого могла быть широко использована в условиях военно-феодальной власти хана. Общие интересы борьбы с сильным противником, с победами над которым открывались возможности возврата богатейших пастбищ в Семиречье, утраченных под натиском джунгар, были реальным стимулом для упрочения этих связей.

Н.Г. Аполлова в подтверждение военного могущества казахов цитирует В.В. Вельяминова-Зернова: «на арене в казахской степи появляется выдающаяся личность – хан Касым (1511-1523 гг.) – сын Джаныбека, который, по определению Мухамед-Хайдара, известного ученого на Востоке в XVI в., был «так могуществен, как никто не бывал после Джучи-ха-

²⁵⁸ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – С. 109.

на: число его войска превышало сто тысяч»²⁵⁹. А.И. Левшин приводит свидетельства посла к ногаям Даниила Губина, который доносил Ивану IV: «А казахи, государь, сказывают, добре сильны, ...Ташкент воевали, а ташкентские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казахи их побивали...» Этот же посол в том же году ставил в известность Ивана IV о том, что казахи силой оружия стремятся пресечь нападения со стороны Сибирского хана. Он еще раз подчеркнул, что казахи «сильны, и колмыки им предалися»²⁶⁰.

О военных силах казахов в период казахско-джунгарских войн сообщает И.Я. Златкин. Он указывает, что Тевеккель стал ханом после смерти своего отца Шигая. Он не только сбросил военную зависимость от бухарских владетелей, но и покорил Туркестан, Аксу, Андижан, Ташкент и Самарканд; дважды осаждал Бухару, при второй осаде был ранен и умер от ран в Ташкенте²⁶¹. А М. Ермагамбетов о военных победах и неудачах казахов при преемнике Тевеккеля Есима (1598-1623) сообщает: «Некоторые крупные султаны фактически стали независимыми от Есима. Есим предпочел прекратить борьбу с Бухарой, удовлетворившись наиболее важными для казахов завоеваниями. Он начал мирные переговоры с бухарским ханом Пир-Мухаммедом. Казахи отказались от Самарканда, но оставили за собой Ташкент и Туркестан»²⁶².

По сведениям Н.Я. Бичурина, в казахско-джунгарских войнах ситуация изменилась в пользу джунгар после появления в Джунгарии Галдан-Бошокту-хана (1644 – 1697 гг.), родного брата Сенге, который, опираясь на казахских владетелей, разгромил своих соперников и был объявлен джунгарским

²⁵⁹ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.204.

²⁶⁰ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – С. 244.

²⁶¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. – М., 1964. – С.161.

²⁶² Ермагамбетов М. Об источниках по истории дипломатических и международных отношений Казахстан // Известия АН КазССР. Серия историческая. – 1948. – Вып. I. – С. 96-104.

хунтайджи. Джунгария вернула себе утраченную в результате междоусобиц славу, которая была при его отце Батор-Хонь-Тайцзи. Иакинф Бичурин указывает, что новый хунтайджи «пополнил степное уложение, изданное отцом его...: составил новую систему феодального разделения земель, которым нарочито ограничил и власть, и силу прочих трех ханов ойратских»²⁶³.

В связи с вторжением в казахские жузы джунгар для казахов сложилось чрезвычайно тяжелое положение, которое достигло своей кульминации в 1723 г. Как известно, этот год вошел в историю как «Ақтабан шубрунды» («Великое бедствие»). Несмотря на тяжелые поражения, авторы XVIII века отмечают храбрость и героизм казахских батыров. Так, И. Гавердовский сообщает, что джунгарские войска во главе с Шуно-Дорба, сыном Цеван-Рабтана, нанесли сокрушительное поражение казахам. Несмотря на сопротивление казахов, которое возглавляли батыр Младшего жуза Тайлан, Среднего – Бокенбай (во главе объединенных казахских сил стоял отличившийся своей храбростью и полководческими данными Абулхаир), и победы казахов над джунгарами у речки Буланты (приток Сары-Су) в 1726 г. и к югу от озера Балхаш в 1729 г.²⁶⁴.

А.К. Кушкумбаев в своей монографии, характеризуя военную организацию казахов в период казахско-джунгарских войн, также отмечает роль казахских батыров и воинов в сохранении независимости казахского государства. Автор подробно характеризует развитие и уровень военного дела в Джунгарском ханстве. Его вывод заключается в следующем: «Западные монголы обладали заметным военным преимуществом в сравнении с Казахским ханством особенно по таким параметрам, как вооружение и единая военная структура. Такое соотноше-

²⁶³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб., 1834. – 410 с.

²⁶⁴ Гавердовский И. Обозрение киргиз-кайсацких степей // Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сб.1 (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.). – М.-Алма-Ата, 1935. – 299 с. – С.52-69.

ние в какой-то мере было обусловлено удобным природно-географическим месторасположением Джунгарии и, тем самым, выгодной военно-стратегической позицией ойратов. Относительно меньшая территория Джунгарии, плотность концентрации людского военного потенциала объективно создавали более сильные социоинституциональные связи в ойратском обществе. Собственное независимое производство вооружения и военного снаряжения, милитаризация практически всех сторон жизни общества, жесткое военно-потестарное управление, введенное ойратскими ханами, способствовали созданию жизнеспособной военной системы в Джунгарии. Несмотря на все эти обстоятельства, казахам удалось остановить джунгарскую военную экспансию и отстоять свою этническую территорию и политическую независимость»²⁶⁵.

Развитие историографии военной структуры казахского общества прошло сложный путь, от отдельных фрагментарных сведений, собранных авторами середины XVIII-XIX веков, до специальных работ А.А. Рослякова, предпринятых в 60-х годах XX века, и до комплексных исследований А. Кушкumbaева и Т. Алланиязова. Нельзя не отметить вклад Н. Аполловой и В. Басина, своими работами поднявших исследования военной организации и структуры казахского общества на серьезный научный уровень. И.В. Ерофеева в ряде своих работ детально рассмотрела вопросы социальной организации традиционного кочевого общества, выделив основные характеристики каждого социального слоя. Как и Н.Э. Масанов, само существование «разветвленной клановой системы» казахского общества И.В. Ерофеева связывает с особенностями кочевого образа жизни. Система генеалогического родства, считает исследовательница, выполняла важную идеологическую функцию и служила инструментом регулирования социальных отношений²⁶⁶. И. Ерофеева пи-

²⁶⁵ Кушкumbaев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — С.154.

²⁶⁶ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. — Алматы, 2007. — С. 52.

шет: «Сложившаяся на протяжении многих столетий социальная организация кочевников-казахов представляет собой сложную систему разнообразных объединений индивидов, возникающих на базе широкой общности экономических и внеэкономических интересов всего многообразного спектра человеческих взаимоотношений»²⁶⁷.

В начале XXI века проблемы преемственности государства у казахов являются одной из самых популярных тем. К. Ускенбай проявляет к этой проблеме особое внимание. В его работе «Прообраз казахского улуса (из этнополитической истории Ак-Орды)» прослеживается преемственность первого казахского правительства, основанного потомками Урус-хана Жанибеком и Кереем, появившегося на базе государственного объединения Восточного Дашт-и Кыпчака, управлявшегося потомками старшего отпрыска Джучи-хана Орды. К. Ускенбай утверждает: «На базе улуса Орды и его потомков формируется новое мощное правительство Ак-Орда, ставшее потом ядром Казахского ханства. Другими словами, становление и развитие казахской государственности, этническая и политическая консолидация населения Восточного Дашт-и Кыпчака — по существу, завершающий этап процесса формирования единой народности — приходится на XIV-XV вв. В указанный послемонгольский период Отечественной истории, в рамках будущей этнополитической местности Казахского ханства на базе монгольских улусов складываются страны Ак-Орда, Могулистан, Ногайская Орда, наиболее близкие политические, этнические и культурные предшественники Казахского ханства. Но основным из них обязано быть признано правительство Ак-Орда»²⁶⁸.

В последнее время особый интерес у исследователей вызывают проблемы, связанные с существованием и функционированием в условиях колониальной системы традицион-

²⁶⁷ Ерофеева И.В. Политическая организация кочевого казахского общества. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st15erofeeva.htm>

²⁶⁸ Ускенбай К. Прообраз казахского улуса (из этнополитической истории Ак-Орды).

ных институтов казахского кочевого общества, что выразилось в защите диссертационных исследований Ш.А. Андабекова, А.И. Оразбаевой, А.Х. Бикенова, Ж.М. Джампеисовой, А.К. Рахимбековой, М.С. Жакина, К.А. Алимжана, Г.Т. Музабалиной, Н.Л. Айткуловой²⁶⁹.

Современные казахстанские исследователи отметили высокий уровень военной организации казахского общества, доказали преемственность военной структуры, унаследованной и усовершенствованной в институтах военной власти казахских ханов. Тем самым был внесен значительный вклад в разработку проблем военного дела казахов, а вместе с тем и евразийских кочевников.

2.3 Историография кочевого военного искусства

Военное искусство кочевников Евразии являлось важным фактором развития военного дела в мире в период древности и средневековья. Однако сведения о его характерных чертах и особенностях в письменных источниках древних авторов очень лаконичны и фрагментарны. Проблемы военного дела и военной экспансии кочевников получили наибольшую разработку в исследованиях военно-политической истории гуннов и монголов, чьи завоевания оказали наиболее существенное влияние на ход истории Евразийского континента. Данная проблема поднималась такими учеными, как Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов и др. Но они рассматривали проблемы военного дела кочевников в общем контексте

²⁶⁹ Андабеков Ш.А. Билердің төтенше сьезі: оның құралымы мен билік шешімдері: тарих ғыл. канд. автореф. — Алматы, 1995; Оразбаева А.И. Қазак билер институты: тарихи бастаулары, орны және рөлі (XVIII ғасыр): тарих ғыл. канд. автореф. — Алматы, 1998; Бикенов А.Х. Қазақстан дәстүрлі қоғамы және оның саяси-потестарлық құрылымы (XVIII — XIX ғасырлар деректері негізінде): тарих ғыл. канд. автореф. — Алматы, 2001; Джампеисова Ж.М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: автореф. дисс. канд. ист. наук. — Алматы, 2004.

истории и этногенеза. Наиболее информативным трудом по истории военного искусства кочевников Евразии является работа А. Хазанова «Очерки военного дела сарматов»²⁷⁰. Автор подробно описывает тактику и состав войска сарматов. А. Хазанов отмечает, что основную массу войска сарматов составляла легковооруженная конница, вооруженная луками и стрелами и действующая рассыпным строем. Подвижная и маневренная, она применяла «скифскую» тактику, внезапно атаковала противника и быстро отступала в случае неудачи. Наиболее распространенным боевым строем сарматов А. Хазанов считает лаву. Этот прием заключается в том, что атакующие всадники осыпали врага дождем стрел и пытались расстроить его ряды еще до перехода в рукопашный бой. В период, когда на вооружении был короткий меч-акинак, конные воины спешивались и вступали в рукопашную схватку. С появлением длинных мечей и копий рукопашный бой велся непосредственно с коня.

Развитие военного дела сарматов, необходимость борьбы с войсками оседлых земледельческих районов привели к появлению тяжеловооруженной конницы, основу которой составляли дружины родоплеменных вождей. А. Хазанов полагает, что это был шаг вперед в развитии конницы кочевников. По его мнению, катафрактерии – это «определенный, хронологически ограниченный строй тяжеловооруженной конницы, атакующей противника в определенном боевом порядке – тесно сомкнутом строю и с определенной тактической целью»²⁷¹.

Автор считает, что сарматские катафрактерии имели клинообразное построение. Построенные клином катафрактерии на карьере врезались во вражеский строй, разрезали его надвое и пиками опрокидывали неприятеля. Рубка мечами в конном строю могла при необходимости завершать дело. Катафрактерии, кроме того, были вооружены

²⁷⁰ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.

²⁷¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – С.67.

луком и стрелами в качестве вспомогательного оружия. Его применяли перед вступлением в рукопашный бой или когда надо было расстреливать окруженного противника.

С появлением катафрактариев стало меняться вооружение и тактика легковооруженной конницы. На смену акинкам приходят длинные мечи, распространяются мощный лук с костяными накладками и сопутствующие ему, крупные и бронебойные наконечники стрел. Это позволяло вести не только массовую, но и прицельную стрельбу. Легковооруженная конница не только могла начинать сражение и преследовать противника, но и во взаимодействии с тяжеловооруженной, активно участвовать в рукопашном бою, не спешиваясь с коня. При этом А. Хазанов считает, что тяжеловооруженная конница могла успешно действовать только тогда, когда ее поддерживала легкая конница. По его мнению, различие задач, стоявших перед тяжеловооруженной и легковооруженной конницей, диктовало необходимость вести бой не сплошной лавой или массивованным конным кулаком, а отдельными отрядами, координировавшими свои действия²⁷².

Дальнейшее развитие военного дела привело к росту требований к управлению войском. А. Хазанов утверждает, что как и у аланов, оно облегчалось специальными значками, которые имел каждый отряд и в качестве примера приводит высказывание Арриана, историка VI века. «Военные значки, — как писал Арриан, — представляют собой драконов, развивающихся на шестах соразмерной длины. Они шиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело, вплоть до хвостов, делаются наподобие змеиных как только можно представить страшнее. Выдумка стояла в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных, и при быстром движении даже издают свист от сильного дуно-

²⁷² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — С. 68.

вения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой»²⁷³.

Кочевники Евразии — скифы, сарматы и саки, наверняка использовали такие тактические приемы, как обход, охват и засада. Т.К. Алланиязов считает, что тяжеловооруженная конница была эффективна против пехоты противника, но не против конницы. Автор полагает, что поскольку саки сражались с конницей соседних кочевых народов, то «Здесь исход битвы решало не только столкновение и рукопашный бой тяжеловооружен конницы, но и преимущество подвижности и маневренности, и это в значительной степени обеспечивалось за счет легковооруженной конницы»²⁷⁴.

Н.Я. Мерперт в исследовании «Из истории оружия племен Восточной Европы» упоминает тактику гуннов в борьбе с римскими войсками. Его исследование опирается на широкий круг источников, прежде всего, сведений римских авторов. Тактика гуннов у него описывается на основе впечатлений римского историка Аммиана Марцеллина, который писал: «Будучи легки на подъем, — пишет о гуннах, — они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты не случается, чтобы они нападали на укрепление или грабили неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, а в рукопашную рубятся, очертя голову, мечами и сами, уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или

²⁷³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — С. 89.

²⁷⁴ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С. 67.

уйти пешком»²⁷⁵. Далее Н. Мерперт приводит свидетельства других римских авторов. «Клавдий Клавдиан особо подчеркивает, что «гунны отличаются необыкновенной подвижностью, но без всякого порядка, неожиданными обратными набегами»²⁷⁶. «Евсей Иероним с ужасом повествует о «рое гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом»²⁷⁷.

Такая тактика была типичной для кочевников и в основе своей длительное время сохранялась в последующем. Упоминания о военном искусстве гуннов имеются в китайских и римских источниках. Л.Н. Гумилев, ссылаясь на китайские источники, утверждает: «У гуннов в то время еще не было определенной стратегии боевых действий. В основном набеги представляли собой молниеносные атаки маленьких отрядов. Эти отряды рыскали по пограничным районам, но встречали отпор со стороны крепостей. Гунны были вынуждены увеличить размеры своих войск, что, в свою очередь, уменьшило их мобильность. Китайцы воспользовались этим. И с помощью огромной армии, в основе которой были лучники, смогли окружить и разгромить войско гуннов. Это поражение на некоторое время лишило гуннов их гегемонии в степи и передало ее союзу дунху»²⁷⁸.

В IV веке н.э. аланы, имевшие на тот период самую сильную в Европе конницу, терпят поражение от гуннов. Л.Н. Гумилев видит причину поражения аланов в разнице стратегии – конница аланов применяла сарматскую тактику боя: это была тяжеловооруженная конница, предназначен-

²⁷⁵ Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы. – М., 1967. – 206 с.

²⁷⁶ Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы. – С.159.

²⁷⁷ Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы. – С.159.

²⁷⁸ Гумилев Л.Н. История народа хунну / сост. и общ. ред. А.И. Куркчи: В 2-х книгах. Кн. 2. – М.: Институт ДИ – ДИК, 1998. – (Серия «сочинения Л.Н. Гумилева»; Вып. 10). – С. 177.

ная для ближнего боя. Конница легко громила и скифов, и готов, и даже победоносные римские легионы. Слабые античные луки были не в состоянии пробить броню этих всадников. Гунны же, легковооруженные, на своих выносливых конях, используя свои мощные многосоставные луки, «аланов, равных им в бою, победили... обессилив частыми стычками»²⁷⁹. В их стратегии не было места безнадежному рукопашному бою с тяжеловооруженными аланскими всадниками: они кружили, уходя от прямых атак, и засыпали противника стрелами. К такому бою аланы были не готовы. И постепенно, с боями, гунны начали оттеснять их все дальше и дальше, заселяя все новые территории. К 370 году практически вся территория, прежде занимаемая аланами, была занята гуннами, а остатки аланов отошли или в пределы готского королевства или на север. Гунны, дойдя до границ готского государства, идти сразу напролом не стали, а на время осели, поскольку штурмовать высокий правый берег Дона, защищенный готскими войсками, было им не под силу. Но вскоре нашелся альтернативный путь. Римский историк Иордан рассказывает об этом так: будто бы гуннские охотники, преследовавшие оленя, прижали его к берегу Азовского моря. Тогда он вошел в воду и «то ступая вперед, то приостанавливаясь», пошел через пролив. «Последовав за ним, охотники перешли Меотидское озеро, которое они считали непроходимым, как море». Об этом они сообщили шанью-вождю Баламберу. Он созвал войска, перешел пролив и гунны, «подобные урагану племен... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье» Северного Крыма²⁸⁰.

Постоянные столкновения конниц кочевых народов, ход развития военного дела в степях Евразии привели к появлению с VI в. н.э. жесткого седла, стремян и сабли. Это, в свою очередь, положило начало реформе кавалерии. Рубка в конном строю становится важной частью боя. По мнению

²⁷⁹ Гумилев Л.Н. История народа хунну. — С. 178.

²⁸⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. <http://www.lib.ru>

А. Рослякова, расцвет военного дела кочевников Евразии приходится на VI–XIV вв. н.э.²⁸¹ Однако, А. Росляков считал, что «Военное искусство степняков (особенно монголов) расценивается обычно чрезвычайно высоко и нередко даже преувеличенно расхваливается. При этом, как правило, не делается никаких серьезных попыток обосновать причины такого высокого развития его, кроме ссылок на гениальность вождей, которых сравнивают с Александром Македонским и Наполеоном»²⁸².

Кочевники, в отличие от оседлых народов, имевших начатки военной теории и подробно разработанную систему военного искусства, не создали военной теории. Вместо этого они выработали богатую военную традицию, которую вожди и воины хорошо знали, бережно хранили и пополняли новым боевым опытом.

Способы ведения войны, тактические боевые приемы кочевников Евразии в рассматриваемый период своими корнями уходили в предшествующую эпоху, когда складываются основные черты военного искусства кочевников.

В обобщающих трудах по всемирной истории войн и военного искусства военное дело центральноазиатских народов периодов древности и раннего средневековья освещено очень кратко. Так, отдельные сведения о военном деле кочевников Евразии имеются у М.И. Маркова в «Истории конницы»²⁸³, Г. Дельбрюка в «Истории военного искусства в рамках политической истории»²⁸⁴ и Е.А. Разина в «Истории военного искусства»²⁸⁵. Лишь военное искусство монголов и полководческая деятельность Чингис-хана были исследо-

²⁸¹ Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков. /Известия Туркменского филиала АН СССР. – № 2. –1951. – С.13.

²⁸² Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков. – С.12.

²⁸³ Марков М.И. История конницы. – Тверь, 1886. – Ч. 1. – С. 11-12.

²⁸⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т.2. – СПб., 1894. – 401 с.

²⁸⁵ Разин Е.А. История военного искусства. – М., 1955. – Т.1. – 238 с.

ваны достаточно полно. Наиболее полные сведения о военном искусстве монголов даются в трудах Э. Хара-Давана и С. Уолкера. Они указывают, что монгольское войско представляло из себя сплоченный конный строй. При этом они считают отличительной особенностью тактики монголов – присутствие принципа тарана, высокую маневренность и важную роль легковооруженной конницы. Так, С. Уолкер пишет: «В отличие от других кочевников, в тактике монголов присутствовал принцип тарана – компактные массы в глубоких строях, долженствовавших увеличить до возможных пределов силу удара (шока) с целью, например, прорыва центра противника, одного из его крыльев и т.п. Но монголы, вдобавок, в высокой степени обладали маневренной способностью, а их легкая конница исполняла в бою весьма активную и вовсе не второстепенную роль»²⁸⁶. Однако, как заметно из трудов, приведенных выше, перечисленные черты отнюдь не были особенностями монгольской тактики, а скорее, напротив, общими чертами военного искусства кочевников Евразии.

Б.Я. Владимирцов в работе «Чингис-хан» предпринял попытку дать характеристику военной тактики монголов. Так, он указывает: «Первые конные подразделения не только производили сокрушительный удар в тот или другой участок неприятельского фронта, но могли отталкивать его во фланг, а также быть брошенными ему в тыл. Благодаря этой способности к маневру точку для главного удара не было надобности намечать заблаговременно: она могла определяться и во время хода боя в зависимости от слагающейся обстановки. Легкая же конница не только разведывала и прикрывала, но исполняла, главным образом, задачу активной подготовки готовящегося решительного удара»²⁸⁷. Это и есть

²⁸⁶ Уолкер С.С. Чингиз-хан / пер. с англ. А.И. Глебова-Богомолова. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. – 294 с. – С.168.

²⁸⁷ Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. – Берлин — Петербург — Москва: Изд-во З.И. Гржебина. 1922. – 176 с. – С.83.

знаменитая «монгольская лава» — констатирует Б. Владимирцов. Монгольской ее можно назвать лишь условно, это весьма распространенный с древнейших времен вид атаки кочевников Евразии.

Вот как описывают этот прием современники. Знаменитый путешественник средневековья Марко Поло, лично наблюдавший военное дело монголо-татар, пишет: «Татары, когда сражаются с врагом, так не спешиваются, все скачут кругом да стреляют»²⁸⁸. Более подробно описывает этот прием С. Герберштейн, автор первой половины XIX в.: «Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (командиры), за которыми они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ из-за сходства называют «пляской»; командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры, едущие впереди отрядов, погибнут или оробеют, то они быстро приходят в замешательство»²⁸⁹.

Современные исследователи, в частности М.В. Горелик, называют этот прием «хороводом» или «каруселью» и счита-

²⁸⁸ Книга Марко Поло. — М., 1997. — 428 с. — С.312.

²⁸⁹ Герберштейн С. Московия : (страна, которая отличается от европейских государств во всем) / перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. — М.: Астрель, 2008. — 702 с. — С. 389.

ют его исключительно эффективным построением, позволяющим вести непрерывный массовый обстрел с максимально близкого и выгодного положения – вбок-вперед и особенно вбок-назад. Противнику не только расстраивали ряды, но и выводили из строя много живой силы – воинов и, особенно, лошадей, причем достигали этого не настильной стрельбой издали, а прицельной – сблизив²⁹⁰. М.В. Горелика можно назвать самым выдающимся исследователем военной тактики степняков. Указанный прием был предложен исследователем в качестве основного для ранних кочевников, он подробно описан в работе «Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов)».

М.О. Иванин в работе «О военном искусстве и завоеваниях монголов» считает, что особенность монгольской тактики заключается в том, что конница на поле сражения маневрировала обыкновенно «в немую», т.е. не по командам, а по условным знакам, подаваемым значком (флагом) начальника. В ночных боях они заменялись цветными фонарями. Барабаны употреблялись для подачи сигналов только при лагерном расположении. Это утверждение применимо также ко всем кочевникам Евразии²⁹¹.

Как указывает Э. Хара-Даван, подготовка к той или иной кампании проводилась по одной схеме²⁹²:

1. Собирался курултай, на котором обсуждался вопрос о предстоящей войне и ее плане. Там же постановляли все, что необходимо было для составления армии – сколько с каждого десятка кибиток брать воинов и пр., а также определяли место и время сбора войск.

²⁹⁰ Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С.155-159.

²⁹¹ Иванин М.О. О военном искусстве и завоеваниях монголов. – СПб, 1846. – 200 с.

²⁹² Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992. – 272 с. – С.148.

2. Высылались в неприятельскую страну шпионы и добывались «языки».

3. Военные действия начинались обыкновенно ранней весной, когда вырастает трава, и осенью, когда лошади и верблюды в хорошем теле, а водные препятствия замерзают. Перед открытием военных действий Чингис-хан собирал всех старших начальников для выслушивания ими его наставлений.

Верховное командование осуществлялось самим Чингисханом. Вторжение в страну противника производилось несколькими армиями в разных направлениях. От получающих такое отдельное командование полководцев Чингис-хан требовал представления плана действий, который он обсуждал и обыкновенно утверждал, лишь в редких случаях внося в него свои поправки. После этого исполнителю предоставляется в пределах данной ему задачи полная свобода действий при тесной связи со ставкой верховного вождя.

4. При подходе к значительным укрепленным городам основные армии оставляли для наблюдения за ними обсервационный корпус. В окрестностях собирались запасы, и в случае надобности устраивалась временная база. Обыкновенно главные силы продолжали наступление, а обсервационный корпус, снабженный машинами, приступал к обложению и осаде.

5. Когда предвиделась встреча в поле с неприятельской армией, монголы обыкновенно придерживались одного из двух способов: либо они старались напасть на неприятеля врасплох, быстро сосредоточивая к полю сражения силы нескольких армий, либо, если противник оказывался бдительным и нельзя было рассчитывать на внезапность, они направляли свои силы так, чтобы достигнуть обхода одного из неприятельских флангов²⁹³.

Но этими способами их военная инициатива не исчерпывалась. Э. Хара-Даван упоминает и такие приемы военной тактики монголов, как, например, когда производилось при-

²⁹³ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. — С.149.

творное бегство и армия с большим искусством заметала свои следы, исчезнув с глаз противника, пока тот не раздробит свои силы и не ослабит меры охранения. Тогда монголы садились на свежих заводных лошадей, совершали быстрый налет, являясь как будто из-под земли перед ошеломленным врагом. Этим способом были разбиты в 1223 г. на реке Калке русские князья. Случалось, что при таком демонстративном бегстве монгольские войска рассеивались так, чтобы охватить противника с разных сторон. Если оказывалось, что неприятель держится сосредоточенно и приготовился к отпору, они выпускали его из окружения, с тем чтобы потом напасть на него на марше. Таким способом была в 1220 г. уничтожена одна из армий хорезмшаха Мухаммеда, которую монголы намеренно выпустили из Бухары²⁹⁴.

Ю.С. Худяков, крупнейший исследователь военного искусства кочевых народов, внес значительный вклад в изучение генезиса военного искусства кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Одной из наиболее крупных работ, посвященных военному искусству тюркских племен Евразии, относится исследование «Комбинированный бой древнетюркской конницы»²⁹⁵. В этой работе он отмечает, что период раннего средневековья, когда на арене военной истории доминировали, сменяя друг друга, тюркоязычные кочевые этносы: древние тюрки, сеяньто, уйгуры, кыргызы, кимаки, это было время усиленной технологической разработки и максимального видового и типологического разнообразия оружия дистанционного боя – лука и стрел, появления новых форм рубяще-колющего оружия ближнего боя, освоения более совершенных средств индивидуальной защиты – чешуйчатых и ламеллярных панцирей, кольчуг и шлемов». В другой работе «Вооружение енисейских

²⁹⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. – С.178.

²⁹⁵ Худяков Ю.С. Комбинированный бой древнетюркской конницы // Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – 202 с. – С.7-20.

кыргызов» Ю. Худяков указывает, что «в эпоху раннего средневековья у центральноазиатских номадов сложилась централизованная военно-административная десятичная система деления войска и народа. В армиях древних тюрков и кыргызов в качестве особого рода войск выделились отряды тяжеловооруженной панцирной конницы»²⁹⁶.

В работах «Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии», «Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья», «Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья» Ю. Худяков подробно и детально пытается реконструировать приемы и тактику боя евразийских кочевников. Так, он отмечает: «Исходя из особенностей комплекса боевых средств и структуры военной организации, было установлено, что основной тактикой боя на открытой местности, характерной для отрядов легковооруженной конницы всех тюркоязычных кочевых этнополитических объединений Центральной Азии в эпоху раннего средневековья, была атака построения противника в рассыпном конном строю, с охватом флангов и метанием стрел с дистанции полета стрелы. Широко применялся прием притворного бегства. В арсенале тактических возможностей была атака лавой, а на решающей фазе сражения ближний и рукопашный бой с использованием копий, мечей, палашей, сабель и других видов колющего и рубящего оружия. Со времени выделения в древнетюркском, а позднее в кыргызском войске, отрядов тяжеловооруженной кавалерии в ближнем бою стала практиковаться атака плотно сомкнутым строем с применением пик»²⁹⁷.

Как указывает Ю.С. Худяков, результаты его реконструк-

²⁹⁶ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов в VI- XII вв. – Новосибирск, 1980. – 176 с. – С.26.

²⁹⁷ Худяков Ю. С. Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии // Известия СОАН СССР. Сер. история, филология и философия. – 1990. – Вып. 2. – С. 72-73.

ции попытался оспорить в одной из своих работ И. Л. Кызласов, который намеревался изменить «привычные представления» и «восприятие» современными учеными «наиболее существенных черт ранней истории тюркоязычных народов», в частности, военного дела древних тюрков²⁹⁸. В китайских источниках о древних тюрках говорится, что они «искусно стреляют из лука с лошади», что их сила заключается «в конной стрельбе из луков». Однако эти свидетельства, так же, как и данные других письменных источников, вызывают у И. Кызласова сомнение. Поскольку на страницах средневековых источников «вооруженные силы тюрков обычно представляют в виде конницы, поэтому многие полагают, что именно всадники являются исконным родом войск тюркоязычных народов». И.Л. Кызласов считает, что «эти свидетельства не следует распространять за пределы средневековья», и утверждает, что «первоначальной армией древних тюрков была пехота»²⁹⁹. Вряд ли это утверждение можно считать обоснованным.

Ряд соображений о характере войска и тактике ведения боя древними тюрками изложен в статье В.В. Горбунова «Тяжеловооруженная конница древних тюрков»³⁰⁰. На основе анализа наскальных рисунков Горного Алтая он выделяет в составе войска кочевников три вида пехоты: легковооруженных лучников, тяжеловооруженных лучников и тяжеловооруженных копейщиков, и два вида конницы: средневооруженных всадников в доспехах и тяжеловооруженных всадников в доспехах на лошади в защитных пополах. Для обоих видов кавалерии основным видом оружия были длинные копья — пики. Все эти рода войск

²⁹⁸ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства об армии. — Новосибирск, 1997. — 164 с. — С.6-7, 121-137.

²⁹⁹ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства об армии. — С.74.

³⁰⁰ Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — 197 с. — С.102-128.

существовали в армии кочевников булан-кобинской культуры Горного Алтая. В.В. Горбунов предполагает, что легковооруженные пешие лучники могли действовать на поле боя рассыпным строем, тяжеловооруженные пехотинцы — в шереножном построении типа фаланги³⁰¹. Тяжеловооруженные всадники могли вести дистанционный бой в спешенном положении. С переселением на Алтай тюрок Ашина тяжелая конница стала атаковать противника копьями в плотно сомкнутом строю в виде фаланги. В войске древних тюрок он выделяет тяжелую пехоту, среднюю и тяжелую конницу. В.В. Горбунов отмечает, что археологические памятники Горного Алтая не подтверждают существования у древних тюрок пехоты как самостоятельного рода войск, поскольку почти все воинские захоронения сопровождаются верховыми конями. Письменные источники, по его мнению, также характеризуют тюркское войско, как конное. Древнетюркская конница действовала в плотно сомкнутом строю, атакуя противника копьями. Такое построение он называет «фалангой». Согласно его реконструкции, древнетюркская «фаланга» состояла из нескольких передних шеренг тяжелой конницы, за которыми шли шеренги средней кавалерии. Легкая конница формировалась из зависимых и покоренных племен. Она могла действовать вначале сражения, на флангах и в тылу, при преследовании противника³⁰². В.В. Горбунов поддерживает мнение, по которому, «согласно анализу лексики древних тюрков», первоначальной формой войска тюркоязычного населения была пехота. С его точки зрения, пехота обладала неоспоримым преимуществом при обстреле «фаланги» тяжеловооруженной конницы. Центральноазиатская пехота «сражалась в пешем строю, а передвигалась на конях». Для нее он предлагает особый термин «ездящая пехота». Примером такой пехоты В.В. Горбунов считает войско сеяньто, приводя

³⁰¹ Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая). — С.124.

³⁰² Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая). — С.125.

сообщения китайских источников о сражении сеяньтоского и древнетюркского войска. Однако, несмотря на «преимущества» пехоты, конная «фаланга», как средняя, так и тяжелая, в маневренности превосходила пешую, что оставляло коннице реальные шансы одерживать победу»³⁰³.

Ю.С. Худяков не согласен с выделением трех видов пехоты и двух видов тяжеловооруженной конницы у кочевников Горного Алтая, предложенным В. В. Горбуновым по материалам наскальных рисунков. Он полагает, что основу тюркского войска, так же, как и войск других кочевых этнополитических объединений, составляла легкая конница. Основным оружием легковооруженных всадников были луки и стрелы. При этом он ссылается на переводы Н.Я. Бичуриным китайских источников, в которых подчеркивается, что тюрки «из оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой». Древнетюркские всадники «искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы». Сила подобной легковооруженной конницы заключается «в конной стрельбе из луков»³⁰⁴.

Как полагает Ю. Худяков, «В бою на открытой местности такая конница могла наиболее эффективно действовать в рассыпном строю. Тактика рассыпного строя, с охватом построения противника по фронту и с флангов, постоянными перемещениями и неустанной стрельбой из луков эффективно применялась кочевниками евразийских степей, начиная со скифов в эпоху древности до монголов и татар в эпоху позднего средневековья. Не составляли исключения в этом отношении и древние тюрки. Противники нередко воспринимали такой рассыпной строй как откровенный беспорядок. Китайский полководец Ян Чжун так отзывался о древних тюрках: «Ту-

³⁰³ Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая). — С.127.

³⁰⁴ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск, 1997. — 159 с. — С.46.

кюеские ратники пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников, и по большей части не соблюдают порядка»³⁰⁵. Н. Кюнер в работе «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» отмечает, что подобным образом сражались и войска уйгуров и других телесских племен. О воинах теле сказано в китайском источнике: «нрав людей злой и жестокий. [Они] искусны в стрельбе из лука [в] конном [строю]»³⁰⁶.

Еще Н.Я. Бичурин отмечал, что в китайских источниках указывается, что рассыпным строем сражались предки теле — гаогюйцы. О них говорится, что «в сражениях не строятся в ряды; отделившейся головою производят натиск; вдруг выступают, вдруг отступают; постоянно сражаться не могут»³⁰⁷.

Ю.Худяков считает характерной особенностью тактики тюрок — выделение головного отряда и атака противника при сохранении основных сил для решающего удара. Он указывает, что в составе войска древнетюркских каганов были и отряды тяжеловооруженной, панцирной конницы. В источниках они названы телохраниителями, каганской гвардией, по-китайски «фули», по-тюркски «бури» — волки — в память о своем происхождении «от волка». На вооружении панцирных всадников были не только луки и стрелы, но и ударные, бронебойные копья-пики с длинным древком, мечи, палаши, сабли, боевые топоры и тесла, кинжалы. Воины были защищены шлемами и панцирями, кольчугами, щитами. Боевых коней прикрывали защитными попонами. Отряды такой «отборной» конницы были в войсках I Тюркского и II Восточно-тюркского каганатов³⁰⁸.

³⁰⁵ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск: Наука, 1991. — 336 с. — С. 40.

³⁰⁶ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — 391 с.

³⁰⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... — С. 229.

³⁰⁸ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск, 1991. — С. 7, 168-169.

Отряды панцирной кавалерии, вооруженной пиками, могли наиболее эффективно атаковать противника в плотно сомкнутом строю. В.В. Горбунов реконструировал построение древнетюркской панцирной конницы в виде «фаланги», состоявшей из нескольких шеренг. Передние шеренги состояли из тяжеловооруженных всадников на конях в защитных пополах, задние шеренги – из «средневооруженных» воинов. Фланги такой «фаланги» должна прикрывать легкая конница³⁰⁹.

Однако Ю. Худяков указывает, что «у жужаней, у которых была введена десятичная система деления войска и народа, а на вооружении имелись копья и латы для всадников и лошадей, применялось глубоко эшелонированное построение в 50 рядов всадников. В сражении с китайцами при Юнь-чжуне жужаньский каган Датань выстроил свое войско так плотно, что «сплотившиеся головы лошадей составили стену». Это привело китайцев «в крайний страх»³¹⁰.

Подтверждение своей мысли Ю.Худяков о последовательности участия в бою тяжелой конницы и применения разных видов оружия на различных фазах сражения находит в источниках. «Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа (т. е. воина) он поразил стрелой, в двух мужей заколол (копьем), одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро». Атака тюркской панцирной кавалерии в бою в Черни Сунга рассекла кыргызское, войско тюркские воины «проложили (путь) копьями». В надписях говорится и о действиях мечом в рукопашной сече, и о преследовании врага³¹¹.

Кроме указанных приемов, Ю. Худяков считает, что в тактическом арсенале древнетюркской и телесской конни-

³⁰⁹ Горбунов В. В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая). – С.105.

³¹⁰ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 17.

³¹¹ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 18.

цы был и комбинированный вид боя, когда всадники в зависимости от необходимости могли сражаться как в конном строю, так и в спешенном положении.

Таким образом, он приходит к выводу о том, что владение приемами комбинированного боя существенно расширяло тактические возможности кочевнической конницы. Обороняясь или атакуя в спешенном положении, древнетюркские или телесские воины не переставали быть кочевниками и всадниками. Они держали лошадей наготове, в любой момент готовые сесть верхом для атаки, или преследования противника, или отступления³¹².

Л.А. Бобров в работе «Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья» детально исследовал тактику монголов и джунгар в XVII веке. По его мнению, непрекращающиеся войны, которые вела Джунгария, предопределили гибкость тактики ойратов. И если на Западе колмаки сделали ставку на быстрые рейды своей латной конницы, то на Востоке, где им противостояли более многочисленные и лучше вооруженные отряды империи Цин, джунгары, предпочитали вести оборонительные бои и добиваться победы в контратаках³¹³.

О тактике джунгар писал И.Я. Златкин. Он указывал, что на поле боя ойраты выстраивались в две линии, так чтобы фланги были выдвинуты в сторону противника и прикрыты болотом, лесом или горами. В первую линию боевого порядка становились мушкетеры и возможно копейщики. Их позиции джунгарские полководцы пытались прикрыть либо естественными складками местности, либо плетеным тыном. В случае если противник нападал на армию джунгар, внезапно живым щитом для прикрытия стрелков могли выступить стада круп-

³¹² Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 19.

³¹³ Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья. // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: изд-во Алт. Гос. Ун-та, 2001. – С.11-20.

ного рогатого скота. Плотность огня ойратов была настолько велика, что маньчжурские воины, несмотря на поддержку собственной артиллерии, были вынуждены спешиваться и атаковать Галдана в пехотных колоннах³¹⁴.

По мнению Л. Боброва, основной задачей стрелков было остановить атаку войск противника, в то время как кавалерия (составлявшая вторую линию джунгарских войск) должна была опрокинуть его фланги. Он указывает: «Такая тактика, основанная на активных действиях кавалерии с опорой на огнестрельную пехоту, широко применялась в Средней Азии еще в XVI веке, но была совершенно неизвестна на степных просторах к востоку от Алтайских гор. Именно она стала предпоследней стадией развития военного искусства кочевников. Во многом благодаря ей были одержаны победы над халхасцами (приведшие к ликвидации восточномонгольской государственности) и лучшей армией Дальнего Востока регулярными войсками империи Цин. Особенно ярко превосходство джунгарской тактики над тактикой воинов Халхи было продемонстрировано во время сражения у оз. Олгой в самом начале войны, когда после степной кавалерийской схватки халхасцы были оттеснены джунгарами к топким озерным берегам, где ...не мочно де было ... конем ездить и были (не смотря на наспех возведенные укрепления) в упор расстреляны подоспевшей огнестрельной пехотой, причем вырваться из окружения удалось только самому Тушету-хану с кучкой телохранителей»³¹⁵.

Именно поэтому Л. Бобров считает, что причину поражения джунгар в войне 1688-1697 г.г. следует искать не на поле боя (где джунгарская армия показала почти безупречно), а в стратегических просчетах ойратских полководцев и междоусобной борьбе джунгарской знати.

Таким образом, исследователь констатирует, что основное отличие военного искусства кочевников Ойратии от

³¹⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М., 1964. — С. 50.

³¹⁵ Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья // Историко-культурное наследие Северной Азии. — С.12.

Восточной Монголии заключалось в том, что для первых огнестрельное оружие стало основой ведения сражения, а для вторых лишь одной из многих форм дистанционного боя. Это во многом предопределило военное поражение Халхи, приведшее к ликвидации ее национальной независимости и как следствие к завершению развития ее военного искусства как самостоятельного военно-исторического феномена. В то время как джунгарская продолжала развиваться по пути возрастания значимости огнестрельного оружия, его производства в степных условиях и создания собственной артиллерии³¹⁶.

Военное искусство кочевых племен Евразии было взаимосвязано с характером вооружения, особенностями военной организации, составом войска. Оно развивалось в тесной связи с окружающими народами, чему способствовало их географическое положение. Как считают исследователи Ю. Худяков, А. Кушкумбаев, Т. Алланиязов, Л. Бобров, М. Горелик и другие, тактика ведения боя, в известной мере, может быть реконструирована, исходя из характера вооружения и военной организации. Ценные сведения по военному искусству содержат письменные источники. Кроме того, недостаток информации по военному искусству в тот или иной период, в определенной мере восполняется за счет аналогии с другими народами, достигшими сходного уровня развития.

Т. Алланиязов, описывая военное искусство тюрков, пишет, что «На мусульманском Востоке тюрки получили славу как искусные стрелки из лука, которые точно стреляют на полном скаку, из любого положения одинаково, стреляют, гоня своего коня «во весь опор, назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз»³¹⁷. Далее он продолжает: «Во время решающей атаки тяжеловооруженные воины по команде убирали

³¹⁶ Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья // Историко-культурное наследие Северной Азии. С.20.

³¹⁷ Алланиязов Т.К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. — Алматы, 1996. — 132 с. — С.71.

луки, готовясь к упорной рукопашной схватке, после которой решался исход боя. Кочевники, вооруженные луками и стрелами, обычно избегали рукопашной схватки с тяжело-вооруженной конницей земледельческой полосы. Для атаки строились по своему знамени в плотную колонну. Для преследования или отхода опять рассыпались в лаву. Лава и колонна были основными боевыми порядками конных отрядов. Все войско делилось на 4 части – авангард, правое и левое и центр, состоявший из тяжеловооруженной конницы. Каждый из этих отрядов строился в линию курдусов (кошунов), оставляя между ними значительные интервалы, необходимые для размыкания в лаву. Вперед высылались боевое охранение – «караулы». Бой начинался стычками караулов, которые затем получал поддержку от авангарда. Затем в сражение втягивались отряды правого и левого крыла. Вожди, находясь на холме или кургане, управляли боем с помощью конных посыльных или зрительной сигнализации»³¹⁸. А.С. Юнусов в работе «Военное дело тюрков в VII-X вв.», исследуя военное искусство тюркских кочевников, приводит свидетельства арабских летописцев о тактике и особенностях боя кочевых тюрков. Так, он приводит свидетельство Ад-Динавари, автора IX века, который писал о вожде тюрков, «восседавшем на золотом троне, наблюдавшем с холма» за ходом сражения. Сигнал атаки подавался барабанным боем. Каждый начальник отряда, помимо значка или знамени, имел небольшой барабан, подвешенный к седлу. Для управления войском в сражении применялись и литавры (саннаджат). В бою маневрировали не только отдельные отряды, то рассыпавшиеся в лаву, то атакующие, то снова отходящие (отход в этом случае прикрывался активными действиями соседних отрядов), но и все войско. Войска правого и левого крыла стремились обойти противника, а иногда и полностью окружить его. Войска авангарда, правого и левого крыла, обычно осуществляющие окружение, состоя-

³¹⁸ Алланиязов Т.К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. – С.73.

ли, как правило, в своей основной массе из легковооруженных конных лучников. В их задачу входило сковать и измотать врага, подготовив тем самым общую атаку. Решительный удар наносился отборными отрядами тяжеловооруженной конницы, находившейся до этого в резерве или засаде. В этой атаке порой принимал участие и главный предводитель войска. В случае успеха общей атаки начиналось упорное преследование и истребление побежденных. В случае неудачи кочевники обычно повторяли атаки, порой несколько раз³¹⁹.

Кочевники широко практиковали прием притворного отступления в сочетании с засадами, что было подмечено современниками. Марко Поло писал по этому поводу следующее: «В битвах с врагом берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом, бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражских коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает от того, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно побито. Татары как увидят, что перебили их вражских коней и людей много, поворачиваются назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага»³²⁰.

В вышеуказанной работе А. Юнусова о тактике тюрок приводятся слова Ибн-Халдун, жившего в XIV веке, который указывал, что «с самого начала человеческого существования войны на земле велись двумя путями: один — наступление в строю (бил-захф суфуфа), другой — техника ал-карр ва-л-фарр» (дословно «нападение и отступление»), то есть тактика стремительной атаки и притворного бегства заманить против-

³¹⁹ Юнусов А.С. Военное дело тюрок в VII-X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С.97-105.

³²⁰ Книга Марко Поло. — С.91.

ника в ловушку³²¹. А. Юнусов и Т. Алланиязов подчеркивают, что этот прием на мусульманском Востоке назывался «тюркским», поскольку тюрки эффективно им пользовались.

Имеются упоминания авторов XIX века, которые описывают применение такой тактики у татаро-монгол. С. Герберштейн так описывает данный тактический прием: «Сражение с врагом они начинают издали (пуская стрелы) и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а (пуская стрелы) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то (при первой возможности) татары пускают в них стрелы (причиняя этим большой урон); затем, повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов»³²².

Этот прием, по мнению А. Рослякова, вырос из практики набегов, когда часть воинов захватывала добычу и уходила с ней, а другая стояла (обычно скрыто) в полной готовности поддержать нападавших и отразить удар преследователей. Это повторялось несчетное число раз и, наконец, стало практиковаться в бою³²³.

М.В. Горелик пишет, что кочевники старались победить врага не только силой, но и хитростью. Притворное отступление, засада, отступление, втягивающее в засаду, применение чучел, неожиданный удар во фланг и в тыл, скрытое приближение и полное окружение противника, внезапные ночные нападения с поджогом селения со всех сторон — все эти приемы были рассчитаны на обман противника, или на то, чтобы вызвать в нем ужас и тем самым лишить боеспособности³²⁴.

Важное значение в боевой тактике кочевников имел

³²¹ Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII-X вв. (по арабским источникам). — С.98.

³²² Герберштейн С. Московия : (страна, которая отличается от европейских государств во всем). — С.168.

³²³ Росляков А.А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войсках туркмен в XI-XII). // Труды Ашхабад. Гос. пед. ин-та им. Горького. Ашхабад, 1947. — Вып. I. — С.21-26.

³²⁴ Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов). — С.156.

принцип окружения противника. Его применение требовало большого опыта действия конными массами, рассчитанной точности их движений. Сам принцип и опыт его применения внушались опытом облавной охоты, отраслью народного труда коренного значения для кочевника. Так, В.Н. Кун отмечает, что именно Чингис-хан перед всяким походом устраивал войскам облавные охоты, игравшие роль маневров. При нем они достигали грандиозных размеров. Они устраивались и во время походов с той же двойкой целью — пропитания войска и обучения его³²⁵. Способность степной конницы к смелому и дерзкому маневру, широкое применение ею обхватов, обходов, засад, окружений противника — все это заставляло вражеские армии действовать в борьбе с кочевниками очень осторожно и в полной готовности отразить неожиданный удар с любой стороны, что сильно затрудняло военные действия против кочевников.

Недавно вышла в свет книга новосибирских исследователей Л. Боброва и Ю. Худякова «Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV- первая половина XVIII вв.)»³²⁶. Это первое в российской историографии комплексное монографическое исследование, посвященное военному делу кочевников Монголии, Южной Сибири и Тибета. Оно охватывает исторический период от падения династии Юань и изгнания монголов из Китая (1368 г.) до крушения Джунгарского ханства в середине XVIII в. Объемная монография содержит 228 таблиц, цветные иллюстрации и фотографии и состоит из двух больших разделов. Первый посвящен вооружению народов центральноазиатского региона. Авторы последовательно рассматривают различные виды

³²⁵ Кун Н.В. Черты военной организации средневековых народов Средней Азии. — Ташкент, 1954. — 182 с. — С.18.

³²⁶ Бобров Л., Худяков Ю. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). — Новосибирск. —336 с.

оружия дистанционного и ближнего боя, эволюцию комплекса защитного вооружения номадов. Отдельные главы посвящены использованию войсками кочевников принципиально нового для них вида вооружения артиллерии и ручного огнестрельного оружия.

Вторая часть книги посвящена эволюции тактики ведения боя различных народов Центральной Азии и Южной Сибири: монголов XV-XVI вв., халхасцев и чахар-монголов накануне и после их вхождения в состав Цинской империи, ойратов XVII первой половины XVIII вв., монгольских кочевников Тибета, енисейских кыргызов, номадов Алтая, бурят и тувинцев.

Своего рода итогом и квинтэссенцией исследований военного искусства номадов Евразии являются труды В. Горбунова. Особый интерес представляют две монографии по оборонительному и наступательному вооружению кочевников Алтая и докторская диссертация по военному делу средневековых номадов³²⁷. В.В. Горбунов отмечает, что «Суммируя полученные данные, мы получаем следующую картину — разведка и пограничная стража заменялись у кочевников в период, предшествовавший их вхождению в состав централизованных империй, бдительностью приграничного населения. Узнав о вторжении, местное население предпринимало меры по спасению семей и скота, ставило в известность своего феодального сеньора и готовилось к вступлению в боевые действия. Феодал, получив донесение своих людей, собирал совет, на котором вырабатывался план действий, после чего производилась плановая мобилизация всех, способных принять участие в битве, а стада и семьи отправлялись в то место, где нападение врага было наиболее маловероятным. Собрав ополчение, командир его проверял боеспособность воинов и наличие вооружения, а затем выступал против врага, стремясь

³²⁷ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение. — Барнаул. Изд-во Алт. Ун-та, 2006. — 232 с.; Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III-XIV вв.): автореф. дисс. д.и.н. — Барнаул, 2006. — 55 с.

не допустить более глубокого проникновения противника на свою территорию. При этом ставка делалась на решительный разгром врага на выгодных позициях. В бою кочевники пытались опрокинуть врага в лобовой атаке, зачастую сопровождавшейся фланговым обхватом или обходом с тыла. Однако такие маневры были по плечу только хорошо обученным частям, поэтому зачастую столкновение, имевшее целью предотвратить дальнейшее проникновение врага вглубь территории, носило характер фронтального столкновения. Если врага опрокидывали в бою, то организовывалось его преследование, имевшее целью нанести ему максимальные потери в живой силе и, тем самым, предотвратить повторное вторжение в течение какого-то времени³²⁸.

В одной из последних работ Л.Боброва «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) автор останавливается на таких вопросах, как проблема взаимопроникновения различных евразийских оружейных комплексов в эпоху позднего средневековья и нового времени, а также на особенностях такого явления, как «вестернизация» азиатского оружейного комплекса в этот период³²⁹.

Таким образом, историографический анализ военного искусства кочевников Евразии позволяет утверждать, что тактика военных действий, которую прежде ошибочно приписывали только монголам эпохи Чингис-хана, была характерной для любого кочевого общества, и как верно отмечает В.В. Горбунов, такая последовательность военных действий была присуща «казахам, постоянно воевавшим с ойратами и сумевшими одержать над ними решительную победу в 1729 г. в Анракайском сражении; ойратам, не раз громившим цинские армии в период с 1690 по 1759 годы; халха-монголам, вступив-

³²⁸ Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв.). – С.31.

³²⁹ Бобров Л. «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени). – Новосибирск, 2009.

шим в решительную схватку с войсками бэйлэ Додо в 1648 г. на урочище Дзаг-булаг и т.д. и т.п.». В полной мере, на наш взгляд, обоснован вывод В. Горбунова, который считает, что «Универсальность этой последовательности делает ее ценной тем, что мы получаем в свое распоряжение новый инструмент для исследования военного дела номадов, применимый практически к каждому народу центральноазиатского региона»³³⁰.

Таким образом, можно констатировать высокий уровень развития исторических исследований военного искусства центральноазиатских номадов, достигнутый в период 80-х годах XX – начале XXI века. Особо значимый вклад в разработку проблематики военного искусства кочевников был внесен сибирскими учеными Ю. Худяковым, В. Горбуновым, М. Гореликом, Л. Бобровым, которые системно и полно исследовали разные аспекты проблемы военного дела раннего, среднего и позднего средневековья во всем их многообразии и на основе привлечения широкого круга источников, включая археологические. В дальнейшем, при изучении военного искусства кочевников следует обратить особое внимание изучению применения оборонительных сооружений, способов осады крепостей и влияния военного дела кочевников на соседние народы.

2.4 Исследования военного искусства казахов

Военное искусство казахов продолжало, особенно в начальный период, традиции военного дела кочевников Евразии предшествующего периода. Позднее, с изменением геополитической обстановки, появлением огнестрельного оружия, отставанием кочевой экономики от уровня оседлых ремесленных и земледельческих центров, менялись формы и методы ведения военных действий.

³³⁰ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – 232 с. – С.221.

В XV–XVI вв. казахские ханства не только активно противостояли притязаниям на степь со стороны этнополитических объединений Средней Азии, но и сами вторгаются на их территорию. С XVII века казахские жузы вступили в смертельную, долгую и упорную борьбу с джунгарами. В XVIII и XIX вв. казахи ведут борьбу за независимость, противостоя захватнической политике Российской империи, принимают активное участие в военных действиях на стороне восставших российских крестьян под предводительством Е. Пугачева, а затем военное искусство казахов проявляется в войне под началом Кенесары Касымова.

Источники XVI–XVII вв. дают ценные сведения о тактическом построении войска казахов³³¹. Боевые порядки казахского войска состояли из «джавангар» или «майсара» — левый фланг, «барангар» или «маймана» — правый фланг, «гул» — центр войска, «мунгалаи» — авангард. «Мунгалаи» также имел свои «джавангар» и «барангар». Основываясь на арабских источниках, М.Х. Абусейтова отмечает, что в авангарде войска сражалось наибольшее число воинов, так как сильная атака авангарда имела решающее значение. Войско казахов имело в своем составе и такие тактические подразделения, как «чархчи» — то есть войска, вооруженные копьеметательными орудиями (чарх) и первыми вводившимися в бой. «Нагбачи» так назывались воинские части, которые вели подкоп под крепостные стены и широко использовались при осаде городов и крепостей³³².

На вооружении казахских воинов имелись и копьеметательные орудия. Так, в среднеазиатских источниках имеются упоминания о том, как в сражении с Баба-султаном в крепости Сабран Абдаллах-хан (в войске которого в это время находились воины-казахи во главе с Шигай ханом и Тевеккель-

³³¹ Хафиз Таныш. Шараф-намэ Шахи. / Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука, 1969. — 412 с. — С.245–312.

³³² Абусейтова М.Х. Некоторые вопросы материальной культуры казахов XVII–XVIII вв. — Алматы, 1997. — 238 с. — С.22.

султаном) приказал камнеметателям (радандазан) и стрелкам из баллист (манджаник сазан) вести бой. «Вблизи крепости (они) поставили котлы (карабугра, привезенные из Бухары) и стали метать камни для разрушения крепостной стены, чтобы вызвать страх и боязнь у злосчастных врагов»³³³.

В среднеазиатских источниках того времени довольно часто и со знанием дела описывались сражения, которые вели среднеазиатские султаны с казахскими ханствами. По этим описаниям можно судить о характере сражений, тактике боя и его динамики. Так, Шади в «Фатх-намэ» в цветистой форме представил сражение могульского войска с воинами казахского хана Буреке:

А с той стороны могульское войско с мечами в руках
Стлалось словно туман по долине и степи.
Когда пошли оба войска строй на строй,
От подков скакунов дробился камень,
Слились два железных моря,
Ударилась витязи палицами и мечами.
Когда они обратили дугу лука в сторону поля битвы,
В груди (бойцов) словно пупок появились раны от удара
стрел...»³³⁴.

Источники наглядно отразили и последовательность применения боевого оружия в ходе сражения:

«Первым за жертвой отправился лук,
Испустил кровожадную стрелу...
В полете дротики пронзали друг друга,
Тысяча (таких) треугольников в воздухе...
Когда копьё попадало кому-нибудь в рот,

³³³ Хафиз Таныш. Шараф-намэ Шахи // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – С.201.

³³⁴ Шади. Фат-намэ. // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – 412 с. – С.55-71.

Словно лилию, язык оно вытаскивало через затылок.
Жемчугом, которым украшен меч,
Выписывались перед глазами буквы смертного часа³³⁵.

С начала XVII в. до середины XVIII казахи вели войны с джунгарами. Строгая дисциплина и порядок в джунгарской армии, как, впрочем, и в самом государстве, являлись важнейшим условием успешных войн джунгар. Преимущество высокой военно-политической централизации у джунгар наглядно сказывалось и в ходе их войн с казахами. В. Моисеев пишет, что «каждый в отдельности казахский воин не уступал своему противнику в воинской выучке и доблести, однако их предводители — ханы, султаны, батыры действовали в большинстве войн разобщенно и несогласованно, за что и терпели поражения»³³⁶. Но были и яркие победы казахов над джунгарами. Одну из таких описывают авторы «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 году: «в 1643 г. 50000 джунгарских воинов вторглось в пределы Казахстана. Нападение было таким неожиданным и стремительным, что Джангир-хан успел выставить небольшой отряд в 600 человек. С этой горсткой смельчаков Джангир-хан решил приостановить продвижение многочисленной вражеской армии. Отряд казахских воинов умело воспользовался гористой местностью и искусным маневром заманил джунгарские войска в засаду, устроенную в горном ущелье, окружил их и нанес им решительное поражение. В битве пало 10000 джунгар³³⁷. Эта победа свидетельствует о высоком военном искусстве отдельных казахских предводителей. Выдающимся полководцем второй половины XVIII в. был

³³⁵ Шади. Фат-намэ. // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — С. 56.

³³⁶ Моисеев В.А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии. (Средние века и новое время). — Алма-Ата: Ғылым, 1990. — 289 с. — С.74.

³³⁷ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыхаликова и А. Панкратовой. — Алма-Ата: Казогиз, 1943. — С.110-111.

Абылай хан. В вышеуказанной «Истории Казахской ССР» о его воинских подвигах пишется следующее: «В 60-70-е годы XVIII в. он нанес сокрушительный удар киргизам, которые своими набегами разоряли южные казахские земли. Не менее удачные войны вел Абылай хан с ходжентским властителем и Ташкентом. Абылай хан стремился иметь собственную вооруженную силу. Он значительно увеличил ханскую дружину, состоявшую из толенгутов. Кроме того, его военное руководство составляли храбрые и преданные ему батыры, участвовавшие вместе с ним в походах. В окружении Абылайхана находились такие известные и прославленные батыры его времени, как Кабанбай из рода Кара-Керей, Богембай из рода Канжыгалы, Жаныбек, сын Шакшака. Абылай хан в наиболее трудные и опасные походы водил свои войска сам и лично руководил ими во время сражений. Он часто выходил на врага один на один со своим боевым кличем «Абылай!» и показывал своему войску образцы храбрости и отваги»³³⁸.

В диссертации А. Кушкумбаева рассмотрен процесс функционирования военной модели казахов-кочевников, из которого ясно, что наиглавнейшей предпосылкой любого военного предприятия номадов в степи являлось достаточное наличие водоисточников на пути следования войска и кормов для скота. В ином случае поход мог быть поставлен под угрозу срыва. Казахские воины на боевом марше копировали в какой-то степени методы передвижения традиционных кочевков с присущей им высокой мобильностью, приспособленностью к длительным переходам, ускоренным ритмам движения по пустынно-степной территории.

В работе особо отмечена тактика казахов в войне. Так, А. Кушкумбаев полагает, что одним из главных тактических приемов казахов на войне был принцип неожиданного и стремительного нападения, что позволяло навязать неприятелю свой «стиль» и ход боя. Для военного искусства ко-

³³⁸ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. – С.167.

чевников характерен постепенный (этапный) ввод в сражение крупных боевых единиц. В военной тактике казахов применялись различные способы и варианты ведения боя: атака по фронту, однонаправленное бронированное нападение по намеченной цели, удар по флангу, охват отдельных частей противника, окружение флангов, разносторонние удары, ложные отступления и наступления, постоянные маневры и перегруппировки по линии и в тылу³³⁹.

Казахские полководцы с отборным резервным отрядом располагались в ставке, наблюдая за ходом боя и руководя войсками. Тактический резерв давал возможность изменить опасную боевую ситуацию в свою пользу. Управление войсками осуществлялось с помощью знамен, барабанов, светодымовых эффектов. Воины каждого подразделения держали ориентир в бою на родовые знамена и флаги и стремились держаться вблизи знаменосца³⁴⁰.

А.К. Кушкумбаев показывает, что «Сигналом к военным сборам служило боевое знамя рода, выставлявшееся около юрты предводителя. В тоже время отдельные родовые отделения имели собственные боевые «значки» (флаги), соответствующие цвету общего знамени»³⁴¹. Автор подчеркивает, что такое знаменное подразделение казахов становилось и внутрискучульным формированием воинских частей кочевников. А по числу знамен и «значков» можно было примерно узнать количество бойцов того или иного рода. Другая заметная черта казахов ополчений это деление по боевым уранам (кличам).

Особо автор остановился на характеристике конского состава кочевников и пришел к аргументированному выводу, что казахская порода лошадей по своим свойствам и каче-

³³⁹ Кушкумбаев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. – С.19.

³⁴⁰ Кушкумбаев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. – С.20.

³⁴¹ Кушкумбаев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. – С.20.

ствам наиболее адаптирована к ведению военных действий в аридно-степной зоне Казахстана. Суровые обстоятельства кочевого быта и образа жизни помогали степным воинам стойко и хладнокровно переносить невзгоды и лишения войны.

В диссертации А.К. Кушкumbaева обращается внимание на то, что кровопролитные непрекращающиеся конфликты внутри кочевого мира, нападения и набеги на близлежащие государства и страны давали тот практический военный опыт, который лег в основу стратегии и тактики кочевого военного искусства. При этом важное значение придается специфике природно-климатических условий казахстанского региона, объективно обуславливавших многие стороны военной тактики кочевников. Широкомасштабные военные операции, направленные на оседло-земледельческие оазисы, кочевники, в основном, предпочитали вести в летне-осенний сезон (вплоть до ранней зимы), что связано с меридиональным движением кочевых маршрутов на юг. В войне против соседних кочевых народов военные действия и походы они старались проводить зимой и весной с целью внезапно атаковать противника и не дать ему времени для сбора вооруженных сил³⁴².

Обобщая материал о военном деле казахов в XVIII-XIX веках, Т.К. Алланиязов отметил, что в арсенале их тактических приемов преобладало маневрирование с постоянным уклоном от боя. Хозяйственные потребности (выпас скота) и военные соображения (использование местности для укрытия людей и скота) обуславливали также и необходимость рассредоточения войск на небольшие отряды. А это, в свою очередь, позволяло каждому отряду действовать более инициативно³⁴³. При этом автор обращает внимание на свидетельства дореволюционных российских исследователей. Так, к примеру, Н.Г. Мякушин отмечает, что «будучи собраны в большую массу, отряды кочевников «действовали гораздо хуже, чем в

³⁴² Кушкumbaев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. – С.21.

³⁴³ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – С.127.

одиначку и небольшими партиями»³⁴⁴. А. Кушкумбаев считает, что необходимость ведения войны малыми мобильными и легкоуправляемыми боевыми подразделениями диктовалась условиями неблагоприятной тактической обстановки. Казахи «вели войну малыми мобильными и легкоуправляемыми боевыми подразделениями, проводя активные военные действия в ночное время, прибегая к различным хитростям и уловкам». По мнению А. Кушкумбаева, эта форма ведения малой войны определялась именно природно-хозяйственными закономерностями кочевой жизни. «Не случайно, что казахи-кочевники наиболее эффективно достигали весомых военных результатов небольшими и хорошо организованными отрядами»³⁴⁵.

Помимо беспрерывно повторявшихся при отступлении неожиданных налетов, отвлекавших внимание и силы противника и прикрывавших подчас уход населения и угон скота, применялись еще обходы и охваты противника, окружения, засады. Неотъемлемой составной частью военного искусства казахов был короткий стремительный бой. «Вступают в дело перестрелкою с неприступных мест, метанием стрел и, наконец, стремительным нападением толпою с криком «ги» — писал об этом С.Б. Броневский, — «Горе тем, которые, не выдержав хладнокровно их натиска, покажут тыл»³⁴⁶. М.А. Терентьев указывал, что в случае надобности казахи организовали переправы боевых дружин, населения и своих табунов через большие реки, устраивали камышовые мосты большой прочности и подъемной силы³⁴⁷. А.А. Росляков особое внимание уделял хорошо налаженной работе разведки и сигнализации³⁴⁸.

³⁴⁴ Мякушин Н.Г. Секретная экспедиция уральских казаков // Военный сборник. — 1904. — № 12. — С.38-45.

³⁴⁵ Кушкумбаев А.К. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. — С.22.

³⁴⁶ Записки... С.Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. — С.173.

³⁴⁷ Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России. — СПб., 1874. — 235 с. — С.217.

³⁴⁸ Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков. — С. 16.

Важную роль подготовки воина у кочевых народов отмечает целый ряд исследователей. Особенно большое внимание уделено этому вопросу в работах Т.К. Алланиязова, который считает: «В системе боевой подготовки степного воина ключевая роль отводилась психофизической подготовке. Профессионализация военного дела требует от воина особой психологической подготовленности. Воинов обучали способности хранить самообладание и выдержку в критических ситуациях, в них развивали волю к победе, готовность к борьбе на смерть»³⁴⁹.

Сравнивая дальневосточную и степную систему подготовки воинов, Т. Алланиязов указывает: «В отличие от дальневосточных систем боевой подготовки степная система боевой подготовки не нуждалась в периодическом удалении воинов в лоно Природы. Она сама была порождением Природы, ее составной и естественной частью. Природные качества и способности кочевника-скотовода делали его хозяином пустынь и степей. Здесь он чувствовал себя в родной стихии. Ему незачем было пробуждать в себе уснувшие инстинкты, обострять чувства и восприятие, заряжаться природной энергией. Все это естественно и органично было заложено в нем и развивалось ежедневной жизненной практикой, обусловленной кочевым бытом и характером производственной деятельности скотоводов. Природный фактор и создал реальные условия, в которых возникла и успешно функционировала степная система боевой подготовки конных воинов»³⁵⁰.

Особое отношение казахов к лошадям и их подготовку как наездников отмечали еще дореволюционные и ранние советские исследователи. «Киргизы, — писал С.М. Абрамзон, — неутомимые всадники, способные в течение долгого времени не сходить с седла и преодолевать тяжелые препятствия на

³⁴⁹ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С. 96-97.

³⁵⁰ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С. 96.

своем пути: перевалы, стремительные горные реки и т. п.»³⁵¹. Р.С. Липец отмечал, что высоко ценились и составляли гордость конного воина легкая посадка на коня, безукоризненное умение держаться в седле. В этом проявлялись ловкость и смелость джигита³⁵².

Характерная особенность посадки степного воина — посадка «в три перегиба». Известный исследователь фольклора Г.Н. Потанин дает следующее пояснение этой посадке: «Тело сидящего на коне богатыря представляет три зигзага, которые образуются: первое — торсом, наклоненным над передней лукой; второе — бедром, образующее угол с торсом, и, наконец, голенью, направленной параллельно торсу». Такая посадка с наклоном вперед и несколько в сторону, с согнутыми коленями резко отличалась от традиционной посадки западноевропейских рыцарей — с прямой спиной, поскольку всадник сидел в «креслеседе», удерживавшем его тело в стабильном положении. При этом исследователь отмечал, что такое седло, хоть и препятствовало попыткам выбить всадника из седла, но оно же и затрудняло для него маневрирование, столь необходимое в бою³⁵³.

Лошадь в жизни казахов занимает особое место. О том, как дорог был казаху хороший конь, говорит казахская пословица: «если у тебя плохая лошадь — уходит удовольствие, если, у тебя сын плохой — уходит сила». Лошади казахских степей отличались быстротой, крепостью и большой выносливостью. Больше всего было лошадей в северной части степи, где располагались пастбища, густо заросшие ковылем, о чем свидетельствует Н. Рычков: «Сия Орда (Средняя) перед Меньшею

³⁵¹ Абрамзон С.М. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня. // Этническая история народов Азии. — М., 1972. — С. 67-82.

³⁵² Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. — М.: Наука, 1984. — 263 с.

³⁵³ Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина: (Архивные материалы и публикации) / сост. и коммент. С.А. Каскабаева и др. — Алма-Ата: Наука, 1972. — С.266.

люднее и богаче, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше, нежели в Меньшей орде»³⁵⁴.

В конце XIX века казахские степи посетил немецкий исследователь А. Брем. Он дал очень интересную с этнографической точки зрения заметку, в частности, об особом почитании лошадей казахами: «Лошадь есть не только полезнейшее, благороднейшее и любимейшее из всех домашних животных киргиза, но представляет в глазах своего владельца символ величайшей красоты, и в то же время мерило, которым оценивается и определяется богатство или бедность. Лошадь составляет гордость юноши и девушки, мужчины или старика, молодой женщины или старухи, когда хвалят или бранят лошадь, это все равно, что хвалят или бранят всадника, удар по лошади относится не к лошади, а к её всаднику, её владельцу»³⁵⁵

В своих трудах А. Брем подчеркнул роль лошади в жизни казахского народа: «Без лошади киргизов нельзя себе и представить, они вырастают вместе с жеребятками, и каждый из них живет со своим конем неразлучно до самой могилы. И хотя киргиз ездит не исключительно только на лошади, хотя он умеет выехать и подчинить себе всякое животное, способное носить его, но, тем не менее, лошадь остается всегда при всех обстоятельствах его главным верховым животным, любимейшим товарищем, так как все дела он справляет сидя в седле»³⁵⁶.

Казахский исследователь М-С. Бабаджанов как истинный сын своего народа отдал дань уважения наиболее почитаемому среди казахов животному – лошади. Он писал: «Правильность или удовлетворительность телосложения или склада лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначения или употребления лошадей... Познание ло-

³⁵⁴ Рычков Н. Топография Оренбургской губернии. – Ч. 1. – СПб., 1762. – 405 с. – С.16-29.

³⁵⁵ Брем А. Степные кочевники-скотоводы// Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» за 1896 г. Январь, февраль, март, апрель. – СПб., 1896. – С. 138-154.

³⁵⁶ Брем А. Степные кочевники-скотоводы. – С.139.

шадей составляет такую мудреную тайну, такую трудную науку, которая не дается легко и которая не всегда достигается верно, определительно и скоро. В выборе лошади киргизы руководствуются преимущественно такими соображениями, по которым свойства лошади наиболее соответствуют её желаемому употреблению. Так, и в настоящее время существующие киргизские лошади, т.е. их общая порода, разделяются на сорта и виды, сообразно способностям или годности их для того или другого назначения»³⁵⁷.

В 1883 г. А. Джантюрин опубликовал статью «Очерки киргизского коневодства», в которой подчеркивается совершенно особая роль коня в хозяйственно-экономической и социально-культурной жизни казахского этноса: «В киргизском хозяйстве коневодству принадлежит самое почетное место как по количеству его и ценности, так и по служебному назначению. Киргиз без лошади немислим. Как бы много не было других родов скота, но если нет лошадей, то такой человек не считается богатым и не пользуется почетом в народе»³⁵⁸.

Интерес исследователей к лошадям усилился в период независимости Казахстана. Так, в 1992 г. А. Токтабаев в кандидатской диссертации на тему «Коневодство казахов в XIX-начале XX вв. (историко-этнографическое исследование)» обратил внимание на то, что «любимые масти были не только у одного отдельно взятого человека, но и целого рода и племени. Адаевские «кокмойыны» (синешеи), аргынские «ак-боз» (белые лошади), найманские «шубар» (чубарые) и др., которые требуют своего исследования»³⁵⁹. Интересно также, что бунчуки десяти племен, составивших основу казахского этноса, были десяти разных цветов:

³⁵⁷ Бабаджанов М.-С.К. Лошади и их испытания во внутренней киргизской орде // Сборник статей (1861-1871). – Алматы, 1996. – 144 с. – С.31-32.

³⁵⁸ Джантюрин А. Очерки киргизского коневодства // Туркестанский сборник. – Т. 366. – СПб., 1883. – 320 с. – С. 98-103.

³⁵⁹ Токтабаев А. Коневодство казахов в XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): автореф. дисс. к.и.н. – Алма-Ата, 1992. – 29 с.

1. Торы (гнедой),
2. Курен (бурый),
3. Кула (саврасый),
4. Кери (мухорты),
5. Шабдар (игренвый),
6. Акбоз (белый),
7. Шубар (чубарый),
8. Макпал кара (вороной),
9. Жирен (рыжий),
10. Бурыл (чалый)³⁶⁰.

В 2004 г. А.Т. Жанисов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль коневодства в хозяйственно-культурной жизни казахов Сарыарки в XVIII – первой половине XIX вв.». Автор отмечает: «Определяющая роль коневодства в экономике казахского общества отразилась в социальной и духовной сферах бытия. Во всех жизненных циклах казаха-кочевника лошадь играла большую роль. Начиная от рождения человека, до сопровождения в последний путь, конь был его неотъемлемым спутником»³⁶¹.

В работе С.Е. Ажигали значительное место посвящено роли коня в системе духовной культуры и верований казахов средневековья. Автор подчеркивает: «В этнографии евразийских конных кочевников популярны посвящение коня высшим божествам, божествам-покровителям, обряды испрашивания различных благ посредством жертвы коня. Зачастую эта серия жертв, которую возглавляет конь. Почти неизменным условием проведения таких обрядов являлась руководящая роль шамана как жреца. У казахов жертвоприношение коня производилось с особо важной целью – для решения вопросов войны и мира, а также для испрашивания

³⁶⁰ Токтабаев А. Коневодство казахов в XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование). – С.21.

³⁶¹ Жанисов А.Т. Роль коневодства в хозяйственно-культурной жизни казахов Сарыарки в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дисс. к.и.н. – Алматы, 2004. – 25 с.

детей. В эпосе «Кобланды-батыр» старый Токтарбай, принеся в жертву Корасану-аулие коня и барана, приобрел взамен сына Кобланды. Таким образом, тюркский этнографический материал свидетельствует о генетической связи, так называемого «культа предков» с концепцией посредничества между людьми и божествами³⁶².

В 2004 г. вышла интересная и содержательная монография известного казахского этнолога А.У. Токтабая «Культ коня у казахов», в котором автором были изучены обряды, обычаи и традиции казахов, связанные с конем. Вместе с тем в нем содержатся ценные сведения о национальных способах тренинга, роли коня в народной медицине, народная ветеринария»³⁶³.

Отмечая роль лошади в жизни кочевников, А.У. Токтабай пишет: «В бытовой жизни казахов среди четырех разновидностей домашних животных конь всегда ценился выше других и занимал свое особенное главное место. Казахи очень ценили и берегли лошадей, любовно называли их «есті жануар» — «мудрым животным», «тілсіз адам» — «безъязыким человеком». Называли лошадиными прозвищами: «жеребенок мой», «жеребеночек мой» — «құлыным — құлыншағым», справедливого и честного человека именовали «аргамаком», и самого коня называли человеческими именами, давая теплые человеческие прозвища «қарағым» — «зрачок моих глаз», «шырағым» — «светоч ясный». Такое отношение к лошади, возвеличивание и почитание коня, связано с ведущей ролью этого благородного животного в кочевой жизни и в быту у казахов»³⁶⁴.

В 2005 г. была опубликована монография А.У. Токтабая и Ж. Сейткуловой «Төрт түліктің қасиеті», в котором изложены традиции, обряды и обычаи казахов, связанные с коневодством и его роли в хозяйственно-экономической жизни казахов»³⁶⁵.

³⁶² Ажигали С.Е. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). — Алматы, 2002. — 654 с.

³⁶³ Токтабай А.У. Культ коня у казахов. — Алматы, 2004. — 124 с.

³⁶⁴ Токтабай А.У. Культ коня у казахов. — С. 3.

³⁶⁵ Токтабай А., Сейткулова Ж. Төрт түліктің қасиеті. — Алматы, 2005. — 192 б.

Помимо искусства верховой езды, в подготовку степного воина входили стрельба из лука и владение приемами борьбы. По мнению Т. Алланиязова, «именно наличие этих трех основ, их совокупности и является отличительной особенностью системы боевой подготовки степного воина от иных систем – юго-восточных (Китай, Япония, Корея, Индия) или западных (Рим, Греция, Византия). Система боевой подготовки степных воинов включала в себя владение всеми видами традиционного оружия: копьем, мечом (саблей, булавой, дротиком, секирой, кинжалом), причем на одинаковом уровне»³⁶⁶.

Таким образом, система подготовки воина-кочевника представляет значительный интерес в военной историографии. Следует присоединиться к мнению казахского исследователя военной истории казахов Т.К. Алланиязова: «Рассмотренные нами основные элементы системы боевой подготовки степного воина, ее характерные особенности, принципы и правила единоборства конных воинов, средства и методы подготовки воинов к рукопашному бою есть свидетельство ее уникальности. Ее жизнеспособность и значимость были подтверждены на деле: кочевая военная система, составным элементом которой была система боевой подготовки степного воина, являлась «одной из самых совершенных систем средневековья» и обусловила высокий уровень военного дела и победоносные войны кочевников Евразии»³⁶⁷.

Военному искусству казахов в годы Крестьянской войны 1773-1775 гг. под предводительством Пугачева посвящено несколько работ Н.Е. Бекмахановой, которая отмечает, что в период восстания казахские отряды выступали как в составе Большого войска Е. Пугачева, так и самостоятельно на своей территории, зачастую отдаленной от основных очагов восстания. Военную тактику казахских отрядов Н.Е. Бекмаханова рассматривает в нескольких работах. Так, Н.Е. Бекмаханова указывает, что активное участие казахи принимают в осадах,

³⁶⁶ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – С. 96.

³⁶⁷ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – С. 97.

и не только мелких, но и крупных, хорошо укрепленных городов и крепостей. «Осада и штурм ведутся не только совместно с отрядами Е. Пугачева, но и самостоятельно. В ходе штурма, в первую очередь, поджигали деревянные строения внутри укрепления, для чего подожженной берестой, «воткнув оную на стрелу, стреляют и ею зажигают», затем уже начинают штурм крепостного вала или стен. Наступление штурмующих защитники крепостей и постов не могли остановить даже артиллерией, так как казахские отряды научились тушить ядра и бомбы мокрым войлоком»³⁶⁸.

Н. Бекмаханова отмечает, что «действиям казахских отрядов были присущи новые черты и определенная организованность. Готовясь к нападению, они обычно производили разведку. Затем направлялись в поход, стараясь двигаться скрытно в целях внезапности нападения, и всегда впереди себя направляли небольшие дозоры для выяснения обстановки. В сражениях с правительственными отрядами казахские отряды выступали обычно левой или обходили противника с флангов, хорошо маневрировали и мужественно сражались, но обычно не выдерживали, если против них применяли артиллерию. Отступая, пускались на тактическую хитрость: быстро рассыпались по степи и вновь собирались в отдалении для последующего удара»³⁶⁹.

Также Н.Е. Бемаханова отмечает, что казахи в этой войне широко использовали такой тактический прием, как поджог степи. «Довольно давним и действенным тактическим средством, широко использовавшимся казахами во время войн и набегов, служили палы (поджоги степи). Известны случаи использования палов казахами с целью затруднить продвиже-

³⁶⁸ Бекмаханова Н.Е. Участие казахов Среднего жуза в Крестьянской войне 1773-1775 г.г. под предводительством Ем. Пугачева // История, философия, экономика: (Сб. ст. асп. и соиск.). – Алма-Ата, 1964. – С. 104-117.

³⁶⁹ Бекмаханова Н.Е. Отголоски Крестьянской войны под руководством Ем. Пугачева в Младшем жузе (1775 г.) // Общественные науки. (Сб. ст. асп. и соиск.). – Вып. 7. – Алма-Ата, 1965. – С.203-218.

ние правительственных войск в период Крестьянской войны 1773-1775 гг.»³⁷⁰.

Наиболее исследованным в историографии военного искусства казахов является вопрос, связанный с восстанием Кенесары Касымова. В 40-х годах XIX века в ходе военных действий с правительственными войсками Российской империи талантливым полководцем проявил себя «мятежный» султан Кенесары Касымов. Он создал прекрасную армию, состоявшую из 20000 джигитов, среди которых проводил строгую военную дисциплину. Действия отрядов Кенесары очень опасны для колониальных властей, и потому пользовались повышенным вниманием со стороны царской администрации и военных исследователей. Одной из первых публикаций, касающейся восстания, был рассказ барона Услара «Четыре месяца в Киргизской степи», который вышел в журнале «Отечественные записки» в 1848 году. Барон Услар отмечал строгую военную организацию и дисциплину войска: «При мне, собрав всех своих казахов, Кенесары предал мучительной смерти одного казаха, которого застал спящим в ночном карауле»³⁷¹. Хорошо отличившихся джигитов Кенесары поощрял без различия положения. Кенесары устраивал пикеты и разъезды, обучал лазутчиков, заботился о продовольствии войск.

Большой вклад в изучение проблемы внесли представители Генерального штаба Российской империи, не являвшиеся профессиональными историками и занимавшиеся описанием и исследованием военно-политического продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию, а также сбором статистических и географических материалов. Речь идет о таких известных авторах, как М. Венюков, Л. Мейер, М. Красовский и др. М. Венюков в

³⁷⁰ Бекмаханова Н.Е. Участие казахов в осаде Оренбурга // *Общественные науки: (Сб.асп. и соиск.)* — Вып. 8. — Ч.2. — Алма-Ата, 1965. — С.120-132.

³⁷¹ Услар Б. Четыре месяца в Киргизской степи // *Отечественные записки.* — Т. IX. — 1848. — С.112-123.

своей статье «Заметки о степных походах», говоря о восстании Касьмова, показал тактику военных действий обеих сторон ³⁷².

Офицеры Генерального штаба Л. Мейер и М. Красовский уделили внимание и восстанию Кенесары Касьмова. Л. Мейер критически оценивал выступление султана, которое, по его мнению, не принесло казахам положительных результатов ³⁷³. М. Красовский также кратко описал деятельность Кенесары, отметив при этом его выдающие военные таланты ³⁷⁴.

Сохраняют свою научную ценность труды военных историков М.А. Терентьева ³⁷⁵ и А.И. Макшеева ³⁷⁶, вышедшие позднее и посвященные истории и военной политике России на территории казахских жузов и в Средней Азии. Работы всех вышеназванных авторов не были специально посвящены политике властей в отношении восстания султана. Оно рассматривалось ими в контексте происходивших в казахской Степи общих политических событий. М.А. Терентьев и А.И. Макшеев отмечали незаурядные личные качества султана, его военные дарования и организаторский талант. В то же время М. Терентьев подчеркивал низкую эффективность военной составляющей политики оренбургских и западно-сибирских властей в условиях степи. Оба исследователя обратили внимание на различия в подходах к восстанию двух центров власти. А.И. Макшеев упоминал о разногласиях западно-сибирского генерал-губернатора П.Д. Горчакова и оренбург-

³⁷² Венюков М. Заметки о степных походах в Среднюю Азию // Военный сборник. — СПб., 1860. — №12. Декабрь. — С. 269-299.

³⁷³ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — СПб., 1865. — С.3-37.

³⁷⁴ Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. I. / Составил Генерального штаба подполковник. — М.: Красовский. — СПб., 1868. — 270 с.

³⁷⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. — СПб., 1906. — Т. I. — 234 с.

³⁷⁶ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. — СПб.: Военная типография, 1890. — 196 с.

ского В.А. Перовского, определявших политику в отношении восстания Кенесары. Выступление султана он оценивал как бунт представителя казахской знати, потомка хана Аблая. Работы авторов ограничивались в большей степени описанием событий восстания, а тактика и военное искусство казахов практически не затрагиваются. В основном литература посвящена описанию военных качеств самого Кенесары и его таланту полководца.

Наиболее серьезная в дореволюционной историографии работа, посвященная восстанию Кенесары, принадлежит перу Н.А. Середы – «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова»³⁷⁷. Автор привлек большое количество ранее не использованных документов, значительно расширив исследовательскую базу. Он характеризовал казахского султана как прагматичного политика и талантливого полководца, действовавшего сообразно обстоятельствам и лавировавшего между двумя местными центрами власти. Середа так описывает военную тактику царских войск. По его словам, царское правительство направило для разгрома Кенесары три отряда: со стороны крепости Орск, с гор Улу-Тау и от реки Тобола. В мае 1844 г. отряд, возглавляемый Жантюриным, султаном Баймахамбетовым и войсковым старшиной Лебедевым, направляется на юг в сторону Кара-Кумов.

При этом Н. Середа указывает, что задача русских отрядов сводилась к тому, чтобы взять отряды Кенесары с обеих сторон в клещи и отрезать пути отступления со стороны Тургая на Кара-кумы. Однако, царским отрядам не удалось осуществить свой план. Давая отдельные бои, Кенесары благополучно отступил к Кара-кумам. Кенесары и теперь решил отправить лишь небольшой отряд против русских в качестве заслона, а основные силы готовить для решающего удара в тылу противника. 17 июля 1844 г. отдельные его отряды стали

³⁷⁷ Середа Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1837-1847 г.) // Вестник Европы. – 1870. № 8-9. – № 8. – С. 541-573; № 9. – С. 60-86; 1871. – № 8. – С. 655-690.

навязывать бой русским войскам, находившимся под командованием султана Жантюрина и полковника Дуниковского. Избегая решительного столкновения с русскими войсками, они должны были изматывать силы противника. В ночь с 20 на 21 июля 1844 г. основные силы Кенесары ударили в тыл противника, окружив отряд Жантюрина. В ходе ожесточенных боев этот отряд был полностью разгромлен. В бою было убито 44 султана. Отряд Дуниковского, несмотря на близость битвы, не решился оказать помощь султанам, опасаясь окружения и гибели³⁷⁸.

В исследовании А.И. Добросмылова «Тургайская область. Исторический очерк» автор так же остановился и на восстании Кенесары³⁷⁹. Он кратко изложил события, описанные у Н. Середы, но привлек и новые данные о воинских походах против восставших и политике российских властей в казахских жузах, об участии Кенесары в среднеазиатских делах. Автор отмечает высокий уровень полководческого искусства Кенесары Касымова. В частности, он отмечает, что Кенесары, хорошо организовав разведку, сумел разъединить сибирские и оренбургские отряды, шедшие на соединение друг с другом, вывести свои войска из окружения, а затем нанести противнику серьезное поражение, применяя тактику обходного флангового удара.

Отдельные упоминания о военном и полководческом таланте Кенесары имеются и в работах Г. Смирнова, М.Г. Черняева и П.П. Семенова-Тян-Шанского³⁸⁰.

В начале советских времен военному искусству казахов в

³⁷⁸ Середина Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1837-1847 г.). С.670.

³⁷⁹ Добросмылов А.И. Тургайская область // Исторический очерк. Т. I. – Вып. 1. – Оренбург, 1900. – 347 с.

³⁸⁰ Смирнов Г. Султаны Кенесары и Сыздык. Ташкент, 1889. – 2-е изд. – Алма-Ата: Жалын, 1992. – 122 с.; Черняев М.Г. Султаны Кенесара и Сыздык // Русский вестник. – Т. 203. – 1889. Август. – С.63-79; Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857. – М., 1948. – 265 с. – С. 192-193.

период восстания Кенесары Касымова было посвящено несколько исследований, среди которых, в первую очередь, следует назвать работы А.Ф. Рязанова. Первый его труд «Оренбургский край. Исторический очерк» был посвящен истории Оренбургского края и политической истории Младшего жуза³⁸¹. Второй – «На стыке борьбы за степь» – событиям 1835-1845 гг., после создания Новолинейного района в Оренбургском ведомстве³⁸². А.Ф. Рязанов в работе «Исторический Оренбург» ввел в оборот большое количество новых документов, хранящихся в архиве города Оренбурга³⁸³. Восстание Кенесары, по его мнению, стало ответом на усиление колониальной политики России в Казахстане. Главной причиной поддержки Кенесары со стороны казахов, по оценкам автора, стала потеря ими степных кочевий, на которых возводились линейные укрепления, строились приказы, часть земли переходила в пользование линейных жителей. Положительной стороной работы является основательная разработанность истории боевых действий правительственных отрядов против приверженцев султана.

Восстание Кенесары в целом было оценено А. Рязановым как антиколониальное, имевшее целью задержать продвижение России на восток. К сожалению, осталась неопубликованной его рукопись «Восстание Кенесары Касымова 1837-1847 гг.».

А.Ф. Рязанов большое внимание уделил борьбе казахского народа против колонизации, особое значение он придавал восстанию Исатая Тайманова³⁸⁴.

³⁸¹ Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Исторический очерк // Издание журнала «Вестник Просвещенца». – Оренбург, 1928. – 132 с.

³⁸² Рязанов А.Ф. На стыке борьбы за степь (очерк по истории колонизации Новолинейного района 1835-1845). – Оренбург, 1928. – 97 с.

³⁸³ Рязанов А.Ф. Исторический Оренбург // Вестник Просвещенца. – 1928. – № 4. – С.21-27.

³⁸⁴ Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836 - 1838 гг.). Очерки по истории национального движения казахского народа. Алма-Ата, 1991, С.16-21.

Еще в начале XX века начинают свою работу первые представители казахской интеллектуальной элиты, получившие российское образование. Расцвет их научного творчества пришелся на 1920 – 1930-е гг., когда предпринимаются первые попытки написания обобщающих работ по истории собственного народа. В это время выходят работы М. Тынышпаева, С.Д. Асфендиярова, Г. Тогжанова. Эти исследователи опирались на тезис об «абсолютном зле» Российской империи для покоренных народов, в том числе и Казахстана. В их трудах пролучили освещение вопросы военной истории казахов. Интересен факт написания М. Тынышпаевым небольшого сообщения о вооружении монголов, так он описывает наличие в монгольском войске специальной машины, выпускающей удушливые газы³⁸⁵.

В 1935 г. впервые была издана «История Казахстана с древнейших времен», написанная С.Д. Асфендияровым. Восстание К. Касымова рассматривалось автором положительно, как национально-освободительная борьба казахов с царским правительством³⁸⁶.

В 1941 г. стараниями М.П. Вяткина вышли в свет «Очерки по истории Казахской ССР». Одна из глав целиком посвящалась восстанию Кенесары. М. Вяткин комплексно подошел к изучению восстания султана, истоки которого выводил из выступления его старшего брата Саржана. При этом М. Вяткин довольно подробно охарактеризовал не только военную тактику казахских войск под руководством Кенесары Касымова, но и дал анализ военной тактики царских войск и причины так называемой «неуловимости» войск Кенесары хана³⁸⁷. Кро-

³⁸⁵ Тынышпаев М. Газовая война у монголов в XIII веке // История казахского народа / Сост. и авторы предис.: проф. А.С. Такенов и Б. Байгалиев. – Алма-Ата: Казак университеті, 1993. – С. 219–220.

³⁸⁶ Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – Алма-Ата-Москва, 1935. – 2-е изд. / под. ред. А.С. Такенова: учебное пособие. – Алма-Ата: Казак университеті, 1993. – 363 с. – С. 124.

³⁸⁷ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР с древнейших времен по 1870 г. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – Т. 1. – 332 с.

ме того, М. Вяткин детально занимался исследованием восстания под предводительством Срыма Датова³⁸⁸.

Исследование Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-40 гг. XIX в.» стало наиболее полным по истории политического развития Казахстана и национальным выступлениям в тот период. Основное внимание было уделено восстанию Кенесары Касымова 1837-1847 гг. Е. Бекмаханов ввел в научный оборот новые архивные материалы и попытался осветить весь комплекс проблем, связанных с выступлением Кенесары Касымова, начиная с истоков его возникновения в 20-х гг. XIX века, хода боевых действий и причин поражения³⁸⁹.

В.Ф. Шахматов занимался изучением выступлений казахов против колониальной политики царизма, в его работе «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова» освещаются отдельные аспекты военной тактики повстанцев³⁹⁰.

В 1957 году вышла монография Е.Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России»³⁹¹. Четвертая глава книги была посвящена национальным движениям в Казахстане и носила название «Реакционная сущность феодально-монархических движений в Казахстане», в ней автор анализирует военно-политические причины восстания Кенесары Касымова. Причины восстания автор усматривал во введении в реформах 1822 и 1824 гг., которые подрывали позиции казахской знати и отменяли ханскую власть, а также в строительстве военных линий, укреплений, в потере казахами пастбищ, в произволе администрации. К сожалению, в силу идеологического давления роль Кенесары, в том числе и его военный талант оценивались негативно.

³⁸⁸ Вяткин М.П. Батыр Срым. — М.-Л., 1947. — С. 125.

³⁸⁹ Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-40 годы XIX в. Казахское объединенное государственное издательство. — Алма-Ата, 1947.

³⁹⁰ Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. — Алма-Ата, 1947. — 129 с.

³⁹¹ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. — Алма-Ата, 1957. — 342 с.

Современные историки, свободные от идеологического давления, имеют возможность исследовать историческую и военно-политическую роль и значение восстания Кенесары Касымова и его личную роль с позиций объективности и научной достоверности. Военный талант Кенесары привлек внимание Д.И. Дулатовой, Ж.К. Касымбаева, Н.А. Кенесариной³⁹².

В частности, Ж. Касымбаев, пишет о военных реформах хана Кенесары. «Реформировал хан и свою армию. При нем появилась артиллерия, казахи начали осваивать пеший строй. От пленных и беглых солдат и офицеров Кенесары перенимал основы русской тактики. Он впервые ввел знаки отличия и систему награждения отличившихся воинов. Хану удалось создать дисциплинированное, хорошо обученное, мобильное конное войско, насчитывающее до 20 тысяч человек». Также автор приводит данные о многонациональном составе войска Кенесары. «В его армии были русские, башкиры, татары. Большинство из них находилось на командных постах. Один татарин, Алим Ягудин, был даже членом военного совета. Служили там каракалпаки, туркмены, узбеки, киргизы. Среди них особо выделялся узбек Сайдак-кожа Оспанов, получивший образование в Самарканде и Бухаре»³⁹³.

Итог исследованию историографии военного искусства казахов можно подвести словами Т.К. Алланиязова, который полагает, что приемы ведения войны и боя, существовавшие у кочевых племен Казахстана с древнейших времен до середины XIX в., были обусловлены особенностями кочевого скотоводства и на каждом этапе своего развития взаимосвязаны

³⁹² Дулатова Д.И. О движении казахов под руководством Кенесары Касымова в свете нового мышления / Национальные движения в условиях колониализма. – Целиноград, 1991. – С. 34-78; Касымбаев Ж.К. Об освободительном характере восстания 1837-1847 гг. под предводительством хана Кенесары Касымова / Аблай-хан. Кенесары. – Алматы, 1993. – С. 45-65; Кенесарина Н.А. О деятельности Кенесары Хана по царским документам. – Алматы, 2001. – 198 с.

³⁹³ Касымбаев Ж.К. Об освободительном характере восстания 1837-1847 гг. под предводительством хана Кенесары Касымова. – С.51.

с типом вооружения и снаряжения, составом и организацией войска, характером войн. Вывод исследователя заключается в том, что военное искусство казахов, развивавшееся как наследие кочевой традиции, к концу XIX века исчезает. Причины этого автор видит в том, что «во второй половине II тыс. н.э. с развитием огнестрельного оружия и созданием в соседних государствах постоянных регулярных армий технически отсталые и необученные к крупным полевым сражениям дружины степных воинов оказываются в невыгодном положении. Былое военное искусство кочевников все больше сводится к искусству дерзкого набега. Масштабы военных действий уменьшаются. Бой уступает место измору. Грозная военная сила степняков идет к своему закату. Казахи второй половины XIX века уже не могут рассматриваться как носители чисто степного военного искусства. В конце XIX века оно вообще исчезает как самостоятельная ветвь военного искусства»³⁹⁴.

Несмотря на то, что отдельные аспекты военного искусства казахов привлекали внимание исследователей еще в прошлых веках, тем не менее, в целом уровень разработки проблемы был недостаточным. Научные интересы историков составляли частные вопросы военного искусства и то в связи с происходившими в Казахстане военно-политическими событиями. Специально изучением военного искусства казахов занимались уже не раз упоминавшиеся А. Кушкumbaев и Т. Алланиязов. Безусловно, этого крайне мало, особенно если вспомнить уровень исследований военного искусства кочевников, который создан благодаря трудам сибирских ученых.

³⁹⁴ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С. 97.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВООРУЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ

3.1 Исследования наступательного оружия номадов Евразии

Прежде чем приступить к анализу историографии вооружения кочевников Евразии, необходимо выяснить, что такое оружие, по каким критериям оно подразделяется и на какие типы делится. На наш взгляд, наиболее четкие характеристики оружию даны известным оружейведом Ю.С. Худяковым в работе «Основные понятия оружейведения». По мнению автора, оружие определяется как «совокупность средств ведения боевых действий. Критерием выделения элементов служат структурно-функциональные и формальные (хронологические и территориальные) различия»³⁹⁵.

По предложенной классификации Ю.С. Худякова, «оружие (О) — инструмент ведения боя, совокупность материально-технических средств, обеспечивающих в ходе боя возможность поражения противника и защиты от поражения неприятелем. Оружие делится на наступательное и защитное в зависимости от предназначения»³⁹⁶.

³⁹⁵ Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1979. — С.184-193.

³⁹⁶ Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв.). — С.184.

По его мнению, наступательное оружие (НО) – это оружие, предназначенное для поражения противника в бою.

Защитное оружие (ЗО) – оружие, предназначенное для защиты от поражения противником в бою.

Помимо этого, наступательное оружие делится им на подразделы по различию в способах применения. Так, Ю. Худяков выделяет наступательное оружие ближнего боя (НОББ), предназначенное для поражения противника при сближении, в ближнем и рукопашном бою, и наступательное оружие дистанционного боя (НОДБ), предназначенное для поражения противника на расстоянии в дистанционном бою³⁹⁷.

По классификации Ю. Худякова, подразделы оружия делятся на рода – по различию в функции применения в бою. Наступательное оружие ближнего боя полифункционального назначения (НОББ ПН) – НОББ, соединяющее в своей форме универсальную функцию нанесения рубящих и колющих ударов – рубяще-колющее оружие (РКО). И наступательное оружие ближнего боя монофункционального назначения (НОББ МН) – НОББ, соединяющее в своей форме универсальную функцию нанесения рубящих или колющих ударов – рубяще-колющее, колющих ударов – колющее оружие (КО).

Наступательное оружие дистанционного боя сохраняет в своей целостно-совокупной форме функцию нанесения ударов с определенного расстояния – метательное оружие (МО)³⁹⁸.

Вооружению кочевников в историографии долгое время было посвящено сравнительно немного специальных научных работ. Вооружение кочевников Евразии было и вплоть до 90-х годов оставалось фактически белым пятном в советской, а затем и современной, в том числе казахстанской и российской историографии. Только в начале 90-х годов стали появ-

³⁹⁷ Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв.). – С.184.

³⁹⁸ Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв.). – С.185.

ляться работы, рассматривающие военное дело и элементы вооружения народов евразийской степи (Ю. Худяков, В. Михайлов, М. Горелик, Л. Бобров и др.)

В начале 90-х годов наличие интереса к данной проблеме породило целую серию статей М.В. Горелика, Ю.С. Худякова и Л. Боброва в популярных и военно-исторических журналах, выходящих на территории СССР, а затем и России, что и предопределило дальнейшую активизацию художественно-оружиеведческого направления не только в среде историков. В Казахстане выходит солидный труд А.С. Кушкumbaева, рассматривающий организацию военного дела казахов и их вооружение. Затем появляются две монографии Т.К. Алланиязова, в которых на богатом фактическом материале рассматриваются вопросы комплекса вооружения кочевников Казахстана.

Однако необходимо отметить, что отдельные фрагментарные сведения о вооружении кочевников Евразии появляются еще в XVIII веке, когда военно-политические интересы России по мере колонизации территорий Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии активизировали всплеск интереса к вооружению покоряемых народов. Однако уровень развития науки в тот период не позволил создать полноценные обоснованные источниковым и археологическим материалом труды. Поэтому историография вооружения кочевников Евразии начинает развиваться лишь в 70-х годах XX века. Тем не менее отдельные весьма интересные сведения о вооружении кочевников имеются в уже упоминавшихся исследованиях Э. Хара-Давана, С. Уолкера, Б. Владимирцова и других.

Так, Э. Хара-Даван указывает, что главным оружием легковооруженных монгольских конников был лук со стрелами; они сами и их лошади не имели вовсе или имели лишь самые примитивные и легкие защитные приспособления; лучники имели по два лука и по два колчана, один — расходный, другой — запасной. Запасной колчан был устроен так, чтобы предохранять стрелы от сырости. Стрелы отличались необычайной

остротой. Монголы были мастерами в их изготовлении и отточке. Приучаясь к стрельбе из лука с трехлетнего возраста, монгол был превосходным стрелком. Часть лучников была вооружена дополнительно дротиками. В качестве дополнительного оружия для возможного рукопашного боя имелись легкие сабли³⁹⁹.

Э. Хара-Даван указывает, что в тяжелой кавалерии люди имели кольчуги или кожаные латы; головной убор их состоял из легкого кожаного шлема с прочным назатыльником для предохранения шеи от сабельных ударов. На лошадях тяжелой конницы имелось защитное вооружение из толстой лакированной кожи. Главным наступательным оружием мечников были кривые сабли, которыми они владели в совершенстве, и пики; кроме того, у каждого имелась боевая секира или железная палица, которые подвешивались к поясу или к седлу⁴⁰⁰.

М.В. Горелик в работе «Оружие Древнего Востока» указывает, что монголы в рукопашном бою, а также при стычках в составе небольших партий старались сбрасывать или стаскивать врагов с коней; для этой цели служили прикрепленные к пикам и дротикам крючья, а также арканы из конского волоса, которые накидывались на неприятеля с некоторого расстояния. Захваченный петлей аркана неприятельский всадник стаскивался с коня и волочился по земле; тот же прием применялся и против пешего противник⁴⁰¹.

Э. Хара-Даван отмечает, что на вооружении у монголов имелись различные инженерные приспособления. «Важнейшим моментом в устройстве монгольской армии, в отличие от других кочевых народов, являлось то, что они широко использовали для осады городов различные инженерные при-

³⁹⁹ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. — С.100-101.

⁴⁰⁰ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. — С.101.

⁴⁰¹ Горелик М.В. Оружие древнего востока. — СПб.: Изд-во Атлант, 2003. — 241 с. — С.26.

способления: катапульты, тараны, техника подкопов и т.д. В качестве специалистов использовались пленные китайцы. Например, в среднеазиатском походе мы видим в составе монгольской армии вспомогательную инженерную дивизию, обслуживающую разнообразные тяжелые боевые машины, употреблявшиеся преимущественно при осадах, в том числе и огнеметы. Последние метали в осажденные города разные горючие вещества: горящую нефть, так называемый «греческий огонь» и др.». Э. Хаара-Даван указывал также такой интересный факт: перед боем монгол надевал шелковое белье (китайская чесуча). Эта ткань имеет особенность втягиваться в рану вместе с наконечником, задерживая его проникновение. Острие не может пробить ткань, и операция извлечения наконечника становится проста⁴⁰².

Лук и стрелы были одним из основных и древних видов оружия у кочевников, как, впрочем, и у других народов мира. Это подтверждают также многочисленные археологические данные и материалы письменных источников. Н.Я. Бичурин приводил данные китайских источников, в которых сказано о хуннах, что они «упражняются в конном стрелянии из лука»⁴⁰³. Также в китайских источниках встречаются упоминания о том, что древние тюрки «из оружия имеют луки со свистящими стрелами»⁴⁰⁴.

В. Курылев отмечал, что «лук и стрелы играли необычайно важную роль в жизни многих тюркских народов и в ряде случаев превратились в своеобразные символы. Так, у шорцев численность родов определялась по количеству луков»⁴⁰⁵. У

⁴⁰² Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. — С.126.

⁴⁰³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — С.231.

⁴⁰⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — С.232.

⁴⁰⁵ Курылев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. — Сб. МАЭ. — Л., 1978. — Т.34. — С. 48-55.

кумандинцев, по свидетельству Н. Б. Шерра, вместо подписи употребляли изображение лука»⁴⁰⁶.

Так же В. Курылев, как и многие другие исследователи, считал, что «ряд названий тюркских племен тесно связан с названием лука и стрел». При этом он ссылается на С.Е. Малова и В. Томсена, которые при исследовании древнетюркских рунических памятников неоднократно встречали название одного из тюркоязычных народов Средней Азии – «десятистрельный народ», «народ десяти стрел»⁴⁰⁷. По мнению В. Курылева, один из возможных вариантов этимологии названий двух больших групп огузов, бузук и учок также связывается с названием стрелы – ок.

Лук и стрелы, как это убедительно доказывает турецкий исследователь Осман Туран, были символами социально-правовых отношений в тюркских племенах. Лук выражал у древних тюрков положение сюзеренства, господства, а стрела – вассальности, подчиненности. Л.П. Потапов полагает, что стрела выражала приглашение к участию в походе, охоте или в каком-либо торжестве, а также была знаком уважения и любви⁴⁰⁸.

По мнению М. Каплан, о важном значении лука и стрелы как оружия свидетельствуют факты, что они нашли широкое отражение в фольклоре и религиозных представлениях тюркских народов⁴⁰⁹.

Эволюция древнетюркских луков освещена в исследованиях В.Н. Васильева, Д.Г. Савинова, С.И. Вайнштейна, Л.Р. Кызласова и Ю.С. Худякова. Древнетюркские луки,

⁴⁰⁶ Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: КемГУ, 1987. – С. 70-78.

⁴⁰⁷ Thomsen V. Turcica. Etudes concernant Inter pretation des inscriptions turques de la Mangolie et de la Siberie. – Helsingfors, 1916. – 172 p.

⁴⁰⁸ Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев / Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 17-23.

⁴⁰⁹ Kaplan M. Oguz Kagan destuni ile Dede Korkut kitabmda esya ve aletler. Yean Deni armagani. – Ankara, 1958. – S. 138-139.

по их мнению, ведут происхождение от гуннских луков с двумя парами концевых и срединных, с боковыми и фронтальной накладками.

Как полагает Ю.С. Худяков, данная конструкция начинает подвергаться модификации: исчезают срединная фронтальная накладка, концевые накладки с одного или обоих концов кибита. Необходимость этих изменений диктовалась требованиями повышения эффективности лука в условиях маневренной конной борьбы, стрельбы по цели на различных дистанциях в условиях рассыпного или плотно сомкнутого строя. «Во второй половине II тыс. н.э. с прекращением войн и набегов на смену сложному луку приходит простой охотничий лук. Таким образом, мы видим, что на протяжении длительного времени — с последних веков до н.э. и в течение последующих столетий вплоть до конца первой половины II тыс. н.э., кочевые народы, жившие на территории современной Евразии, имели на вооружении преимущественно сложносоставные луки, исходной моделью которых был гуннский лук»⁴¹⁰. По мнению Ю. Худякова, конструкция лука постоянно совершенствовалась и модифицировалась в сторону уменьшения размеров и увеличения упругости. Развитие лука происходило во взаимосвязи с эволюцией стрел и тактикой применения ручного металлического оружия в конном строю»⁴¹¹.

А. Росляков указывал, что лук был важнейшим и излюбленным оружием воина-кочевника. Лук был непременной принадлежностью вооружения не только рядового воина, но и вождя. Степные воины не расставались с ним даже на пирах и торжественных приемах — в этом случае лук с натянутой те-

⁴¹⁰ Худяков Ю.С. Закономерности и парадоксы развития оружия номадов Центральной Азии (сравнительный анализ комплексов вооружения хунну и сяньби) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: Парадоксы археологии. — Новосибирск: Б.и, 2004. — Вып.3 — С. 181-194.

⁴¹¹ Худяков Ю.С. Закономерности и парадоксы развития оружия номадов Центральной Азии (сравнительный анализ комплексов вооружения хунну и сяньби). — С.186.

тивной перекидывали через плечо, а несколько стрел затыкались за пояс. В бою лук держался вертикально и натягивался по «монгольскому» способу – большим пальцем, для чего на палец надевалось специальное каменное кольцо⁴¹².

Стрелы использовались не только для луков. Так, С.И. Вайнштейн описывает стрелы для тувинских самострелов, которые имеют железные плоские и треугольные наконечники без черенка (длиной около 7-8 см). Последние вставлялись в небольшой разрез древка стрелы, которое затем для плотности закреплялось обмоткой из тонких сухожилий⁴¹³. Стрелы с роговыми наконечниками, по археологическим данным, служили как боевые. По мнению В. Курылева, наиболее «в этом отношении показательна находка в могильнике Карамурун I (р. Шидерты) в Центральном Казахстане, относящемся по времени к эпохе раннего железа (VII-IV вв. до н. э.)⁴¹⁴. В захоронении воина в кургане 5-ж найдены остатки кожного колчана со стрелами, три из которых имеют костяные наконечники».

С.И. Вайнштейн придерживался того же мнения на основе археологических раскопок из «могильника Кокэль в Туве, относящегося к гунно-сарматскому времени. Здесь найдены костяные наконечники «в таких положениях у костяков, которые позволяют предполагать, что они были причиной смерти погребенных...»⁴¹⁵.

В. Курылев также отмечает, что «все стрелы с металлическим треугольным черенковым наконечником имеют внизу на древке (в месте оперения) украшения в виде красных полос, нанесенных спиралью и заканчивающихся широкой

⁴¹² Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV веках. – С. 20.

⁴¹³ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // ТТКАЭЭ. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.-Л., 1966. – Т. II. – С. 301.

⁴¹⁴ Курылев В.П. К вопросу об этимологии слов «бузок» и «учок» / Советская этнография. – 1965. – № 6. – С. 32-48.

⁴¹⁵ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. – С. 331.

черной полосой, после которой древко до пятки уже сплошь выкрашено красной краской»⁴¹⁶. По мнению исследователей, это, очевидно, очень древняя традиция. С.И. Вайнштейн, описывая стрелы, найденные в могильнике Кокэль в Туве, относящиеся к гунно-сарматскому времени, тоже сообщает, что «нижняя часть нередко окрашена красными горизонтальными полосами»⁴¹⁷. С. Вайнштейн, полагает, что это «весьма древняя традиция, существовавшая, судя по археологическим данным, у тюркок-тююк. Различная окраска (красная или черная) нижней части древка связана, скорее всего, с тем, чтобы воин мог при необходимости сразу и безошибочно извлечь из колчана нужную ему стрелу»⁴¹⁸.

Описывая бесчеренковые треугольные металлические наконечники стрел, а также металлические четырехгранные, он отмечал, что «для последних к тому же характерно некоторое утолщение пятки по сравнению с древком. По аналогии с археологическими данными можно считать, что это одна из наиболее древних форм пятки стрелы. Так, у тюркок-тююк все стрелы имели утолщенную пятку. Такой же формы были пятки стрел населения Тувы в гунно-сарматское время»⁴¹⁹.

Данные о количестве стрел Н.Я. Бичурин приводит из свидетельств китайских источников, в которых указывалось, что среди подарков, врученных во 2 г. до н. э. хуннскому шаньюю Хуханье, имелись лук и четыре выпуска стрел. «По обряду же из лука стреляли в три приема по четыре стрелы из одного выпуска, — следовательно, в одном выпуске было 12 стрел, а в четырех — 48»⁴²⁰.

⁴¹⁶ Курьлев В.П. К вопросу об этимологии слов «бузок» и «учок». — С.43.

⁴¹⁷ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. — С.332.

⁴¹⁸ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. — С.335.

⁴¹⁹ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. — С.341.

⁴²⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — С.328.

С IV-III вв. до н.э. единые формы наконечников стрел получают распространение на огромной территории Евразии, начиная от Монголии и кончая Северным Причерноморьем. Стрелы в колчане помещались наконечниками вверх, острием к слегка расширенному дну. При сравнительно хорошей сохранности берестяных колчанов приспособления для их подвешивания обнаружены не были. В некоторых захоронениях они лежали в саадаках. Древнетюркские лучники, как считает Ю.С. Худяков, подвешивали колчаны к поясу или портупее с помощью ремней⁴²¹.

Л.А. Бобров в работе «Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв.» указывает, что «Основным видом оружия легковооруженных всадников был сложносоставной лук (соответствующий времени модификации). Судя по изображениям, кыштымы владели им в совершенстве (стрельба вперед справа от шеи коня, стрельба назад с поворотом на 180° с левой и правой руки и т.д.). К поясу с правого бока подвешивался богато украшенный (даже у простых воинов) колчан (иногда еще один помещался у чепрака). Никакого другого оружия у легковооруженных воинов на изображениях нет. Следуя законам логики можно предположить бытование у стрелков (в начальный период VI-VIII века) кинжалов, легких мечей, топоров, а у командиров, возможно, и «тягеляев». В последующие века к ним добавились палаши, а затем и сабля. Скорее всего, применялись щиты, а также (на всем обозримом историческом отрезке) деревянные детали: наручи и поножи»⁴²².

В статье В.Г. Кищенко «Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция» описываются стрелы

⁴²¹ Худяков Ю.С. Закономерности и парадоксы развития оружия nomadов Центральной Азии (сравнительный анализ комплексов вооружения хунну и сяньби). — С.62.

⁴²² Бобров Л.В. Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв. // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005. — С. 76-81.

и дается попытка реконструкции стрел⁴²³. В ней он отмечает, что, к сожалению, стрелы, фиксируемые только в погребальных памятниках, доходят до археолога, как правило, лишь в виде металлических наконечников, хотя и случаются редкие исключения, когда остаются ветхие фрагменты от древков, детали крепления и следы от красящих веществ. Автор считает, что степное средневековое население практически не «оставило» нам материала для реконструкций стрел, не считая, естественно, металлических и костяных наконечников. Источниковая база оказалась ограниченной не только из-за воздействия времени, условий нахождения памятника и природных факторов, а еще потому, что, во-первых, степень фиксации материала в процессе археологических раскопок во многих случаях оставляет желать лучшего. Такое восприятие, наверное, будет естественным, так как вся система реконструкции В.Г. Кищенко практически полностью построена на фрагментарно сохранившихся данных. Собирались они из огромного массива опубликованных материалов археологических экспедиций и научных статей.

В.Ф. Немеров, рассматривая вопрос о вооружении монгольского воина, отмечает, что «до недавнего времени в основном базировалось на данных письменных источников и реже — на находках отдельных предметов «татаро-монгольского облика», преимущественно наконечников стрел, с покоренных монголами территорий. Введение в научный оборот новых археологических материалов из Восточного Забайкалья (с территории, непосредственно связанной с формированием, как монгольского народа, так и его государства), привлечение этнографических параллелей, а также материалов раскопок предшествующих лет, и прежде всего древних монгольских городов-ставок, позволяют не только уточнить, но в ряде случаев и существенно дополнить имеющиеся представления

⁴²³ Кищенко В.Г. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция // Степи Европы в эпоху средневековья: Половецко-золотоордынское время. — Донецк: ДонНУ, 2003. — Т.3. — С. 123-131.

о вооружении основной массы воинов орды. Характер этих находок в совокупности с сообщениями средневековых хроник позволяет сделать вывод, что основой воинских соединений татаро-монголов являлись тяжеловооруженная и легкая конницы»⁴²⁴.

В.Ф. Немеров выделяет в комплекте снаряжения татаро-монгольских панцирных всадников следующие виды оружия – «сложносоставной лук («номо»), хранившийся в походном состоянии в чехле-налучье («хаадак»), стрелы («тумэр булсуу») с плоскими, реже трехлопастными и четырехгранными наконечниками, берестяной колчан («хэгэныг»), в котором, помимо стрел, хранился и напильник для их натачивания («хурэ»), щит («халха»), однолезвийная сабля («хэлмэ»), иногда заменяемая мечом («мэсэ») или палашиом, железная булава («гулда»), боевой топор («алма хунэ»), а также копье («жада»). Все воины, в том числе легковооруженные, имели также нож («хутуг»), который хранился за голенищем сапога или в ножнах («гэрд»), шило («шубгэ»), кресало («хэтэ»), волосяную веревку («зээли»), путы для лошади трех типов («тушаа» – для передних ног, «уроолэ» – для передней и задней ног и «шудэр» – для передней и обеих задних ног), скребницу («зулгуур»), палатку («майхам») или верхнюю часть юрты («ово-хой»), одну на несколько человек, иголку («зуун»), нитки («утас») и кнут («ташуур»)»⁴²⁵.

Оружием дистанционного боя тяжеловооруженной татаро-монгольской конницы являлись лук и стрелы. Подтверждается мнение исследователей, в частности Ю.С. Худякова, о широком распространении в рассматриваемый период среди населения Центральной Азии и соседних территорий сложно-составного лука с одной фронтальной веслообразной роговой накладкой и деревянными надставками на концах кибити.

⁴²⁴ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. // Советская Археология. – 1987. – С. 212-227.

⁴²⁵ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. – С.215.

В.Ф. Немеров пытается восстановить и реконструировать форму и длину лука на основе археологических находок из могильника Зугмара-1 на р. Хилок, где накладка сохранила свое местоположение на кибити, длина лука со спущенной тетивой не превышала 120 см. Он считает, что «Лук имел М-образную форму, а накладка по внутренней поверхности была покрыта продольными желобчатыми нарезками для лучшего крепления ее на деревянной основе. Длина накладки – 18,0 при нитриле концов 2,5-2,7 см. Аналогичные накладки были найдены также в двух погребениях могильника Малая Кулинда на р. Онон. Луки этого типа, по центральноазиатской традиции, имели тетиву («номоной оохор») из тонких крученых кожаных ремней бычьей шкуры или плетеных овечьих кишков»⁴²⁶.

В оружиеведческой литературе луки, идентичные описанному В. Немеровым, вполне оправданно получили наименование «монгольских», так как время их появления и распространения среди кочевников Евразии совпало с выходом на политическую арену татаро-монголов. Как наиболее удобные в применении и в то же время обладающие определенным эффектом упругости, монгольские луки быстро снискали большую популярность в кочевом мире и, начиная с XIII в., почти полностью вытеснили все существовавшие до них типы сложносоставных луков. В.Е. Медведев отмечает, что только в лесостепных районах Восточного Забайкалья, несмотря на появление там луков «монгольского типа», а также у чжурчженей Приамурья, все еще бытовали луки так называемого «тунгусского типа»⁴²⁷. А Г.М. Василевич описывает технологию изготовления луков эвенков. Эти луки «длиной в одну ручную сажень склеивали рыбьим клеем из двух хорошо просушенных в течение 2-х лет и обычно естественно изогнутых пластин ели и березы или лиственницы и кедра. В середину

⁴²⁶ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. – С.216.

⁴²⁷ Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей: конец X-XI вв. (по материалам грунтовых могильников). – Новосибирск, 1977. – 224 с.

лука клеивали квадратный или овальный березовый клин, снаружи обклеивали луки берестой, а концы с надставкой из березы частично обматывали сухожилиями. В некоторых случаях обматывали сухожилиями только концы лука у надставки и обклеивали лук полосками черемухового дерева и берестой или делали надставные концы с зарубками для насаживания тетивы из дерева черемухи. Тетиву изготавливали из волокон конопли, из полосок кожи, а иногда обматывали ее еще тонким слоем бересты. Луки имели слегка двояковыгнутую форму»⁴²⁸.

В.Ф. Немеров указывает, что луки «монгольского типа» и луки «тунгусской» конструкции татаро-монгольские воины носили в особом кожаном или матерчатом чехле-налучье, прикрепив его к поясу с помощью сыромятных ремешков. Неотъемлемой частью лука являются стрелы. Хотя среди археологических материалов XII–XIV вв. из Восточного Забайкалья в равной степени представлены как железные, так и костяные наконечники стрел, нам думается, последние вряд ли входили в набор колчана тяжеловооруженного воина, а являлись привилегией легкого лучника⁴²⁹.

Плоские наконечники стрел являлись самой распространенной формой наконечников из находящихся на вооружении татаро-монгольского воина, что свидетельствовало, по мнению Ю. Худякова, о сокращении дистанции боя и увеличении частот стрельбы. Функционально все перечисленные типы плоских наконечников стрел предназначались для поражения незащищенного противника, что было обусловлено общим характером удара: плоский наконечник с горизонтальным лезвием наносил широкую рану, а острые грани усиливали порез.

По предположению С.В. Киселева, И.Я. Мерперта, чаще

⁴²⁸ Василевич Г. М. Эвенки (историко-этнографический очерк). – Л.: Наука, 1969. – 186 с.

⁴²⁹ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. – С.217.

всего такие стрелы употреблялись для борьбы с кавалерией⁴³⁰. Действительно, лошади, которые только у тяжеловооруженных всадников были прикрыты броней, служили хорошей мишенью для лучников, а широкие рапы от срезней быстро выводили их из строя. По свидетельству Плано Карпини: «Надо знать, что, если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают лошадей и людей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой»⁴³¹. Однако, как утверждает С.В. Киселев, частые находки плоских наконечников стрел в культурных слоях городов-ставок Монголии и Восточного Забайкалья⁴³², а также городов Восточной Европы, падение которых было связано с осадой и последующим штурмом их укреплений татаро-монголами, свидетельствуют о широком применении таких наконечников и для борьбы с пешими воинами.

В. Немеров указывает, поскольку «лук и стрелы являлись важным элементом вооружения татаро-монгольского воина, такой же необходимой принадлежностью его снаряжения был и колчан. Пока известен только один тип монгольских колчанов — открытый. Он имеет деревянный, обтянутый берестой каркас и овальной формы горизонтально срезанные горловину и днище с постепенным расширением стенок от приемника к днищу. Сами днища, видимо, изготавливались из какого-то органического материала, возможно, кожи или войлока, так как в погребениях они не сохранились. Береста для колчанов снималась со ствола продольным разрезом, стороны ее заводились одна на другую и сшивались прочными нитями. Стрелы в таких колчанах хранились наконечника-

⁴³⁰ Киселев С.В, Мерперт И.Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. — М.: Изд-во АН СССР, 1965. — С. 92-114.

⁴³¹ Плано Карпини. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С.116-168.

⁴³² Киселев С.В Город на реке Хирихира // Древнемонгольские города. — М.: Изд-во АН СССР, 1965. — С. 89-115.

ми вниз, при этом их число на один колчан было не более 30. Колчаны крепились к поясу с помощью железных крючков — щитковых, с кольцами и проволочных»⁴³³.

Еще одной принадлежностью конного татаро-монгольского воина, связанной с оружием дистанционного боя, был напильник, который они «всегда носят при колчане для изощрения стрел», как отмечал Плато Карпини⁴³⁴. Он изготавливался из железной, довольно массивной пластины, которой в процессековки придавали форму сегмента. Напильник имел клиновидный четырехгранный насад для рукояти и характерный выступ-носик на конце изделия.

Ю. Худяков выделяет следующий вид вооружения тяжелого татаро-монгольского конного воина, который, по его мнению, представлен оружием ближнего боя. Оно включает предметы полифункционального назначения, соединяющие в себе функцию нанесения колющих и рубящих ударов (сабли, мечи, палаши), и оружие монофункционального назначения, сохраняющее в своей форме специализированную функцию нанесения рубящих (топор) и колющих (копье) ударов⁴³⁵.

С. Киселев и И. Мерперт выделяют два типа мечей. «Первый имеет прямой двулезвийный клинок и округленный конец, сближающий его с европейскими мечами каролингского типа, второй — более массивную полосу и не круглый, а заостренный конец, чем приближается к мечам, бытовавшим в Европе в XIII-XIV вв.»⁴³⁶.

Помимо мечей и сабель в комплект вооружения латной конницы монголов входили также прямые однолезвийные клинки-палаши, ширина которых достигала 3 см, круглой

⁴³³ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. — С.218.

⁴³⁴ Плато Карпини. История монголов // Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. — С.155.

⁴³⁵ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1986. — 268 с.

⁴³⁶ Киселев С.В, Мерперт И.Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума. — С.54.

формы железные булавы с втульчатым насадом, упомянутые Плано Карпини как «палицы из хорошего железа»⁴³⁷, топоры с клиновидным насадом, а также копья; последние были, как правило, втульчатыми и различались по форме пера: у одних оно было ромбовидное, длиной 12,0 см, у других – пиковидное, длиной 18,0 см. По сведениям письменных источников, приведенных в работе Лубсан Данзан древки копий иногда раскрашивались красной киноварью («улан зос»), что, видимо, должно было сказаться на поражающих свойствах оружия и символизировать успех в бою⁴³⁸.

В. Немеров указывает, что в предметы конского снаряжения («морной ээбсэг») входили также удила, стремяна, подпружные пряжки, седельные кольца, предметы украшения сбруи. Удила («хазаарай аман») по способу крепления к ним ремней повода и оголовья относились к типу двусоставных с кольчатými псалиями. Они изготавливались из двух четырехгранных железных стержней с одинаковыми размерами звеньев и несомкнутыми кольцами, в которые продевались железные кольчатые псалии одинакового диаметра. Обычный размер половинок вместе с псалием равнялся 10-12 см при диаметре колец 4-6 см⁴³⁹.

В отличие от удил, стремяна («дуруо») были более разнообразны по типам. В. Немеровым выделено три типа стремян. «Первый включает изделия арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и прямоугольной же петлей для путлища. Подножки у них прямые или слегка выгнутые, укреплены тремя жгутами. Высота стремян – 15,0 см при ширине в подножке 14,7 см. Второй тип – стремяна подтреугольной формы, с прямой подножкой и прямоугольной петлей для путли-

⁴³⁷ Плано Карпини. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – С. 40.

⁴³⁸ Лубсан Данзан. Алтая Тобти («Золотое сказание») // Памятники письменности Востока. – М.: Наука, 1973. – 568 с.

⁴³⁹ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. – С. 220.

ща. Высота этих изделий – 14,0 см, ширина в подножке – 14,0 см. Наконец, третий этап – изделия арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и дугообразной бородкой в основании дужки. Путлище в стременах этого типа продевалось в прямоугольной формы петлю, а подножка была слегка выгнута. Стремена имели высоту 14,8 см, а ширину подножки – 13,1 см.»⁴⁴⁰.

Особенностью снаряжения татаро-монгольского конного воина было отсутствие шпор. Здесь же необходимо отметить и то, что, вопреки сложившемуся у некоторой части исследователей мнению, лошади у монголов подковывались, как считает С.В. Киселев, наглядный пример чему – находки широких подков без шипов («таха») в Кара-Коруме⁴⁴¹.

Вооружение легкой конницы татаро-монголов составляли лук, тех же типов, что и описанные выше, стрелы с железными и костяными наконечниками, а также сабля и волосяной аркан. О назначении костяных наконечников стрел нет единого мнения. Одни исследователи, как, например, К. Д’Оссон, рассматривают их как принадлежность только охотничьего снаряжения⁴⁴², другие же, к примеру С. Киселев, считают их универсальными, предназначенными как для добычи промыслового зверя, так и для применения в бою⁴⁴³. Последняя точка зрения подтверждается письменными источниками. Что же касается снаряжения боевого коня легковооруженного воина, то оно, видимо, было простым, без использования конского защитного доспеха.

А.С. Юнусов, описывая военное дело тюрок, отмечает, что меч являлся наиболее важным атрибутом средневекового вооружения. На средневековом Востоке существовали два спо-

⁴⁴⁰ Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. – С.221.

⁴⁴¹ Киселев С.В. Город на реке Хирихира. – С.109.

⁴⁴² Д’Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана / Чингизхан / перевод и предисл. проф. Н. Козьмина. – Иркутск, 1937. – Т. I. – С. 112-179.

⁴⁴³ Киселев С.В. Город на реке Хирихира. – С.112.

соба ношения меча: «персидский» и «тюркский». В первом случае меч носили на портупее острием к земле, ножны закрывали клинок наглухо, доверху. Тюрки же носили меч на шелковой перевязи, идущей справа налево, причем он был подвешен так, что его конец смотрел вверх — способ, распространенный у кочевников. Меч в таком положении легко выхватывается и его можно держать на четверть клинка открытым, не допуская, однако, проникновения влаги в ножны. Именно поэтому арабский летописец ал-Джахиз, говоря о тюрках, особо подчеркивает, что у них «своя манера подвешивания мечей»⁴⁴⁴.

Под действием определенных военных условий и распространения новой системы конского снаряжения (седло, стремяна) в VII-VIII вв. на смену мечу приходит сабля. Новая форма седла со стремянами обеспечивала за всадником устойчивость и подвижность. Стремяна, появившиеся в Южной Сибири, быстро распространились на просторах Евразии и сделали составной частью комплексов снаряжения конных воинов второй половины I тыс. н.э. Стремяна существенным образом облегчали всаднику нанесение рубяще-секущих ударов, позволяли рубиться в конном строю.

Как и длинный меч, сабля характерна для кавалерии, но рубят ею не только пехоту. Рубка в конном строю стала более распространенной и сложной, она соответствует стремительному темпу кавалерийского боя.

Сабля была широко распространена среди воинов-кочевников. Подтверждением тому являются свидетельства письменных и изобразительных источников. Так, еще Н.Я. Бичурин приводил данные китайских хроник, в которых указывалось, что на вооружении тюрков имелись «сабли и палаши»⁴⁴⁵.

⁴⁴⁴ Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII-X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. — С. 97.

⁴⁴⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — С. 229.

Кроме того, на вооружении кочевников имелись ножи и кинжалы. Особенно ценились бухарские и хивинские ножи, для которых были характерны булатные клинки, костяные, украшенные серебром, бирюзой рукоятки. Все эти виды оружия носились на поясе в специальных ножнах.

Издrevле на вооружении кочевников имелись копьa. Так, К.Ф. Смирнов отмечал, что в вооружении скифского времени копьe занимает третье место после мечей, кинжалов и лука со стрелами⁴⁴⁶. Копьями были вооружены как легковооруженные всадники, так и тяжеловооруженные, предназначенные для поражения в ближнем бою защищенного кольчугой противника.

На вооружении кочевых народов Евразии были и такие виды оружия, как палицы, булавы, дубинки. Об этом наглядно свидетельствуют изобразительные и письменные источники. О наличии железной булавы у кочевников сообщает Марко Поло.

Т.К. Алланиязов указывает, что наличие длинных мечей и копий свидетельствует об усилении ударных контингентов в составе сакского войска. Во время сражения они стягивались в конный кулак, как правило в центре войска, для нанесения, в случае необходимости, решающего удара противнику. Эти контингенты, вероятно, положили, начало сакской тяжело-вооруженной коннице. Их вооружение, как показывают захоронения, состояло из меча, кинжала, копьa, а также лука и стрел. Часть воинов, по-видимому, имела оборонительные доспехи⁴⁴⁷.

Л. Бобров, Ю. Худяков в работе «Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья» пишут о том, что «значение тяжелой и средней конницы в качестве лучников, видимо, снижается, так как во время атаки луки воинов (с фронтальной накладкой) в походном, то есть ненатянутом положении, лежат в налучьях. Скорее всего, стрельба велась латниками «с места», спешившись или с

⁴⁴⁶ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. — М.: МИА, 1961. — 162 с.

⁴⁴⁷ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С. 84.

коня, как и изображено на рисунках с берегов Сулека. Видимо, широко практиковалась копейная атака. На изображении видно, что воины атакуют как «рыцарским», классическим способом — держа копьё под мышкой, вытянув ноги и оперев их в стремя, так и нетрадиционно, ухватив древко двумя руками и подняв его на уровень подбородка, причем в этом случае узда крепилась к поясу или к передней луке жесткого седла»⁴⁴⁸.

Ю. Худяков, анализируя вооружение енисейских кыргызов, приходит к выводу о том, что «Основным видом древкового оружия в этот период становится пика с узким жаловидным острием, с квадратным или круглым сечением. Пики и копья украшались флажками и знаменами. Пика была украшена 2-мя небольшими флажками. К копьё с широким листовидным острием вертикально к древку крепилось знамя значительных размеров с двумя «языками».

Зная, что кыргызы обычно предпочитали использовать зеленый и красный цвета, можно предположить, что эти цвета доминировали и на кыргызских значках и знаменах. Наряду с палашами кыргызы широко применяли топоры, которые подвешивались на ремне у запястья правой руки»⁴⁴⁹.

Конская сбруя напоминает сбрую коней латников с тем только отличием, что по своему составу она значительно беднее и место, видимо, металлических украшений занимают бунчукообразные подвески. Примечательным является наличие таких немаловажных предметов, как стремя, плети, перевязанные ремешками чепраки и типичные для данного времени мундштуки. Следуя общекыргызской моде, гривы многих коней зубчато образно подстрижены, а хвосты заплетены.

⁴⁴⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. — С. 106-108.

⁴⁴⁹ Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье / Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1991. — С. 97-100.

Ю. Худяков и Л. Бобров считают, что, «скорее всего, именно в этот период среди дружинников-профессионалов широко распространяется сабля и такие специфические виды оружия, как копьё с однолезвийными наконечниками. Пики из воинского арсенала кыргызов почти исчезают, заменяясь копьями с более или менее широкими листовидными наконечниками. Наблюдается сближение комплекса вооружения легкой и средней конницы. В арсенал стрелков переходят палаши, топоры, возможно, сабли, и элементы защитного вооружения. Из-за отсутствия письменных и изобразительных источников дальнейший обзор кыргызского вооружения XI-XII веков несколько затруднителен. Можно предположить, что в этот период узкое налучье сменяется более объемным, что повышает роль латника как стрелка, а оружие местного производства постепенно вытесняет импортные образцы»⁴⁵⁰.

Таково в основных чертах наступательное вооружение всадника и пехотинца, а также снаряжение боевого коня у кочевников Евразии, свидетельствующие о высоком уровне развития у них военного дела, что отмечено в историографии дореволюционного периода и особенно у современных исследователей.

Однако, надо отметить, что до сих пор остается не изученной проблема происхождения и эволюции некоторых видов оружия. Так, например, нет ясной картины процесса развития оружия ближнего боя: меч – палаш – сабля. Так же для глубокого понимания социальных аспектов жизни кочевого общества остается актуальным изучение таких вопросов, как роль оружия в обрядах и традициях кочевников и их символическое значение.

⁴⁵⁰ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. – С.107.

3.2 Защитное вооружение кочевников Евразии в исторических исследованиях

В комплексе вооружения кочевников Евразии важное значение имело защитное вооружение. Однако защитное вооружение кочевников степей Евразии остается недостаточно изученным. Защитному вооружению кочевников в научной историографии долгое время посвящено сравнительно немного специальных научных работ. Во многом это объясняется тем, что в военной историографии и оружейведении вплоть до конца 70-х годов XIX века шел процесс сбора материалов. Европейские путешественники и исследователи в XVIII-XIX веках сообщали лишь фрагментарные данные о защитном вооружении кочевников Евразии. Отдельные сведения о защитных доспехах кочевников встречаются в китайских, русских, арабских и среднеазиатских источниках. Но первые исследования, выполненные на научном уровне, соответствующие требованиям историографии и оружейведения своего периода, появляются лишь в начале XX века.

Защитное вооружение стало широко применяться кочевниками Евразии еще в эпоху раннего средневековья. Но появление защитного вооружения относится к последним векам до н.э. — первым векам н.э., когда в составе вооружения войска происходят значительные реформы, связанные с резким увеличением веса тяжеловооруженной конницы которую вслед за греко-римским миром обычно называют катафрактариями, от катафракта — греческого наименования всаднического доспеха.

Как отмечает А.М. Хазанов, для вооружения катафрактариев были характерны три главные особенности. Первая — наличие тяжелого оборонительного доспеха. Вторая — пика, является главным наступательным оружием и достигает 4-4,5 м в длину, ее держали двумя руками. Третья — доспех, его имел не только всадник, но зачастую и его

лошадь. Катафрактерии атаковали неприятеля в тесно сомкнутом строю, который давал возможность наилучшим способом использовать преимущества вооружения и свести до минимума его недостатки: ограниченную подвижность и вызванную этим слабую маневренность⁴⁵¹.

Ю. Худяков, М. Горелик, Л. Бобров в своих многочисленных работах по вооружению кочевников пишут о том, что к XVII в. восточные, западные и южные монголы, а также енисейские кыргызы уже имели многовековой опыт в изготовлении и использовании металлических панцирей и шлемов. В ходе завоевательных походов Чингис-хана и его приемников собственно монгольские технологии их изготовления были дополнены и обогащены китайскими и среднеазиатскими образцами. Судя по предположению М. Горелика, в середине XIII в. более половины монгольской армии была оснащена панцирями различных типов. Их эволюция, количественное и качественное развитие продолжалось и в последующие века.

После крушения империй Чингисидов насущной необходимостью для монгольских племенных союзов стало создание собственных железо-добывающих баз, способных решить задачи перевооружения армии. Для джунгар одной из таких баз стали окрестности озера Тексел, где, по сообщению И. Сорокина, ойроты «издревле делали турки, сабли, панцири, латы, шлемы, и прочее». А И.Я. Златкин приводит данные о том, что над изготовлением оружия на оз. Тексел трудились более тысячи мастеров⁴⁵². Русские летописцы, описывающие монгольский быт XVII в., настойчиво подчеркивают наличие у кочевников предметов защитного вооружения: «...а ездят на бой в куюках, и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, а у иных де у лучших людей и лошади бывают на боех в железных доспехах и приправах», «...а бой де у колматских людей лучшей и копейной, и сабельной... А на бой ездят в куюках желез-

⁴⁵¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — С.151.

⁴⁵² Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — С.65.

ных да в шишаках, а в куюках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля не имеет»⁴⁵³.

В целом, нарративные источники содержат сведения о технологии изготовления вооружения. В связи с этим необходимо акцентировать внимание на актуальных аспектах данной проблемы, исследовательских изысканиях: взаимовлияние уровня развития ремесла и военного дела.

Судя по данным, приведенным исследователями, прежде всего, тем же И. Златкиным, значительное количество уже готовых панцирей или железного сырья для их изготовления взималось кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири в качестве дани или покупалось у бурят, алтайцев и даже (не смотря на запреты) дважды у русских «ясачных людей». Сначала в 1622 г., когда ойраты подчинили себе население «Кузнецкого уезда», заставив платить дань железными изделиями: «...и в том железе делают панцири, бехтерцы, шеломы, копыя, рогатины и сабли всякое железное, опричь пищалей, и те панцири и бехтерцы продают колмацким людям на лошади... и иные есак дают колмацким людям железом же...»; а затем в 1644г., когда Батур-хунтайджи организовал массовую закупку у шорцев «куюков и шеломов, и стрел, и копыя, и всякого железа»⁴⁵⁴.

В случае необходимости оружие в массовом порядке могло закупаться и в землях оседлых народов. Так поступили халхасцы в 1690 г., заказав «железное вооружение» в империи Цинн, указывает И. Кычанов ⁴⁵⁵, и ойраты в 1750 г., которые, по сведениям купца Айбека Бахмуратова, «при прежнем владельце Галдан-Чирине сами делали порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцири, а ныне де оное получают из Большой Бухарии»⁴⁵⁶, о чём сообщает И. Златкин.

⁴⁵³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — С. 66.

⁴⁵⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — С.67.

⁴⁵⁵ Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. — М., 1968. — 356 с. — С.59.

⁴⁵⁶ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — С.67.

Доспехи были широко распространены не только в самих монгольских кочевьях, но и на северной периферии государств кочевников. Так, кыргызы вступали в бой на конях «с оружием, с пищалами и с копыи, и с сайдаки, в пансырях, и в куяках». Ю. Худяков отмечает, что кыргызские доспехи высоко ценились и покупались русскими⁴⁵⁷. По данным В. Михайлова, широко использовались латы и буряты. Он указывает, что в донесении из Верховенского острога в 1645 г. сообщалось: «А приходят де братские люди войною под острог на конях збройны, в куяках с наручи и в шишаках». В 1688 г. иркутский воевода А. Синявин предписывал своим порученцам взять «...братских людей по выбору и развесть в Ыркуцкий сто пятьдесят тотчас с коньми и с ружьем, саадаки, и с куяки, и с панцири»⁴⁵⁸. В. Михайлов продолжает: «В донесениях в Москву особо подчеркивалось высокое качество бурятских доспехов: «...брацкие мужики... бывают на боях в куяках и в наручах, и в шишаках и со своих худых пищаленок их брацких куяков не пробиваем». Судя по русским письменным источникам, «брацкие люди» продолжали применять «панцири и куяки» и во второй половине XVIII в.»⁴⁵⁹.

Ю. Худяков считает, что о широком распространении металлического защитного вооружения среди кочевников свидетельствует и факт обнаружения пластин от «куяка» в погребениях кыргызских кыштымов, никогда не использовавших их до этого⁴⁶⁰.

По мнению Ю. Худякова, где-то с XVII в. монголами и их союзниками достаточно широко начинает применяться и кольчужный доспех, получивший в кыргызском фолькло-

⁴⁵⁷ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 115-132.

⁴⁵⁸ Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. – Улан-Удэ, 1993. – 91 с. – С. 39.

⁴⁵⁹ Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. – С.40.

⁴⁶⁰ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. – С.118.

ре специальное название «илчирбелиг хуяг»⁴⁶¹. М. Татарин писал, что забайкальские буряты имеют «...особливо много кольчуг», ему вторит С.П. Крашенинников: «... всякие из них кольчуги, куяки и панцири имеет», эти данные приводит В. Михайлов⁴⁶².

Л.А. Бобров в работе «Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв.» предлагает объединить под общим названием «панцирник» – копейщика, облаченного в стеганный на вате панцирь, и латника, с ногой до головы покрытого железными доспехами на защищенном попоной коне. Поэтому, чтобы избежать путаницы, им предлагается следующее деление кыргызской конницы: тяжелая конница (всадник-копейщик облачен в доспехи, лошадь также имеет панцирь, причем необязательно полный); средняя конница (то же, что и тяжелая, но отсутствуют конские доспехи, иногда шлем, в редких случаях панцирь); легковооруженная (лучники, как правило, не обладающие защитными доспехами, а иногда и средствами ближнего боя).

Основной формой защиты корпуса воина средней конницы в VI веке, по всей видимости, был стеганный (на вате или конском волосе) халат с рукавами до локтей (или длиннее – на прилагаемых реконструкциях они могут быть показаны закатанными)⁴⁶³.

Изображения на Хархадской писанице, отнесенные учеными к VI веку, отнюдь не говорят о наличии шлемов у древних тюрок, а отсутствие наплечников подтверждает догадку М. Горелика, что «классического» конно-сабельного боя, как такового, на тот момент не существовало, а значит, и присут-

⁴⁶¹ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. – С.95.

⁴⁶² Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. – С.43.

⁴⁶³ Бобров Л.В. Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв. //Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 78.

ствии сфероконического шлема не было столь необходимым⁴⁶⁴. Более состоятельные воины, составлявшие тяжелую конницу, употребляли нагрудный панцирь, который являлся прямой доработкой алтайских панцирей из Степного Чумыша.

Таким образом, Л.В. Бобров, проведя сравнительный анализ оборонительного вооружения кочевников Евразии, выделяет главные отличия кыргызского варианта: «Отсутствие железной окантовки нагрудника (что предопределило гибкость доспехов); его гетерогенность (пластины крепились к мягкой основе в горизонтальном положении с помощью заклепок, независимо друг от друга). Данный вид панциря, скорее всего, сосуществовал с «простеганным халатом», являясь элементом, усиливающим эти мягкие доспехи. Будучи более простым в изготовлении, кыргызский нагрудник, видимо, немногим уступал своему алтайскому прототипу»⁴⁶⁵.

Л.А. Бобров полагает, что, видимо, в конце VII – начале VIII века начинается новый этап эволюции кыргызского вооружения, в том числе доспехов. «На изображении воина на бронзовой бляшке (Кулунда) достаточно четко проглядывает длинная чешуйчатая катафракта, живо напоминающая хархадские образцы VI в. Интересно, что катафракта изображена сплошной, без деления на лопасти. Нижняя ее часть доходит до верхних кромок мягких сапог (т.е. как минимум до колен). Это означает, что разрез или не существует вообще (в этом случае перед нами тяжеловооруженный пеший лучник, т.к. посадка на коня в доспехах до колен без разреза малоэффективна и почти невозможна), или же он просто не изображен. Несмотря на наличие тяжеловооруженных пехотинцев,

⁴⁶⁴ Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 152.

⁴⁶⁵ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Материалы 40-й Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Новосибирск, 2000. – Т. III. – С. 80-88.

у таштыков (у которых, кстати набедренник четко разбит на лопасти), видимо, более предпочтителен второй вариант. Зная тактику кыргызских армий, одной из главных черт которой была маневренность и подвижность на поле боя, трудно предположить в их составе наличие тяжелой пехоты. Хотя, конечно, и первая версия имеет право на существование. Из защитного вооружения воин также обладает коническим шлемом с нащечниками-бармицей, за спину закинут большой щит с металлической окантовкой. Шлем имеет спереди неопределенный выступ, который можно трактовать или как козырек, или же как часть подшлемника, выступающего из под обруча шлема. Интересно то, что чешуйчатая катафракта стрелка удивительно напоминает катафракты тюркских воинов с Хархада. Скорее всего, они однотипны. Наличие подобных доспехов на изображении показывает, что скачок от нагрудных доспехов к «чешуйчатой рубахе» не был так молниеносен»⁴⁶⁶. По мнению Л. Боброва, кыргызское защитное вооружение проходило те же стадии, что и тюркское, но с запозданием. Исследователи считают, что для Минусы VIII века характерно наличие щитов, деревянных защитных деталей и конических шлемов у тяжелой и средней конницы кыргызов, которая все еще оставалась очень немногочисленной. Тем не менее, по мнению Ю. Худякова, М. Горелика, Л. Боброва, в IX-X веках защитное вооружение кыргызов продолжает эволюционировать. Катафракта почти исчезает, на ее место приходит новый вид доспехов, представляющий из себя либо «чешуйчатую рубаху» (по Ю.С. Худякову), либо «ламеллярную кирасу» (по М.В. Горелику).

Среди ранних работ, в которых имеются упоминания о защитном вооружении кочевников Евразии, заслуживает внимания сообщение Г.Е. Грумм-Гржимайло о том, что, помимо «деревянных нагрудников, кыргызы использовали наручи и

⁴⁶⁶ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья. – С. 87.

набедренники, которые крепились к кожаному панцирю»⁴⁶⁷. Л. Бобров считает, что, скорее всего, описанный вид доспехов имеет ламинарную или ламеллярную структуру, последнее, впрочем, менее предпочтительно.

По Л.В. Боброву, панцирь стягивался поясом, к которому с левой стороны крепился меч или палаш (с плоской прямой полосой, а иногда с обоюдоострым острием, крестообразным или пластинчатым перекрестием), а с правой – богато орнаментированный берестяной колчан с карманом (в отличие от закрытых колчанов популярных в предыдущую эпоху)⁴⁶⁸.

После развала Кыргызского каганата и окончания периода «Великодержавия» вооружение кыргызов продолжает эволюционировать. На смену большой дружине Раннего Средневековья приходит «малая дружина» Средневековья Развитого. Общее количество армии резко сокращается, но число латников, видимо, растет. Улучшается экипировка дружинной конницы. Именно к XI-XII векам Ю.С. Худяковым отнесено изобретение пластинчатого панциря из крупных пластин, прикрепленных к мягкой основе. По его мнению, аналоги на сопредельных территориях панцирь не имеет. Показательно, что подобные доспехи получили у монголов название «кыргызского». Покрой доспеха неизвестен, но маловероятно, что «пластины покрывались материей, причем оставались видны лишь головки заклепок» (остатков органических материалов на внешней стороне пластин не зафиксировано), впрочем, как и доспехов, покрытых материей (которые станут популярны лишь в XIII-XIV веках)⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – 900 с. – С.121.

⁴⁶⁸ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья. – С.88.

⁴⁶⁹ Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 97-100.

Л. Бобров считает маловероятным, что панцирь имел оплошной набедренник, состоящий из 2-х рядов значительных по длине пластин. Он полагает, что «в этом случае латник просто не мог бы удобно сесть на коня, ибо 2 ряда пластин не могут уместиться в расстояние, которое образуется между пахом воина и высокой передней лукой седла. При этом пластины не могут стать вертикально, т.к. они (на реконструкции) максимально приближены друг к другу и приклепаны к мягкой основе, а значит, малоподвижны при подобном варианте. Наконец, сплошной набедренник малоэффективен, т.к. не столько помогает, сколько мешает воину, тем более, что его гениталии и без того достаточно надежно прикрыты твердой передней лукой седла и кожаной юбкой подкладки. Скорее всего, следует признать более вероятным существование спереди арочного выреза в набедреннике (как это было в рыцарских латах XIV-XVI веков)»⁴⁷⁰. Интересно, что М. Горелик при изображении пластинчатых доспехов хазар VIII-IX веков вообще отказался от реконструкции набедренника. По его мнению, пластины присоединялись к подкладке заклепками, но «не наглухо, а так, чтобы сохранить гибкость»⁴⁷¹.

Наряду с пластинчатыми латами, кыргызы достаточно активно продолжали применять и ламеллярные доспехи. Примером тому может служить могила знатного кыргызского воина, отнесенная Ю.С. Худяковым к XII веку, ламеллярная кираса на котором дополнялась длинными ламеллярными же лопастями, прикрывавшими ноги, и наплечниками. Интересно, что пластины самой кирасы были позолочены⁴⁷².

⁴⁷⁰ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы РАЭСК 2000. - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2000. - С. 80-88.

⁴⁷¹ Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1993. - С. 149-179.

⁴⁷² Худяков Ю.С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. - 202 с.; Худяков Ю.С. Из истории защит-

Е.И. Кычанов, изучая вооружение ойратов, указывает, что практически у всех народов Центральной Азии, как предшествовавших на исторической арене монголам, так и у их современников, латная конница составляла ведущий род войск⁴⁷³. При этом он обращает внимание на то, что на основании отсутствия среди археологических материалов татаро-монгольского защитного доспеха в научной историографии сложилось мнение, что воин эпохи Чингис-хана и его преемников — это, прежде всего легкий конный лучник.

Монгольский исследователь Ням-Осорын Цултэм в работе «Искусство Монголии» отмечает, что хорошо сохранившийся доспех является крайне редкой находкой; кроме того, защитное вооружение не всегда изготовлялось только из металла, но и из такого материала, как кожа, например у современников монголов — киданей⁴⁷⁴. При этом он указывает, что монголы никогда не бросали на поле битвы металлических доспехов, как и вообще оружия (за что полагалась смертная казнь), а собирали их и распределяли между воинами⁴⁷⁵, а в случае смерти сородича старались передать его по наследству, лишь в исключительных случаях предавая земле вместе с умершим.

Л.В. Бобров указывает на известные находки фрагментов защитного вооружения татаро-монголов: «В Восточном Забайкалье они например, найдены в могильнике Дворцы, где представлены панцирными железными пластинками двух форм: прямоугольной с округлыми краями и круглой. Первая форма пластин изготовлялась из узких (1,5 см) и тонких (1-2 мм) полос металла длиной 8,5 см, в которых на равном расстоянии друг от друга пробивались три пары круглых отвер-

ного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С.135-163.

⁴⁷³ Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. — Элиста, 1999. — 298 с.

⁴⁷⁴ Ням-Осорын Цултэм. Искусство Монголии. — М., 1980. — 320 с.

⁴⁷⁵ Ням-Осорын Цултэм. Искусство Монголии. — С.122.

стий. Такие пластинки, как и изделия второй формы в виде выпуклых дисков диаметром 5 см, по сообщениям средневековых авторов, монголы крепили либо «ламинарно», то есть, связывая между собой при помощи ремешков или топких шнурков, либо нашивая их на панцирную основу, «ламельлярным» способом. Готовый же монгольский твердый панцырь («хуяг»), согласно исследованиям, мог иметь два варианта покроя. Во-первых, «корсет-кирасу» на лямках, с разрезами сбоку, реже – спереди или на спине, с прямоугольными наплечниками до локтя и набедренниками до середины голени или до колен, а во-вторых, кафтан с разрезами от горла до подола спереди и от крестца до подола сзади, с прямоугольными реже – листовидными оплечьями до локтя и ниже»⁴⁷⁶.

По мнению Ю. Худякова, М. Горелика, Л. Боброва, дополнительной деталью татаро-монгольского панциря могли служить деревянные накладные щитки, основным функциональным назначением которых было прикрытие незащищенных панцирем частей тела воина ног – от голеностопа до колена рук – от кисти до локтя, а также мест, требующих усиленной защиты – груди и плеч. Свидетельством существования таких щитков они считают широкое распространение этих изделий у соседних народов, как об этом сообщает Е. Кычанов, например в Южной Сибири.

В фундаментальном труде Ю.С. Худякова «Вооружение енисейских кыргызов» после тщательного описания вооружения кыргызских латников о конных стрелках сказано, что «в наборе вооружения кыргызского легковооруженного всадника существенных изменений, видимо, не происходило»⁴⁷⁷. Основной формой одежды легких кыргызских воинов была рубаха, перехваченная ремешком. Простые, широкие штаны и мягкие

⁴⁷⁶ Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья // Военное дело на Дальнем Востоке. – СПб., 2001. – С. 93-98.

⁴⁷⁷ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. – Новосибирск, 1980. – 176 с. – С. 30.

сапоги дополняли нехитрую одежду простых кочевников. Никаких головных уборов у кыргызов не зафиксировано.

Л. Бобров и Ю. Худяков выделяют еще один компонент защитного вооружения тяжелого конного воина у кочевников Евразии — это шлем. Первые оружейведческие работы, в которых выделяются, классифицируются шлемы, относятся к началу XX века. Так, П. фон Винклер в своем фундаментальном труде по истории оружия опубликовал рисунок «монгольского шишака», хранившегося в Императорском Эрмитаже⁴⁷⁸. Фотографии тибетских шлемов XVIII-XX вв. были приведены в книгах А. Уодделя⁴⁷⁹ и Г. Цыбикова⁴⁸⁰. В 1961 г. С.И. Вайнштейном была опубликована находка позднесредневекового шлема из долины р. Ий в Тодже, на основе археологических данных им был опубликован серьезный труд «Мир кочевников центра Азии»⁴⁸¹. В 1992 году Л.Р. Кызласов опубликовал «Очерки по истории Сибири и Центральной Азии», в которых приводит схематический рисунок шлема из Дзун-Хемчинского района Тувы⁴⁸². В работе Д.В. Сычева, посвященной истории калмыцкого костюма, были обобщены описания калмыцких панцирей и шлемов, сделанные путешественниками XVII-XVIII вв.⁴⁸³.

В первой специальной работе по монгольскому доспеху XII-XVII вв. М.В. Гореликом были приведены реконструкции позднесредневековых воинов в шлемах, зарисованных в хранилище Оружейной палаты Московского Кремля⁴⁸⁴. В на-

⁴⁷⁸ Винклер П. Оружие. — М., 1992. — 652 с.

⁴⁷⁹ Уоддель А. Лхаса и ее тайны. — СПб., 1906. — 175 с.

⁴⁸⁰ Цыбиков Г.Ц. Буддист - паломник у святынь Тибета. — Петроград, 1919. — 121 с.

⁴⁸¹ Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — 296 с.

⁴⁸² Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск, 1992. — 224 с.

⁴⁸³ Сычев Д.В. Из истории калмыцкого костюма. — Элиста, 1973. — 190 с.

⁴⁸⁴ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 163-208.

чале 80-90-х годов вышли в свет научные работы о находках кыргызских шлемов и их описании в хакасском фольклоре. В статье Ю.С. Худякова о позднесредневековом вооружении енисейских кыргызов проанализирован, атрибутирован и введен в научный оборот шлем из Минусинской котловины⁴⁸⁵. В работе В.Я. Бутанаева описаны кыргызские шлемы, о которых есть сведения в хакасском фольклоре. В одном из преданий говорится, что шлем пристегивался к вороту «непробиваемого куюка»⁴⁸⁶. Подобные сведения из монгольского эпоса были собраны и проанализированы В.А. Михайловым. Он уточнил, какие характерные эпитеты сопутствовали описанию шлемов⁴⁸⁷.

Дальнейшее развитие исследование шлемов получило у Л.В. Боброва. В работе «Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв.» он пишет, «Поразительно разнообразны шлемы этой эпохи. Сфероконический, близкий к коническому, венчался навершием с шариком, плюмажом, состоящим из одного длинного пера, укрепленного у обруча шлема с левой стороны. По своему виду шлем близок к наголовьям тюркских воинов с Хар-Хада. Еще одной отличительной чертой является четко выделенный обруч и бармица. Интересно, что бармица покрыта таким же орнаментом, что и доспехи, а значит, имеет ту же структуру, т.е. ламеллярную или чешуйчатую.

2-ой тип. Шлем имеет навершие, сферическую тулью, обруч и бармицу (скорее всего, той же структуры, что и доспехи воина). У шлема отсутствует характерный для кыргызских воинов плюмаж. Бармица расстегнута. На реконструкции она

⁴⁸⁵ Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 97-100.

⁴⁸⁶ Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 188-197.

⁴⁸⁷ Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. – С.67.

имеет ламеллярную структуру, но пластинки не из железа, а из кожи, т.к. находки шлемов данного периода не имеют бармиц, хотя на изображении они присутствуют почти всегда. Следовательно, бармицы выполнялись из органических материалов.

3-ий тип. Напоминает фригийский колпак, украшен плюмажем из двух перьев, имеет типичные центральноазиатские вырезы над глазами — «надбровья», нащечники (не прикрывающие уши) и назатыльник (из мягких материалов). По своей загнуто-конической форме шлем практически не имеет аналогий в Центральной Азии.

4-ый тип. Типичный сфероконический. Возможно, имеет большие нащечники, вырезы над глазами, в виде плюмажа, скорее всего, использовалась конская грива»⁴⁸⁸.

Далее Л. Бобров продолжает: «Такое разнообразие шлемов показывает, что кыргызы имели достаточно тесные связи, с одной стороны, с государствами Центральной Азии и Дальнего Востока, а с другой — начали массовый, и, видимо, качественный выпуск защитного вооружения в Минусе. Наличие наплечников и сфероконических шлемов лишний раз доказывает, что на полях сражений распространился «конно-сабельный бой», при котором данное защитное вооружение является обязательной принадлежностью воина. То, что подол панцирей «поднимается» выше, также говорит о том, что основное сражение происходило на уровне клинкового боя»⁴⁸⁹.

М.В. Горелик в работе «Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния военного дела монголов и европейской культуры» приводит весомые доказательства того, что одна из групп шлемов, найденных на территории Центральной Европы от Пруссии до Болгарии, была изготовлена в империи Чингизидов, в основном в Улусе Джучи (Золотая Орда)⁴⁹⁰. Ав-

⁴⁸⁸ Бобров Л.В. Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв. — С.76.

⁴⁸⁹ Бобров Л.В. Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI-XII вв. — С.77.

⁴⁹⁰ Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния военного дела монголов и европейской культуры // Степи Евразии в эпо-

тор подчеркивает, что в Пруссии и в соседних с ней Польше и Литве в результате монголо-русских походов во второй половине XIII в., теснейшим контактам монголофила Александра Невского с прусской знатью и по иным причинам сложился своеобразный комплекс оборонительного доспеха (шлем и панцирь)⁴⁹¹.

Татаро-монгольский шлем («дуулга») описывается в работах Ю. Худякова и Л. Боброва. Так, эти авторы в работе «Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья» пишут о шлемах и их различиях: «как и все центральноазиатские образцы, он был, видимо, склепан из нескольких металлических пластин (у чжурчженей, например, тулья шлема состояла из семи пластин)⁴⁹², а в другой известной работе «Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье» Ю. Худяков выделяет у енисейских кыргызов шлем, состоящий из восьми пластин⁴⁹³, соединенных с наверхием заклепками.

Л. Бобров и Ю. Худяков в работе «Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVII – начала XVIII вв.» выделяют монгольский тип шлема, который имел сфероконическую форму высотой 18-22 см, рант и невысокое наверхие, увенчанное небольшим острым шпилем или трубочкой для плюмажа. Специфически монгольскими признаками были горизонтальные или вертикальные фигурные козырьки и крестообразные забрала. Шею воина прикрывала широкая полоса прикрепленных к оголовью железных пластин или твердых, нашитых «ламинарным», или «ламеллярным», способом

ху средневековья: Половецко-золотоордынское время. – Донецк: ДонНУ, 2003. – Т.3. – С. 231-243.

⁴⁹¹ Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния военного дела монголов и европейской культуры. – С.232.

⁴⁹² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. – С.107.

⁴⁹³ Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье. – С.99.

бармиц, которые часто прикрывали и большую часть лица, выступая в роли своеобразного забрала⁴⁹⁴.

В Джунгарии, по сравнению с другими монгольскими территориями, было сильно среднеазиатское влияние. Причем в начале XVIII века, как уже отмечалось выше, часть ойратских воинов использовало мусульманский комплекс вооружения. Это подметил еще И. Унковский при описании ламаистского обряда, когда сорок воинов были вооружены по монгольскому образцу: « в латах и шишаках, с копьями и саблями», а тридцать человек по среднеазиатскому: «в панцирях и миссюрках, с пищалями и саблями». Об этом сообщает Д.В. Сычев⁴⁹⁵.

По мнению П.С. Паласа, миссюрки были самым популярным видом защиты головы так же и у приволжских калмыков XVIII в.: «Совершенное ополчение состоит из круглого шишака, от которого вокруг шеи до самых плеч, а спереди до бровей весит железная сетка»⁴⁹⁶. Он писал, что такие шлемы и кольчуги поступали в Калмыкию от «торгующих трухменцев и персов»⁴⁹⁷.

Шлемы среднеазиатских союзников и вассалов Джунгарии достаточно сильно отличались от собственно монгольских боевых наголовий и принадлежали, скорее, не к центральноазиатской, а к переднеазиатской военно-культурной традиции. Комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии был рассмотрен в специальной работе Л. Боброва и Ю. Худякова. Так, они указывали, что «восточно-туркестанские шлемы XVI-XVII вв. имеют низкую сфероконическую (почти сферическую) тулью, как правило, с не высоким навершием. К налобной части шлема, в подражании монголь-

⁴⁹⁴ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI-начала XVIII вв. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – №11. – С. 138-155.

⁴⁹⁵ Сычев Д.В. Из истории калмыцкого костюма. – С.62.

⁴⁹⁶ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – СПб, 1809. – 657 с. – С.476.

⁴⁹⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – С.477.

ским аналогам, приклепывались козырьки подтреугольной формы (сохранились на яркендском шлеме кон. XVI в. и киргизском XVII в.)»⁴⁹⁸.

Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков отмечают, что «Однако, большая часть признаков этих наголовий указывают на среднеазиатское влияние (подвижный наносник — «стрелка», резные пятиугольные на уши, цельнокованный купол — у яркендского шлема, оформление накладных полос и навершия — у киргизского). Шлем с «псевдонакладками» и широким обручем, найденный на территории Восточного Казахстана, так же сочетает в себе традиции разных регионов: если пластина навершия шлема, выкованная в виде многолепесткового цветка, имеет монгольские корни, то оформление втулки (приплюснутый шар в основании, длинная ступенчатая трубка для плюмажа) имеет точные аналогии в среднеазиатских (бухарских, самаркандских и, даже, гератских материалах XV-XVII вв.). Судя по миниатюрам, ламинарные и ламеллярные бармицы, характерные для Средней Азии во времена тимуридов, к середине XVI в. вышли из употребления на большей части Хивы, Бухарского ханства, Кашгарии. Самым популярным видом бармиц в описываемый период была кольчужная бармица открытого типа»⁴⁹⁹.

Понятно, что даже в оседлых, земледельческих государствах (Иране, Османской империи), в виду относительной неразвитости металлургической промышленности, не было возможности оснастить всех воинов металлическим защитным вооружением. В связи с этим простые ратники употребляли не металлические шлемы, а наголовья из органических материалов: толстой ваты, кожи, многослойного сукна. Такие шлемы получили в России название «шапок бумажных», свидетель-

⁴⁹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. — С.108.

⁴⁹⁹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. — С.109.

ства об этом приводят М. Денисова, М. Портнов, Е. Денисов. Авторы описывают эти шлемы таким образом: «Они имели высокую (подчас очень высокую) простеганную тулью (амортизирующую удар), на уши, назатыльник, иногда железный наносник»⁵⁰⁰. П. Винклер упоминал о том, что в ткань подкладки вшивались металлические пластины и кольчужные сегменты. Р.Г. Мукминова пишет о том, что в Средней Азии применялись «шлемы из войлока»⁵⁰¹. О применении монголами «кожаных шлемов» в XIII-XV вв. свидетельствуют письменные источники, приведенные в работе В.Е. Медведева⁵⁰².

Л. Бобров и Ю. Худяков полагают, что среди защиты конечностей преобладали наручи, постоянно упоминаемые, наряду с «шишаками и кюяками» в качестве подарков, отправляемых монгольскими правителями русским царям. Судя по известным материалам, «наручи монгольские» были типологически близки наручам среднеазиатского типа и представляли собой систему из длинных металлических полос, скрепленных между собой кольчужным плетением. Гораздо реже монголами употреблялась защита ног, русское слово, обозначающее ее, «наколенки» можно трактовать крайне широко, «наколенками» в равной степени могли оказаться как кольчато-пластинчатая защита ног среднеазиатского типа, так и листовидные набедренники, имевшие крайне широкое распространение, на всей территории восточной части Евразии начиная с середины XVI в. По их мнению, не исключено, что представители монгольской знати могли использовать и так называемые «железные сапоги»⁵⁰³.

Эти сапоги описаны В. Бехаймом в «Энциклопедии ору-

⁵⁰⁰ Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI-XIX вв. – М., 1953. – 346 с.

⁵⁰¹ Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. – Ташкент, 1976. – 212 с.

⁵⁰² Медведев В.Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 172-184.

⁵⁰³ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. – С. 109.

зия». В. Бехайм считает, что они состоят из металлических пластин соединенных кольчужным плетением⁵⁰⁴.

Особое внимание уделялось защите боевого коня. Так, русские источники свидетельствуют о том, что «лутчие люди», составлявшие тяжелую конницу, могли прикрыть доспехами не только себя, но и свою боевую лошадь. Эти конские «железные доспеси и приправы» упоминаются русскими летописцами первой половины XVII в. и отражены в материалах по истории русско-могольских отношений⁵⁰⁵.

Согласно письменным источникам, как описывает Л.А. Бобров, доспехи для коня изготовлялись следующим образом: «...берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние вставляют, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей; с одной стороны лошади — одну, а с другой — другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; а перед лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами»⁵⁰⁶.

Обобщая данные о конских доспехах кочевников, Ю.С. Худяков в работе «Вооружение центральноазиатских

⁵⁰⁴ Бехайм В. Энциклопедия оружия: перевод с нем. — СПб, 1995. — 576 с.

⁵⁰⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607-1636. — М., 1959. — 762 с. — С.321.

⁵⁰⁶ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников центральной Азии XV — первой половины XVIII вв.: автореф. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2005. — 24 с.

номадов во II-V вв. н.э.» делает вывод о том, что татаро-монгольский конский доспех состоял из пяти «частей: нагрудника, двух боковин, наспинно-нагрудной части и двухчастного нашейника – и был твердым – «ламинарным» или «ламеллярным». Однако наряду с ним, судя по иранским и японским миниатюрам, применялся и мягкий доспех в виде попоны, обшитой металлическими бляхами. По этим же источникам, видно, что трехстворчатое конское боевое оголовье, хотя и применялось, но обязательным не было»⁵⁰⁷.

При реконструкции конского убранства енисейских кыргызов Л.В. Бобров считает, что необходимо учитывать, что: «Широко использовались защитные конские доспехи (из 5 изображений конных латников конские доспехи присутствуют на трех)»⁵⁰⁸.

Таким образом, анализ историографии защитного вооружения кочевников Евразии позволяет сделать вывод о том, что общий уровень оснащённости защитными средствами воинов Евразии был достаточно представителен и разнообразен. Наряду с мелкопластинчатыми и ламеллярными панцирями в XVII стала применяться кольчуга и крупнопластинчатый доспех, шлемы с пластинчатыми бармицами, достаточно эффективная защита конечностей. Все эти виды доспехов были не только достаточно надежны при защите от холодного оружия, но и относительно просты в изготовлении.

Распространение средств защиты среди кочевников резко повышало устойчивость номадов в ближнем бою, что не могло не сказаться на результатах военных компаний, которые позволили кочевым народам длительное время доминировать в военном отношении.

Изучение защитного вооружения в научной историографии началось сравнительно недавно, вплоть до 70-х годов XX

⁵⁰⁷ Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских номадов во II-V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сянбийскую эпоху. – Новосибирск: Б.и., 2005. – С. 19-55.

⁵⁰⁸ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV - первой половины XVIII вв. – С.17.

века исследователи ограничивались краткими и фрагментарными описаниями различных видов оружия. В конце 70-х годов, благодаря усилиям сибирской школы, исследование защитного вооружения кочевников Евразии вышло на качественно новый уровень, связанный с использованием новых методов и приемов обработки материала, полученного в ходе археологических находок и позволяющего достоверно реконструировать обнаруженные фрагменты вооружения.

3.3 Изучение вооружения казахских воинов

Оружие казахов было весьма разнообразным и в своем развитии продолжало традиции вооружения кочевников Евразии. Наиболее ранние сведения об оружии казахов встречаются в русских источниках конца XVII в. Так, в показаниях русских послов в Казахстане Ф. Скибина и М. Трошина записано: «А бой-де у них лушной и копейный, а пушек-де нет и мелкаго, длиннаго огненнаго ружья мало...»⁵⁰⁹. В воеводском наказе дворянину Федору Феофилову (1699 г.) тоже упоминается о луках и «огненных ружьях», которыми были вооружены «воинские люди Казачьей орды»⁵¹⁰. Пробывший в Казахстане около двух лет (1731-1732 гг.) русский посол М. Тевкелев доносил, что казахи вооружены луками и ружьями «без замков с фитилями». По сведениям, относящимся к последней четверти XVIII в., оружие казахов состояло из луков, пик, сабель, «укрючин» и ружей. В частности, прибывшее в июне 1772 г. к Яицкому городку многотысячное войско казахов имело на вооружении, по их заявлению, «ружья, стрелы и копии»⁵¹¹. Российскими авторами Ф. Ефремовым и И.Г. Андреевым упоминаются также «медные шеломы», кольчуги и панцири⁵¹².

⁵⁰⁹ Акты исторические. – Т. V. – СПб., 1842. – 784 с. – С. 521.

⁵¹⁰ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1961. – 743 с.

⁵¹¹ Рознер И. Г. Яик перед бурей. – М., 1966. – 232 с. – С.165.

⁵¹² Ефремов Ф. Странствование в киргизской степи, Бухарии, Хиве. –

Более подробные сведения о вооружении казахов относятся к XIX веку. Поручик Я. Гавердовский в 1803 г. писал, что оружие казахов «состоит в сабле, копье, луке (джая) и колчане (сайдак) со стрелами (ок)», а также ружьях «с фитилями и без оных» и камче, или плети. Из военных доспехов он упоминает «сделанные из железных колец кольчуги или панцири и из железных листов плоские шапки»⁵¹³. Доктор С. Большой, проживший в Казахстане довольно долгое время, добавляет к этому перечню ножи и кинжалы⁵¹⁴. В записках С. Б. Броневского, хорошо знакомого с бытом казахов, назван еще ай чекан (айбалта), упоминавшийся, кстати, под названием «топор» и в документах первой половины XVIII в.⁵¹⁵

В 30-е годы XIX в. А. И. Левшин писал, что казахи «сражаются копьями, саблями, стрелами, ружьями и чеканами; а для защиты от неприятельских ударов надевают на себя панцири и иногда шлемы»⁵¹⁶. Н.П. Рычков, сын известного исследователя Казахстана П. И. Рычкова, участник знаменитой академической экспедиции П.С. Палласа, в 1771 г. посетивший в составе военного отряда Западный и Северный Казахстан (Тургайские степи до горы Улу-тау), писал: «Оружием нашего вспомогательного киргизского отряда были копья, сабли, стрелы и кремневые ружья»⁵¹⁷.

Наиболее интересным и содержательным трудом, в котором проводится полное перечисление видов казахского ору-

Казань, 1811. — Изд. 3. — 264 с.; Андреев И.Г. Описание киргиз-кайсаков Средней орды. — Алматы, 1998. — 280 с.

⁵¹³ Гавердовский Я. Обзорение киргиз-кайсацких степей // Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н.э. — XVIII в. н.э.). — М.-Алма-Ата, 1935. — С. 67.

⁵¹⁴ Большой С. Заметки о киргизах // Сын отечества, 1822. — Ч. 80. — С. 55-56.

⁵¹⁵ Броневский С.Б. Записки генерал-майор Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. — 1830. — Ч. 42. — С. 87.

⁵¹⁶ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — С.109.

⁵¹⁷ Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. — СПб., 1772. — 297 с. — С.29.

жия, является специальная работа о вооружении и военных доспехах Ч.Ч. Валиханова. В ней упомянуты или кратко описаны нагайки, дубинки, различного вида сабли и ножи, копья, луки и стрелы, а также ружья⁵¹⁸.

В советский период изучением оружия казахов занимались Г.И. Семенюк, А.Т. Кайдаров и В.П. Курьлев. Г. Семенюк довольно подробно описал виды казахского оружия. А. Кайдаров привел в соответствие с научной классификацией многочисленные названия видов (типов) личного боевого оружия, вспомогательных предметов воинского снаряжения, воинской экипировки воина-батыра. В. Курьлев приводит классификацию оружия казахов. Так, он отмечает: «Все оружие специалисты делят на следующие группы: а) оружие, действовать которым может один человек, ручное оружие; б) оружие, которое по своему весу и устройству требует усилий нескольких человек или специальных приспособлений, военные машины и артиллерийские орудия. Изобретение пороха разделило все вооружение на огнестрельное и холодное, или белое. По способу употребления последнее делится на ударное (булавы), колющее (копья), рубяще-режущее (сабли). Зачастую в одном оружии сочетается несколько функций. Например, кинжалы и мечи являются рубяще-колющим оружием; боевые секиры – ударно-рубящим; ножи – колюще-режущим»⁵¹⁹.

Исходя из этой классификации, все вооружение казахов, хранящееся в собраниях МАЭ, В. Курьлев относит к ручному виду оружия. По его мнению, у казахского народа в прошлом преобладало различного вида холодное оружие⁵²⁰.

Наиболее известными исследователями вооружения казахов являются А. Кушкумбаев, Т. Алланиязов, К. Ахметжан. А. Кушкумбаев развил существовавшую ранее классифи-

⁵¹⁸ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – Собр. соч. – Алма-Ата, 1961. – Т. 1. – С. 463-466.

⁵¹⁹ Курьлев В.П. Оружие казахов. – С. 50.

⁵²⁰ Курьлев В.П. Оружие казахов. – С. 51.

кацию оружия. По его мнению, по степени применимости казахское вооружение ближнего боя можно представить в следующем порядке: 1) оружие средней дистанции (копья, пики), показывающее боевую эффективность в начальной фазе массового конного боя, 2) ударное оружие (булавы, палицы, кистени), 3) ударно-рубящие (топоры, секиры), 4) рубяще-колющие (сабли, мечи). Естественно, такое разграничение использования боевых средств является весьма условным, так как каждая боевая ситуация может диктовать различные комбинации⁵²¹.

Т. Алланиязов считает, как и другие исследователи, что основным видом оружия казахов в XV-XIX вв. было холодное оружие, которое постепенно деградирует и сходит на нет⁵²².

К.С. Ахметжан в работе «Боевые доспехи в традиционной системе вооружения казахов» рассматривает традиционный способ классификации боевых доспехов и дополнительного защитного вооружения⁵²³.

Одним из распространенных, традиционных видов древнего казахского оружия были луки и стрелы. Луки казахи приобретали у монголов, китайцев, калмыков, а также в Средней Азии и у башкир. Луки собственного изготовления уступали по качеству покупным. Б. Адлер в 1903 году писал, что особой известностью пользовался так называемый тюркский сложный лук⁵²⁴.

Стрелы делались из камыша (длиной 1,5 аршина) или из березового дерева. Они имели четырехстороннее хвостовое оперение и железный, иногда бронзовый, наконечник. Наконечники в зависимости от назначения различались по форме:

⁵²¹ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 172 с. — С.113.

⁵²² Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. — С.74.

⁵²³ Ахметжан К.С. Боевые доспехи в традиционной системе вооружения казахов // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 82-86.

⁵²⁴ Адлер Б. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. — 1903. — № 3-4. — С. 187-193.

двухгранные — для охоты, четырехгранные — для войны. Необходимой принадлежностью данного вида оружия были колчан для стрел (курамсак) и чехол для лука, носившиеся на поясном ремне. Степень распространения и назначение луков в разное время у казахов были различны. В 1732 г. М. Тевкелев писал, что казахи «сайдаков употребляют мало, а в войне имеют большую часть ружья»⁵²⁵. Однако капитан И.Г. Андреев в конце XVIII в. утверждал, что на вооружении казахов часто были луки⁵²⁶. С прекращением войн и набегов на смену сложному луку приходил простой охотничий лук. К середине XIX в. лук и стрелы в Казахстане становятся редкостью. В 1865 году Л. Мейер отметил, что лук и стрелы казахами «совсем оставлены» и «молодое поколение не умеет ими владеть»⁵²⁷. А спустя три года М. Красовский писал, что в Казахстане «оружия этого давно уже нигде нет и в помине»⁵²⁸.

Стрелы по общей классификации оружия представляют колюще-метательное холодное оружие. Все стрелы, как правило, имеют четыре основные детали: наконечник, древко, оперенье для стабилизации полета и пятку, с помощью которой стрела держится на тетиве лука.

В.П. Курылев указывает, что «наибольший интерес представляют наконечники стрел. По своей фактуре они делятся на две большие группы: железные и роговые»⁵²⁹. Ч.Ч. Валиханов разделил железные наконечники казахских стрел в зависимости от формы на три группы: бесчеренковые, треугольные с черепком и, наконец, черенковые четырехуголь-

⁵²⁵ «Журнал» Тевкелева // Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н.э.-XVIII в. н.э.). — Москва — Алма-Ата, 1935. — 299 с. — С.117.

⁵²⁶ Андреев И.Г. Описание киргиз-кайсаков Средней орды. — С.118.

⁵²⁷ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — С.7.

⁵²⁸ Красовский М. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов. — С.54.

⁵²⁹ Курылев В.П. Оружие казахов. — С.51.

ные в разрезе»⁵³⁰. Также он сообщает, что двугранные наконечники стрел казахи употребляли при охоте.

Четырехгранные железные наконечники, согласно Ч.Ч. Валиханову, казахи употребляли в сражениях, так как благодаря своей тяжести они были способны пробить панцирь. В связи с этим они назывались сауыт бузар – «проби- вающие панцири»⁵³¹. Интересно отметить, что у Ч.Ч. Валиханова указывается на бытование у казахов другого типа четырехгранного наконечника стрел, который назывался козы жауырын – «лопатка ягненка», и действительно, по форме он напоминает маленькую лопатку и предназначался, «чтобы сбивать с седла»⁵³².

Все древки казахских стрел делались из дерева. Ч.Ч. Валиханов пишет по этому поводу, что «стрелы делали сами из березового дерева»⁵³³. Для устойчивости во время полета стрелы были снабжены оперением из птичьих перьев. Согласно Ч.Ч. Валиханову, казахи употребляли для этого перья снежного грифа (көшегеннің қойлық жүн – «перья снежного грифа, похожие на овечью шерсть»), а также стервятника, «похожие на шерсть жеребенка-стригуна» (тазқараның тайлық жүн). «Орлиные перья не уважались»⁵³⁴. Перья весьма искусно приклеивались на равном расстоянии друг от друга к нижней части древка.

А.К. Кушқумбаев пишет, что в системе вооружения казахов XVII-XVIII вв. одну из преобладающих позиций занимали лук и стрелы – ручное метательное оружие дистанцион-

⁵³⁰ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 465.

⁵³¹ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 465.

⁵³² Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 465.

⁵³³ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 465.

⁵³⁴ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 466.

ного боя. Казахские луки по своей конструкции относились, в подавляющем большинстве, к классу сложносоставных (достигавших в длину предположительно 120 – 130 см.) и генетически восходят к многочисленным вариантам сложного лука, бытовавших среди тюрко-монгольских народов средневековья. По данным письменных источников казахи использовали различные типы луков, которые имели, соответственно, разнообразное происхождение⁵³⁵. Здесь его позиция солидаризуется с мнением М. Горелика – одного из известных российских оружейников, который считает, что «этническая типологии» оружия является весьма условной, так как предметы вооружения постоянно подвергаются процессам инновации и взаимовлияния.

Автор подробно остановился на характеристике казахских стрел. Как показывают материалы, наконечники стрел делались в основном из железа или костей животных. Железные наконечники исключительно относятся к боевым и подразделяются на несколько групп: двухгранные, трехгранные, и четырехгранные. Такая типология, скорее всего, связана с боевым предназначением каждой группы стрел. Так, четырехгранные («сауыт бузар») тяжелые бронбойные стрелы обладали способностью пробивать боевые доспехи противника, и были достаточно известны у кочевых народов этого времени. Общая длина казахских стрел варьировалась в среднем от 60-70 см. По мнению А. Кушкумбаева, данная длина стрел характерна и традиционна для евразийских кочевников, что подтверждается археологическими находками⁵³⁶.

Как считает В. Курылев, очевидно, самым древним видом холодного оружия являются боевые палицы (булавы). В работе З. Самашева отмечается, что на наскальных изображениях на восточных отрогах Калбинского хребта, относя-

⁵³⁵ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.113.

⁵³⁶ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.114.

щихся к I тыс. до н. э. и к более позднему времени, изображены воины с палицами⁵³⁷.

А.Т. Кайдаров поясняет, что боевая палица казахов называлась кол шокпар и была сделана из дерева тас жаргаң⁵³⁸. Кроме того, как об этом писал Ч.Ч. Валиханов, боевые палицы делали из березы⁵³⁹.

Некоторые исследователи говорят о разных названиях казахской боевой палицы. Так, в литературе имеются названия шокпар и сойыл. Ч.Ч. Валиханов боевую палицу называет сойыл⁵⁴⁰. А.Т. Кайдаров, перечисляя вооружение казахского воина-батыра, пишет: шокпар – «дубинка с утолщением на конце», сойыл – «дубина, палица (палка с комлем)», курзі – «булавы и их разновидности»⁵⁴¹.

В.П. Курылев отмечает, что «боевые палицы и нагайки были основным видом оружия у казахов при военных стычках во время феодальных междоусобиц, так как при таких столкновениях главная задача состояла в том, чтобы выбить противника из седла»⁵⁴². А.Т. Культелеев полагает, что при таких стычках смертельные исходы были редки и не очень желательны, потому что за убитого необходимо было платить довольно обременительный кун – плату за кровь⁵⁴³.

Древним национальным видом казахского оружия были копья. Копья изготовлялись обычно из соснового дерева. Их толщина равнялась 3,5 см, а длина – 150-195 см. Казахское

⁵³⁷ Самашев З.С. Работы в Восточном Казахстане / Археологические открытия 1975 г. – М., 1976. – 523 с.

⁵³⁸ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН Каз. ССР. – Сер. общественная. – 1973. – № 6. – С. 22-29.

⁵³⁹ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 464.

⁵⁴⁰ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 466.

⁵⁴¹ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение. – С.27.

⁵⁴² Курылев В.П. Оружие казахов. – С.51.

⁵⁴³ Культелеев Т.М. Уголовное право казахов. – Алма-Ата, 1995. – 238 с.

копье имело трехгранный железный наконечник с кистью из черного шелка или конского волоса в месте соединения наконечника с древком, а на другом конце — петлю для удобства ношения. Иногда у копий вместо металлического наконечника был просто заостренный и обугленный конец. Именно такие копья наряду с плетью были наиболее распространенным оружием казахов в начале XIX в. По сообщению Л. Мейера, копья сохранялись у казахов и в 60-х годах XIX века. Однако с прекращением войн, междоусобных столкновений казахское копье также вытеснялось другими видами оружия, более пригодными для охоты.

Ч.Ч. Валиханов сообщает, например, что древко копья казахи делали из соснового дерева длиной 150-198 см и толщиной 3.5 см.⁵⁴⁴ В месте соединения наконечника с древком копье украшалось пучком черных конских волос. По мнению Валиханова, это типичное украшение для казахских копий, иногда его делали из черного шелка⁵⁴⁵. Наиболее общее название копья на казахском языке — найза, пику называли сүңгі.

А.И. Левшин указывал, что копье, как и другие виды холодного оружия, входило в состав личного боевого оружия казахского воина⁵⁴⁶. Следует отметить также, что копье не только было личным боевым оружием казахского воина, но после его смерти служило как древко знамени, то есть имело ритуальное значение. И. Алтынсарин пишет: «... затем на левой стороне ее ставят длинное копье, которое конечностью выходит наружу. На самый верх копья привязывают большой платок, смотря по тому, если умерший был молодой, то красный, если средних лет — черный, если старик —

⁵⁴⁴ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С.465.

⁵⁴⁵ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С.465.

⁵⁴⁶ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — С.49.

белый. Цель этого, чтобы приезжающий знал по выставленному знаку, кто в кибитке той умер и каких лет»⁵⁴⁷.

Мечи находились на вооружении казахских воинов долгое время и были широко распространены. Об этом свидетельствуют тюркские и персидские письменные источники XV-XVI вв. О мечах и саблях казахских воинов постоянно упоминают сочинения XV-XVII вв. и героический эпос. Сабли изображены на каменных скульптурах средневековых кочевников Прииртышья и Семиречья. Это изогнутые сабли со скошенной в сторону лезвия рукоятью или прямые с прямоугольным или слегка закругленным навершием и односторонним выступом.

Исследователь-оружиевед М.М. Денисова описывает две казахские сабли, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве. Это «узкие клинки со штыкообразными концами и были оружием не только рубящим, но и колющим. Рукоять оклеивалась кожей, ножны с одной стороны обклеивались кожей, а с другой – берестой. Оправа обоймиц на ножнах головок рукоятей серебряная с гравированным орнаментом»⁵⁴⁸.

А.И. Левшин указывает, что на вооружении у казахов имелись также кривые сабли (клыч), как правило, персидского, турецкого или бухарского изготовления. Более всего ценились высококачественные персидские «исфагани», называвшиеся казахами «наркескен» (разрубающие верблюда)⁵⁴⁹. Л. Мейер утверждает, что сабли самими казахами не изготавливались. Свидетельства И. Андреева и Ч. Валиханова опровергают подобное утверждение. Однако, все исследователи считают преобладание в Казахстане привозных сабель совершенно бесспорным.

⁵⁴⁷ Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах у киргизов Оренбургского ведомства. – Избр. произв. – Алма-Ата, 1957. – 470 с. – С.301.

⁵⁴⁸ Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI-XIX вв. – С.142.

⁵⁴⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – С.464.

В XIX в. на смену кривым саблям постепенно пришли «сапы» или «шапы», похожие на среднеазиатские шашки. В старину, как утверждал Ч.Ч. Валиханов, «это орудие мало употреблялось».

Л. Мейер также отмечает, что следующим видом национального казахского оружия был чекан — небольшой своеобразный топорик на длинной рукоятке с острым округлым железным лезвием (длиной 1,5 четверти) в виде полумесяца (отсюда — айбалта: ай — месяц; балта — топор)⁵⁵⁰. Упоминания о чекане как боевом оружии казахов встречаются чаще всего в документах XVIII — первой половины XIX в. Но и в конце XIX в. имели место случаи, когда казахи были вооружены чеканами.

Казахские секиры, или боевые топоры, согласно общей классификации, относятся к ударно-рубящему холодному оружию. В.П. Курылев описывает пять экземпляров секир, хранящихся в фондах МАЭ. Так, он указывает: «Боевые топоры состоят из двух основных частей: металлической (стальной) лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой и длинной деревянной рукоятки»⁵⁵¹.

Следующая группа казахского холодного оружия (по общей классификации режуще-колющая), описанная В. Курылевым, представляет собой довольно разнообразные по форме и размерам ножи. «В фондах музея их хранится восемь экземпляров. Все они состоят из двух основных частей: клинка, как правило, сделанного из стали, и рукоятки. Последние делали в основном из дерева, кости или рога (сайгачьего или козлиного) и зачастую — как для прочности, так и для украшения — отделявали металлическими (серебро, медь) оправами»⁵⁵².

⁵⁵⁰ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — С.250.

⁵⁵¹ Курылев В.П. Оружие казахов. — С.49.

⁵⁵² Курылев В.П. Оружие казахов. — С.51.

А.Т. Кайдаров сообщает, что ножи (пышак) были личным боевым оружием казахского воина – батыра⁵⁵³.

А Чокан Валиханов указывал, что ножи были у каждого казаха и широко употреблялись в быту⁵⁵⁴.

Казахи употребляли также особые ножи или прямые полусабли различной длины (селебе, жекеауыз), кинжалы собственного изготовления и хивинские (узбекские) ножи (пшак) с роговыми ручками. Все эти виды оружия носились на поясе в специальных ножнах (кын)⁵⁵⁵.

Нагайка представляет собой наиболее характерный для казахов образец данного оружия и состоит из трех основных частей: рукоятки (сап), плети или плетения (өрiм) и кожаной соединительной части (алакан). Рукоятка нагайки изготавливалась из круглой (диаметр около 2 см) деревянной палки длиной приблизительно 40 см. По сообщению Ч.Ч. Валиханова, ручку нагайки казахи изготавливали из жимолости (по-казахски – ыргай) или же из красной таволги. Ручка равнялась обычно четырем-пяти захватам и нескольким пальцам⁵⁵⁶.

«Нагайка делалась из сырых ремешков, – сообщает Ч.Ч. Валиханов, – заплетенных около стержня, также из сырого ремня, и имела в длину до 7 захватов и один палец или два. Для ремней употребляли телячью кожу»⁵⁵⁷. Надо отметить, что плетение ремней, в том числе и для нагайки, издавна считалось у казахов одной из самых сложных и считааемых работ в домашнем производстве. Так, С. Касиманов

⁵⁵³ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение. – С.29.

⁵⁵⁴ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 464.

⁵⁵⁵ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение. – С.29.

⁵⁵⁶ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 463.

⁵⁵⁷ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. – С. 463.

указывает, что употребляли от 3 до 83 ремешков, причем существовало множество образцов плетения⁵⁵⁸.

Как пишет Ч.Ч. Валиханов, рукоять нагайки делали, кроме дерева, из козлиного или архарового рога или всю ручку обкладывали серебром; такие носили, впрочем, только женщины. Для мужчин более приличествовал медный прибор, большей же частью носили вовсе без оправы⁵⁵⁹. Общее название нагаек — камшы, но у казахов имелись различные названия для них. Так, Ч. Валиханов указывал, что нагайки с очень толстой плетью называются дойыр, дырау (плетение из толстых ремней)⁵⁶⁰.

Нагайки являлись одним из часто употребляемых видов оружия при охоте. К примеру, И.Г. Георги сообщает, что беркуты «преследуемому зверю уцепляются когтями своими в глаза и тем еще лучше, нежели собаки, побег его останавливают, после чего преследователь убивает его тяжелым своим кнутом»⁵⁶¹.

К распространенным видам оружия, употреблявшегося на охоте и в повседневной хозяйственной жизни кочевников-скотоводов, относились нагайки (камчи), укрюки и соилы. Ч. Валиханов писал, что «укрючины», или укрюки (курук), представляли собой деревянные шесты с прикрепленной на конце и в середине длинной веревкой в виде большой петли⁵⁶². Из таких же шестов длиной до 3-4 аршин с корневым шарообразным утолщением на конце делались дубинки-соилы (сойыл).

Разумеется, далеко не каждый кочевник-скотовод имел у себя все эти виды оружия. Нередко вооружение казахов, как

⁵⁵⁸ Кәсіманов С. Қазақ халқының өнері. — Алматы, 1969. — 95 б.

⁵⁵⁹ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С. 468.

⁵⁶⁰ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С. 467.

⁵⁶¹ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. — СПб., 1776. — Ч. II. — 867 с. — С.165.

⁵⁶² Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С.467.

указывал И.Г. Андреев, состояло «из укрючин..., копий, по большей части деревянных обоженных, топоров, насаженных на палки», и лишь иногда бывали ружья⁵⁶³.

Из ручного огнестрельного оружия у казахов использовались капсюльные ружья. А. Левшин пишет, что ружья у казахов с приделанными к ломам деревянными сошками, или подставками, на которых устанавливают их, когда хотят стрелять, и «само собою разумеется, что из такового ружья нельзя стрелять иначе, как сойдя с лошади»⁵⁶⁴. Ч.Валиханов сообщает, что сошки делали также из сайгачьих рогов⁵⁶⁵.

А.Т. Кайдаров пишет, что ружье (мылтык) служило казахам как боевое оружие и как орудие охоты⁵⁶⁶. Однако, как справедливо указывает Ч.Ч. Валиханов, оно «было редкостью в степи и переходило из рода в род»⁵⁶⁷.

Ружья у казахов были, как правило, фитильные. Дальноточность таких ружей была невелика. Лишь имевшиеся у султанов «длинные и тяжелые ружья» били на расстояние до 700 шагов. Все же наличие огнестрельного оружия обеспечивало казахам определенные преимущества в сражениях с противниками, вооруженными только копьями и луками. По свидетельству М. Тевкелева, в 30-х годах XVIII в. ружья составляли большую часть вооружения казахов. Это было время напряженной борьбы казахского народа с джунгарскими завоевателями. По утверждению П.С. Палласа, каждый зажиточный казах обыкновенно имел огнестрельное оружие⁵⁶⁸.

⁵⁶³ Андреев И.Г. Описание киргиз-кайсаков Средней орды. — С. 71.

⁵⁶⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — С.49.

⁵⁶⁵ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С. 468.

⁵⁶⁶ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение. — С. 28.

⁵⁶⁷ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — С.466.

⁵⁶⁸ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. — С. 230.

О «довольном количестве» у казахов ружей «с фитилями и без оных» писал в 1803 г. Я. Гавердовский⁵⁶⁹.

В 60-х годах XIX в., получив из России ружья с ударно-кремневыми замками, казахи, по утверждению Л. Мейера, даже пренебрегали фитильными ружьями. Однако это относилось, очевидно, лишь к верхушке казахского общества, так как вообще у казахов в тот период ружей осталось сравнительно немного. Распространение огнестрельного оружия в Казахстане ограничивалось царизмом. Но казахи с давних пор покупали ружья в Бухаре, Хиве и Ташкенте, и только некоторая часть их поступала из России. По-видимому, имели место случаи изготовления ружей и самими казахами. Порох также приобретался в среднеазиатских городах и в России, но вместе с тем он зачастую изготовлялся и самими казахами. Свинцовые пули и фитили также делали сами казахи.

С XV-XVI вв. начался процесс активного и повсеместного распространения огнестрельного оружия. А. Кушкumbaев считает, что первые сведения об использовании огнестрельного оружия в Казахстане относятся ко второй половине XVI в. По его мнению, «Существовало два канала поступления огнестрельного вооружения в Казахстан: 1) степняки получали огнестрельное оружие через соседние государства и народы путем военной помощи и развития торговли, 2) при ведении военных действий кочевники могли захватывать в качестве трофеев оружие и, в том числе, мастеров-оружейников. В вооружении казахов ружья никогда не преобладали над другими видами оружия, и их количество было весьма ограниченным. Производство стрельбы из казахских ружей составляло трудоемкую операцию и занимало много времени. По нашим подсчетам, подготовка к выстрелу из ружья требовала, как минимум, пять операций. Стреляли из фитильного ружья только спешившись и исключительно при хорошей и сухой погоде. Казахи-кочевники,

⁵⁶⁹ Гавердовский Я. Обозрение киргиз-кайсацких степей. – С. 67.

кроме ружей, практически не имели других видов огнестрельного оружия»⁵⁷⁰.

Составным компонентом комплекса вооружения являются боевые доспехи. Из военного снаряжения или защитных боевых доспехов казахам были известны панцири и кольчуги (саут), а также шлемы. А. Бирзе и Г. Семенюк в качестве доказательства широкого распространения доспехов у казахов приводят исторические факты, когда в начале 40-х годов XVIII в. джунгарский правитель Галдан-Церен производил даже «побор пансирями» с казахов Старшего жуза⁵⁷¹. Кольчуги упоминаются и в источниках XIX века. По мнению А. Кушкумбаева, наиболее массовыми среди казахов-кочевников были кожаные панцири – «каттама, торгауыт, тон»: выделывавшиеся из мягких материалов (кожа, шкура). Кожаные панцири готовили по особой технологии: высушивали, дубили, делали многослойными⁵⁷².

К. Ахметжан указывает, что «Самый древний вид доспехов у казахов называется кобе сауыт – чешуйчатый доспех». Далее, анализируя смысловое значение названий доспеха, К. Ахметжан приходит к выводу, что «к доспеху кобе казахи относили все разновидности доспехов, где основу создают металлические пластины, набранные с частичным прикрытием друг друга по горизонтали или по вертикали, независимо от их формы и размера, способа крепления. Определяющим для классификации служит характер расположения пластин, т.е. способ бронирования доспеха»⁵⁷³.

Металлические доспехи ковались из железа и высококачественной стали. Такие эффективные защитные доспехи носили знатные воины. Отсюда понятно, что защитное во-

⁵⁷⁰ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.112.

⁵⁷¹ Семенюк Г.И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVII-XVIII веках // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. – М.: Наука, 1969. – С. 263-272.

⁵⁷² Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.114.

⁵⁷³ Ахметжан К.С. Боевые доспехи в традиционной системе вооружения казахов // Снаряжение кочевников Евразии. – С.82.

оружие покупалось состоятельными людьми в крупных торгово-ремесленных центрах Средней Азии.

А.К. Кушкумбаев довольно подробно исследовал защитное вооружение казахов. Он указывает, что в казахской устной литературе оборонительное снаряжение воинов фигурирует под общим понятием «сауыт», «сауыт-сайман» или «жарак»⁵⁷⁴.

Анализируя материалы казахского героического эпоса, А. Кушкумбаев приходит к выводу, что существовали «различные типы защитных доспехов воинов-батыров: «кобе, берен, жаланкат, шарайна» и др. «Кобе» относится к классу чешуйчатых панцирей, используемых ранее тюркоязычными кочевниками в средневековую эпоху. Следующий известный вариант панцирей «берен» (разновидности: берен сауыт, жеңсіз берен, берен тон). Отдельные экземпляры таких панцирей, по-видимому, изготовлялись из толстой кожи, сверху которой нашивались большие железные пластины, что говорит об их комбинированном характере»⁵⁷⁵.

Также исследователь упоминает и другие наименования, наиболее часто встречающиеся среди оборонительных средств казахов, такие, как «кіреуке, бадана зере сауыт» (предположительно класс кольчуг)⁵⁷⁶.

Как указывают источники, казахи иногда покрывали широкими железными кольчугами и боевых коней. Пожалуй, одним из самых распространенных типов кольчужных доспехов у кочевников являлась «бадана» (бадана, бадана көзді кіреуке, бадана көзді берік сауыт). Такие кольчуги обнаружены в кочевнических погребениях средневековья. Степное защитное вооружение активно заимствовалось народами, тесно контактировавшими с кочевниками на протяжении длительного периода, в частности, русскими. Кольчуги с дополнительными защитными деталями (круглыми железными бля-

⁵⁷⁴ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.115.

⁵⁷⁵ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.115.

⁵⁷⁶ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – С.116.

хами), предохранявшими важные участки тела, назывались «зере сауыт»⁵⁷⁷.

Боевые шлемы казахов — «дулыга» по своей конструкции тоже связаны с более ранними типами защитного изголовья тюрко-монгольских кочевников. Определенное сходство облика и структуры казахов шлемов прослеживается в археологических находках. Сближающими чертами шлемов А. Кушкумбаев считает сфероконическую форму купола, деление на четыре-восемь частей и соединение отдельных пластин железным обручем⁵⁷⁸.

Необходимым атрибутом боевого вооружения казахов в XVII-XVIII вв. становится вспомогательная (дополнительная) экипировка, состоящая из кожаного пояса и его аксессуаров.

К военному снаряжению казахов Ч. Валиханов относит специальный поясной ремень (калта) и патронташ из сайгачьих рогов (бир атар). В работе А. Кушкумбаева дается подробная характеристика вещественно-материальной части этого дополнительного снаряжения.

В целом исследователи считали, что казахское оружие, как холодное, так и огнестрельное, было удобно для ведения боя в конном строю. Особенно типичны боевые палицы, топоры (секиры), копья, размеры которых позволяют наиболее рационально пользоваться ими только верхом на лошади. И это понятно, так как казахи по своему образу жизни являлись скотоводами-кочевниками. Исключение составляет только огнестрельное оружие — ружья, которыми, как уже было сказано, можно было пользоваться спешившись с коня. Анализируя историографию вооружения казахов, можно отметить, что большинство исследователей сходятся во мнении о том, что оружие казахов принадлежало к типу вооружения кочевников Евразии и обладало общими с ним характеристиками. При этом исследователи считают, что полным боевым специ-

⁵⁷⁷ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — С.117.

⁵⁷⁸ Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. — С.118.

ализированным оснащением обладало, в первую очередь, военно-политическое руководство кочевников. Подавляющая часть казахских воинов была вооружена самыми различными предметами холодного оружия. Даже появление огнестрельного оружия и его применение не оказало большого влияния на развитие казахского вооружения, так как формы ведения войны не претерпели существенных изменений. Из всех аспектов военного дела казахов наиболее изученным стало вооружение. Помимо российских авторов дореволюционного периода, которые очень часто описывали казахское оружие, серьезно занимался его изучением великий казахский ученый Ч. Валиханов, который подробно описал, зарисовал и систематизировал виды оружия, используемые казахами. Эту традицию продолжили исследователи XX века, среди них представители различных наук — историки, археологи, лингвисты, оружейеды, искусствоведы. В результате на современном этапе уровень изучения оружия казахов, наступательного и защитного, является одним из наиболее высоких. Кроме того, происходит дальнейшее развитие исследовательской традиции, появляются новые работы, позволяющие в полной мере восстановить и реконструировать весь комплекс казахского вооружения. На современном этапе развития исторической науки необходимо провести дальнейшие научно-исследовательские работы по типологии и классификации вооружения, найденных во время археологических раскопок на территории Казахстана и хранящихся в отечественных музеях.

Заключение

Применение с середины XIX века методологии как формационного, так и цивилизационного подходов при изучении истории кочевых народов не дало доказательных ответов на ключевые вопросы нomaдизма. Более того, традиционное противопоставление этих направлений в историографии на практике обернулось идентичной эволюцией взглядов у сторонников теории формаций и последователей концепции цивилизации, и привело, в конечном итоге, к схожим выводам. Объясняется это тем, что оба подхода в основу модели его развития положили особенности эволюции земледельческих народов. Понятия «формация» и «цивилизация» были даны с позиции представлений западноевропейского человека. И не случайно, ключевым для них стал термин «государство» как один из признаков уровня развития общества. Но, как оказалось, особенности, характерные для определенных стадий развития эволюции оседлых народов, совсем не обязательно присутствуют в кочевых обществах, а признаки различных этапов могут существовать у кочевников одновременно.

Эволюция взглядов в рамках формационного и цивилизационного подходов очень схожа и прошла путь от мнения о статичном характере общества кочевников до создания теорий об особом его развитии и исключительном влиянии соседних оседлых народов на появление государства у кочевников.

Особенностью проявления кочевой культуры является то, что ее изначально можно назвать конно-железной. Культуру кочевых обществ следует исследовать в её единстве и целост-

ности. В этом направлении в конце XX века происходит эволюция прежних представлений о кочевом обществе, в научном мире резко возрос интерес к феномену номадизма. В последние годы казахстанские ученые становятся лидерами в области исследований кочевого общества. При этом вклад казахстанских исследователей в развитие мирового кочевниковедения не ограничивается историческими, социологическими, этнографическими и культурологическими исследованиями, значительное развитие получили теоретические, методологические и гносеологические аспекты.

Военное дело кочевников — важнейшая тема исследований в современной военной историографии. Историографический анализ позволяет сделать вывод о эволюционировании взглядов на военно-политическую организацию кочевников — от полного отрицания кочевой государственности до исторической, генетической и культурной преемственности кочевых империй — тюркской и монгольской. Несомненным является утверждение в военной историографии кочевничества взглядов о том, что военная организация кочевников Евразии была тождественной родоплеменной структуре, что сохранялось в течение очень длительного исторического периода, в том числе у казахов до XIX века.

Сегодня эволюция взглядов на военную историю кочевых народов Евразии привела к пониманию значимости и роли ее в мировой истории. В историографии сложилось мнение, что кочевая военная система с ее массовым и подвижным конным войском, тщательной подготовкой и искусным ведением боя, с гибким сочетанием стрелкового боя в рассыпном строю и стремительной атаки плотных отрядов, с широким маневром конных масс, неотступным преследованием, хорошо поставленным управлением, охранением и разведкой, несомненно, являлась одной из самых совершенных военных систем средневековья. Она оказала огромное влияние на военное дело в соседних странах — в Китае, Иране, Византии и Руси, вызывая повсюду создание или развитие конницы, особенно конных лучников.

При этом особое внимание в историографии обращается на то обстоятельство, что, сформировавшись в условиях адаптации к степному ландшафту, характерные черты военного искусства кочевников в дальнейшем неуклонно развивались вне зависимости от изменений в способах кочевания и смены этнической расстановки сил в степной полосе Евразии, поскольку эти черты определялись военным превосходством над оседлыми соседями.

На протяжении XIX-XX веков происходило развитие исторических исследований о военной организации казахского общества. Несмотря на противоречивость и неоднозначность мнений и суждений исследователей об уровне военной организации казахов, в современный период несомненным становится тезис о высоком уровне военной организации и выдающихся воинских талантах и храбрости казахских воинов, батыров и военачальников.

Историографический анализ военного искусства кочевников Евразии позволяет утверждать, что тактика военных действий, которую прежде ошибочно приписывали только монголам эпохи Чингис хана, была характерной для любого кочевого общества и такая последовательность военных действий была присуща «казахам, постоянно воевавшим с ойратами и сумевшими одержать над ними решительную победу в 1729 г. в Анракайском сражении; ойратам, не раз громившим цинские армии в период с 1690 по 1759 годы; халха-монголам, вступившим в решительную схватку с войсками бэйлэ Додо в 1648 г. на урочище Дзаг-булаг и т.д. и т.п.»

Приемы ведения войны и боя, существовавшие у кочевых племен Казахстана с древнейших времен до середины XIX в., были обусловлены особенностями кочевого скотоводства и на каждом этапе своего развития взаимосвязаны с типом вооружения и снаряжения, составом и организацией войска, характером войн. Военное искусство казахов, развивавшееся как наследие кочевой традиции, к концу XIX века исчезает. Причины этого в том, что во второй половине II тыс. н.э. с развитием огнестрельного оружия и созданием соседних го-

сударствах постоянных регулярных армий, технически отсталые и необученные к крупным полевым сражениям дружины степных воинов оказываются в невыгодном положении. Былое военное искусство кочевников все больше сводится к искусству дерзкого набега. Масштабы военных действий уменьшаются. Бой уступает место измору. Грозная военная сила степняков идет к своему закату. Казахи второй половины XIX века уже не могут рассматриваться как носители чисто степного военного искусства. А в конце XIX в. оно вообще исчезает как самостоятельная ветвь военного искусства.

В историографии дореволюционного периода и, особенно у современных исследователей четко выражено мнение о высоком уровне развития военного дела кочевников Евразии, в том числе, наступательного и защитного вооружения всадников, а также снаряжения боевого коня. Все это в совокупности давало возможность евразийскимномадам в течение тысячелетий удерживать военное превосходство над оседло-земледельческим миром.

Историография защитного вооружения кочевников Евразии приходит к выводу о том, что общий уровень оснащенности защитными средствами воинов Евразии был достаточно представлен и разнообразен. Наряду с мелкопластинчатыми и ламеллярными панцирями в XVII стала применяться кольчуга и крупнопластинчатый доспех, шлемы с пластинчатыми бармицами, достаточно эффективная защита конечностей. Все эти виды доспехов были не только достаточно надежны при защите от холодного оружия, но и относительно просты в изготовлении. Распространение средств защиты среди кочевников резко повышало устойчивость номадов в ближнем бою, что не могло не сказаться на результатах военных компаний, которые позволили кочевым народам длительное время доминировать в военном отношении.

Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что оружие казахов принадлежало к типу вооружения кочевников Евразии и обладало общими с ним характеристиками. При этом исследователи считают, что полным боевым специ-

ализированным оснащением обладало, в первую очередь, военно-политическое руководство кочевников. Подавляющая часть казахских воинов была вооружена самыми различными предметами холодного оружия. Даже появление огнестрельного оружия и его применение не оказало большого влияния на развитие казахского вооружения, так как формы ведения войны не претерпели существенных изменений.

В последние годы казахстанскими учеными был совершен своего рода прорыв в области исследований феномена номадизма. При этом вклад казахстанских исследователей в развитие мирового кочевниковедения не ограничивается историческими, социологическими, этнографическими и культурологическими исследованиями, значительное развитие получили теоретические, методологические и гносеологические аспекты. Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод об эволюционировании взглядов на военно-политическую организацию кочевников — от полного отрицания кочевой государственности до исторической, генетической и культурной преемственности кочевых империй — тюркской и монгольской. На наш взгляд, подобная эволюция связана как с развитием общественных процессов, так и оформлением научной методологии, позволившей утвердить системный взгляд на историю кочевого социума. Несомненным является утверждение в военной историографии кочевничества взглядов о том, что военная организация кочевников Евразии была тождественной родоплеменной структуре, что сохранялось в течение очень длительного исторического периода, в том числе у казахов до XIX века. В развитии историографии номадов четко прослеживается несколько этапов: дореволюционный (середина XVIII — 20-е годы XX вв.); советский (1920-1980 годы) и условно современный (условно, потому что еще в начале 80-х годов советского периода появляются работы, перевернувшие представление о кочевниках). Особое место в нашей условной периодизации занимают исследования Л.Н. Гумилева и евразийцев, во многом предопределившие направления и векторы научных исследований современности.

Исследования военной системы кочевников в конце XIX века носили эпизодический характер и основывались лишь на сообщениях нарративных источников, не подвергая их углубленному анализу. Тем не менее, в конце XIX века были заложены научные основы исследований военной структуры номадов, позднее развитые в работах Л. Гумилева, А. Хазанова и Ю. Худякова. Казахстанская историография военной структуры кочевого общества представлена, прежде всего, в работах А. Кушкумбаева и Т. Алланиязова.

Развитие историографии военной структуры казахского общества прошло сложный путь, от отдельных фрагментарных сведений, сообщавшихся авторами середины XVIII-XIX веков до специальных работ А.А. Рослякова, предпринятых в 60-х годах XX века, и до комплексных исследований А. Кушкумбаева и Т. Алланиязова. Нельзя не отметить вклад Н. Аполловой и В. Басина, своими работами поднявших исследования военной организации и структуры казахского общества на серьезный научный уровень. Современные казахстанские исследователи отметили высокий уровень военной организации казахского общества, доказали преемственность военной структуры, унаследованной и усовершенствованной в институтах военной власти казахских ханов. Тем самым был внесен значительный вклад в разработку проблем военного дела казахов, а вместе с тем и евразийских кочевников.

Можно констатировать высокий уровень развития исследований военного искусства центральноазиатских номадов, достигнутый в 80-х годах XX – начале XXI века. Особо значимый вклад в эту область исследований был внесен сибирскими учеными – Ю. Худяковым, В. Горбуновым, М. Гореликом, Л. Бобровым, системно и полно исследовавшим военное искусство кочевников в разные исторические периоды – раннего, среднего и позднего средневековья во всем многообразии и на основе широкого круга источников, включая археологические. Несмотря на то, что отдельные аспекты военного

искусства казахов привлекали внимание исследователей еще в прошлых веках, тем не менее, в целом уровень разработки проблемы был недостаточным.

Научные интересы историков составляли частные вопросы военного искусства, и то в связи с происходившими в Казахстане военно-политическими событиями. Специально изучением военного искусства казахов занимались уже не раз упоминавшиеся А. Кушкumbaев и Т. Алланиязов. Безусловно, этого крайне мало, особенно если вспомнить уровень исследований военного искусства кочевников, который создан благодаря трудам сибирских ученых.

Изучение вооружения кочевников Евразии в научной историографии началось сравнительно недавно, вплоть до 70-х годов XX века исследователи ограничивались краткими и фрагментарными описаниями различных видов оружия. В конце 70-х годов благодаря усилиям сибирской школы исследование защитного вооружения кочевников Евразии вышло на качественно новый уровень, связанный с использованием новых методов и приемов обработки материала, полученного в ходе археологических находок и позволяющего достоверно реконструировать обнаруженные фрагменты вооружения.

Из всех аспектов военного дела казахов наиболее изученным стало вооружение. Помимо российских авторов дореволюционного периода, которые очень часто описывали казахское оружие, серьезно занимался его изучением великий казахский ученый Ч. Валиханов, который подробно описал, зарисовал и систематизировал виды оружия, используемые казахами. Эту традицию продолжили исследователи XX века, среди них представители различных наук — историки, археологи, лингвисты, оружейеды, искусствоведы. В результате на современном этапе уровень изучения оружия казахов, наступательного и защитного, является одним из самых наиболее высоких. Кроме того, происходит дальнейшее развитие исследовательской традиции, появляются новые работы, позволяющие в полной мере восстановить и реконструировать весь комплекс казахского вооружения.

В результате историографического исследования военного дела кочевников определен ряд проблем, требующих дальнейшей разработки. Например: происхождение некоторых видов оружия; роль оружия в обрядах и традициях и их символическое значение; влияние мировоззрения кочевников на военное дело; взаимовлияние уровня развития ремесла и военного дела; оборонительные сооружения и способы их осады; влияние военного дела кочевников на соседние народы. Так же предстоит провести типологию и классификацию вооружения найденных при археологических раскопках на территории Казахстана и хранящихся в отечественных музеях. Актуальным остается изучение военной истории древнего и средневекового Казахстана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ	16
1.1 Концептуально-методологические проблемы номадизма в историографическом дискурсе	16
1.2 Новые подходы к изучению военно-политической организации кочевников в исторических исследованиях ...	58
Глава 2. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	93
2.1 Историография исследований военной системы евразийских кочевников	93
2.2 Исторические исследования военной структуры казахского общества	128
2.3 Историография кочевого военного искусства	150
2.4 Исследования военного искусства казахов	177
Глава 3. РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВООРУЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ	202
3.1 Исследования наступательного оружия кочевников Евразии	202
3.2 Защитное вооружение кочевников Евразии в исторических исследованиях	224
3.3 Изучение вооружения казахов	244
Заключение	263

Научное издание

Жумадил Арман Кабдешулы

**ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Корректор *Г. Бекбердиева*

Компьютерная верстка *Г. Шапкозовой*

Дизайнер обложки *Р. Шангараев*

В оформлении обложки использованы фото с сайта
<http://im7.asset.yvimg.kz/userimages/latish/pqvluxjyb6T8LcRzqkxhyAxp1oHu7.jpg>

ИБ №7562

Подписано в печать 10.10.2014. Формат 60x84/16.

Печать цифровая. Объем п.л.17,2. Тираж 70. Заказ №1954.

Издательский дом «Қазақ университеті» Казахского национального
университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».